

ФИННО-УГОРСКИЙ МИР

FINNO-UGRIC WORLD

ISSN 2076-2577 (Print)
ISSN 2541-982X (Online)

2025

Tom 17 № 4
Vol. 17 No. 4

Финно-угорский мир

Научный журнал

Том 17, № 4. 2025

<https://doi.org/10.15507/2076-2577>

Журнал основан в 2008 г.
Периодичность издания – 4 раза в год

Зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Реестровая запись ПИ № ФС 77 - 70644
от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс – 42059

Учредитель и издатель:

федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва».
430005, Российская Федерация,
Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Большевикская, 68

Адрес редакции:

430005, Российская Федерация,
Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Большевикская, 68
Телефон: +7 8342 481424

Сайт: <https://csfu.mrsu.ru>

Электронная редакция:

<https://journals.rcsi.science/2076-2577>

E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Главный редактор Н. П. Макаркин

Дата выхода 29.12.2025.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 12,25.
Тираж 1 000 экз. (1-й завод – 100 экз.).
Цена свободная. Заказ № 695

Отпечатано в типографии
Издательства Мордовского университета
430005, Российская Федерация,
Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Советская, 24

The journal was founded in 2008.
Periodicity: Quarterly

Registered by The Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor)
Registry Entry PI No. ФС 77 - 70644
August 3, 2017

Distributed in Russian Federation
and foreign countries

Subscribe index – 42059

Founder and Publisher:

Federal State
Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“National Research
Ogarev Mordovia
State University”
68 Bolshevikskaya St., Saransk
430005, Republic of Mordovia,
Russian Federation

Editorial board:

68 Bolshevikskaya St., Saransk
430005, Republic of Mordovia,
Russian Federation
Phone: +7 8342 481424

Website: <https://csfu.mrsu.ru>

Electronic edition:

<https://journals.rcsi.science/2076-2577>

E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Editor-in-Chief N. P. Makarkin

Released on December 29, 2025.
Format 70 × 108 1/16. Press sheets 12.25.
Circulation 1,000 copies (1st – 100 copies).
Free price. Order No. 695

Printed in the Publishing Office of National
Research Ogarev Mordovia State University
24 Sovetskaya St., Saransk
430005, Republic of Mordovia,
Russian Federation

Финно-угорский мир

«Финно-угорский мир» – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий оригинальные научные статьи, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов.

Миссия журнала – распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризация их языков, народной культуры и искусств, истории.

Журнал включен в «Белый список» научных журналов и входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.6.1. Отечественная история

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (финно-угорские и самодийские)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

Редакция научного издания «Финно-угорский мир» осуществляет рецензирование («двойное слепо») всех поступающих в редакцию материалов. Рукопись статьи направляется на рецензирование для оценки ее научного содержания нескольким ведущим специалистам соответствующего профиля, имеющим научную специализацию, наиболее близкую к тематике статьи.

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Редакция журнала реализует принцип нулевой толерантности к плагиату и осуществляет мониторинг некорректного цитирования.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Committee on Publication Ethics (COPE).

Издание предоставляет открытый доступ к полным текстам публикаций, исходя из следующего принципа: открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Russian Science Citation Index (RSCI)

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Ulrich's Global Serials Directory

Журнал является членом Committee on Publication Ethics (COPE), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef

Finno-Ugric World

Journal “Finno-Ugric World” is a peer-reviewed open access scholarly journal publishing original scientific articles devoted to the results of research on linguistic, historical, ethnographic and cultural problems of Finno-Ugric peoples.

The mission of the journal is to disseminate scientific knowledge about Finno-Ugric peoples in the Russian Federation and abroad, popularize their languages, folk culture and arts, history.

The Editorial Board reviews (double-blind review) all incoming papers. The manuscript of the article is sent for review to several leading specialists of the corresponding profile, who have scientific specialization closest to the subject of the article, to evaluate the scientific content.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The Editorial Board follows the principle of zero tolerance to plagiarism. Plagiarism checking is carried out by using Anti-Plagiarism and iThenticate software.

The journal adheres to editorial ethics standards following international practice of editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE).

The journal offers direct open access to full-text issues based on the following principle: open access to research results contributes to the increase of global knowledge sharing.

The journal is indexed and archived in:
Russian Science Citation Index (RSCI)
Russian Index of Science Citation
ERIH PLUS
Ulrich's Global Serials Directory

The journal is a member of the Committee on Publication Ethics (COPE),
Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Directory of Open Access Journals (DOAJ),
Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP) and CrossRef

Редакционная коллегия

Макаркин Николай Петрович – главный редактор, председатель совета, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и организации производства МГУ им. Н. П. Огарёва, руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Российская Федерация), makarkin@mrsu.ru

Мосина Наталья Михайловна – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), natamish@rambler.ru

Никонова Юлия Николаевна – ответственный секретарь редакции научных журналов Высшей школы развития научно-образовательного потенциала МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), ulanikonova@yandex.ru, finno-ugric.world@mail.ru

Бахлова Ольга Владимировна – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), olga.bahlova@mail.ru

Бояркин Николай Иванович – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), bojarkin_ni@mail.ru

Братчикова Надежда Станиславовна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Российская Федерация), n.bratchikova@mail.ru

Вичинене Дайва – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузыкологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivaster@gmail.com

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Российская Федерация), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Илюха Ольга Павловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Российская Федерация), iljuha@krc.karelia.ru

Кауппала Пекка – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi

Кондратьева Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета (г. Ижевск, Российская Федерация), nataljakondratjeva@yandex.ru

Копылова Татьяна Рудольфовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, теоретической, прикладной лингвистики и русского языка как иностранного Удмуртского государственного университета (г. Ижевск, Российская Федерация), k_tatiana4@mail.ru

Корнишина Галина Альбертовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), g.kornihina@mail.ru

Луутонен Йорма – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi

Мартынова Марина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, (г. Москва, Российская Федерация), martynova@iea.ras.ru

Матичак Шандор – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticsak.sandor@arts.unideb.hu

Мишанин Юрий Александрович – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского) народа (г. Саранск, Российская Федерация), mordvarf@mail.ru

Муллонен Ирма Ивановна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Российская Федерация), mullonen@krc.karelia.ru

Новак Ирина Петровна – доктор филологических наук, директор Института языка, литературы и истории, старший научный сотрудник Междисциплинарного научно-образовательного центра NORDICA Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (г. Петрозаводск, Российская Федерация), bel.irina@rambler.ru

Нурьева Ирина Муртазовна – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Российская Федерация), nurieva-59@mail.ru

Осьмак Наталья Андреевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языков Северной Европы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), natalia.osmak@yandex.ru

Попов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Российская Федерация), doctor_popov@mail.ru

Пустаи Янош – доктор филологии, профессор, директор NH «Collegium Fenno-Ugricum» (г. Бадачоньтомай, Венгрия), janos_pusztay@hotmail.com

Ракин Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Российская Федерация), anatolij.rakin@mail.ru

Сейленталь Тьлу – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seilu@ut.ee

Тулуз Ева – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com

Шаланки Жужанна – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu

Шилов Николай Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и менеджмента Московского социально-педагогического института (г. Москва, Российская Федерация), n_shilov@uni21.org

Шипець Кателин – доктор философии, доцент кафедры финно-угроведения Сегедского университета (г. Сегед, Венгрия), sipoczka@gmail.com

Шкалина Галина Евгеньевна – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола, Российская Федерация), gshkalina@mail.ru

Editorial Board

Nikolay P. Makarkin – Editor-in-Chief, Chairman of the Board, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Economics and Organization of Production, National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russian Federation), makarkin@mrsu.ru

Natalya M. Mosina – Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), natamish@rambler.ru

Yuliya N. Nikonova – Executive Secretary of the Editorial Board of Scientific Journals of the Higher School of Development of Scientific and Educational Potential, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), ulanikonova@yandex.ru, finno-ugric.world@mail.ru

Olga V. Bakhlova – Dr.Sci. (Polit.), Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), olga.bahlova@mail.ru

Nikolay I. Boyarkin – Dr.Sci. (Arts), Professor, Leading Researcher, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), bojarkin_ni@mail.ru

Nadezhda S. Bratchikova – Dr.Sci. (Philol.), Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), n.bratchikova@mail.ru

Olga P. Ilyukha – Dr.Sci. (Hist.), Lead Research Fellow, History Section, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation), iljuha@krc.karelia.ru

Pekka Kauppala – Ph.D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi

Natalia V. Kondratyeva – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation), nataljakondratjeva@yandex.ru

Tatiana R. Kopylova – Dr.Sci.(Philol.), Associate Professor, Professor of the Chair of Russian Language, Theoretical and Applied Linguistics, and Russian as a Foreign Language, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation), k_tatiana4@mail.ru

Galina A. Kornishina – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), g.kornishina@mail.ru

Jorma Luutonen – Ph.D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi

Marina Yu. Martynova – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russian Federation), martynova@ica.ras.ru

Sándor Maticsák – Ph.D. (Philol.), Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticsak.sandor@arts.unideb.hu

Yuri A. Mishanin – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russian Federation), mordvarf@mail.ru

Irma I. Mullonen – Dr.Sci. (Philol.), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation), mullonen@krc.karelia.ru

Irina P. Novak – Dr.Sci. (Philol.), Director, Institute of Language, Literature and History; Senior Researcher, Interdisciplinary Research and Education Center NORDICA, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation), bel.irina@rambler.ru

Irina M. Nurieva – Dr.Sci. (Arts), Leading Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation), nurieva-59@mail.ru

Natalia A. Osmak – Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor, Head of the Department of Languages of Northern Europe, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation), natalia.osmak@yandex.ru

Alexander A. Popov – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation), doctor_popov@mail.ru

János Pusztay – Ph.D. (Philol.), Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos_pusztay@hotmail.com

Anatoly N. Rakin – Dr.Sci. (Philol.), Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation), anatolij.rakin@mail.ru

Zsuzsanna Salánki – Ph.D. (Philol.), Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu

Tõnu Seilenthal – Ph.D. (Philol.), Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee

Katalin Shipets – Ph.D., Dr. Habil, Assistant Professor of the Department of Finno-Ugric Studies, University of Szeged (Szeged, Hungary), sipoczka@gmail.com

Nikolai V. Shilov – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Department of Social and Humanitarian Sciences and Management, Moscow Social Pedagogical Institute (Moscow, Russian Federation), n_shilov@uni21.org

Galina E. Shkalina – Dr.Sci. (Cult.), Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), gshkalina@mail.ru

Eve Toulouse – Ph.D., Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouse@gmail.com

Daiva Vyčiniénė – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com

Igor L. Zherebtsov – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Лексикология

Каксин А. Д. Семантико-стилистические особенности образной лексики в хантыйском языке (на материале разговорно-художественного дискурса)	388
Богачева К. М. Лексика побратимства в прессе советской Карелии: корпусный анализ газет 1960–1980-х гг.	398

Топонимика и диалектология

Баженова О. Н., Норманская Ю. В. Сопоставительный анализ лексики ижемского диалекта коми-зырянского языка (по материалам словаря М. А. Кастрена и современной аудиодокументации)	412
Муллонен И. И. Картографирование как инструмент исследования локальной топонимической системы	430
Елышев В. В. Проблема локализации южной границы среднеижских говоров удмуртского языка: фонетико-диалектологический анализ	442

История, этнография, археология

Саберов Р. А., Шиженский Р. В. Формирование духовной вертикали в процессе институционализации священнослужителей марийской традиционной религии в XX – XXI вв.	454
Исянгулов Ш. Н. Законодательное и обычно-правовое регулирование браков и разводов у язычников Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в.	470
Молчанова Л. А. Удмуртский обрядовый пояс «зар» и его трехчастная композиция: проблемы семантики	481

Этнодемография

Ахметова Г. Ф. Тенденции урбанизационных процессов в национальных республиках Урало-Поволжья во второй половине XX – начале XXI в.	496
--	-----

Рецензия

Скворцова Л. Г. Историческое наследие на страницах переписных книг	513
Информация для авторов и читателей	516

CONTENT

Lexicology

- Kaksin A. D.** Semantic and Stylistic Features of Figurative Lexis in the Khanty Language
(Based on Colloquial and Artistic Discourse) (In Russ.) 388
- Bogacheva K. M.** The Vocabulary of Town-Twinning: A Corpus Analysis of the Press
in Soviet Karelia (1960s–1980s) (In Russ.) 398

Toponymy and Dialectology

- Bazhenova O. N., Normanskaya Yu. V.** A Contrastive Analysis of the Vocabulary
of the Izhma Dialect of the Komi-Zyryan Language (Based on Materials from
M. A. Castrén's Dictionary and Modern Audio Documentation) (In Russ.) 412
- Mullonen I. I.** Mapping as a Tool for Investigating a Local Toponymic
System (In Russ.) 430
- Elyshev V. V.** The Problem of Localizing the Southern Border of the Middle Izh Dialects
of the Udmurt Language: Phonetic and Dialectological Analysis (In Russ.) 442

History, Ethnography, Archeology

- Saberov R. A., Shizhensky R. V.** The Formation of a Spiritual Hierarchy in the Process
of Institutionalization of Clergy in the Mari Traditional Religion (20th–21st Centuries) (In Russ.) 454
- Isyangulov Sh. N.** Statutory and Customary Law in Governing Marriage and Divorce among
Pagan Populations in the Ufa Province from the Mid-19th to the Early 20th Century (In Russ.) 470
- Molchanova L. A.** The Udmurt Ritual Belt “Zar” and Its Tripartite Composition:
A Semantic Inquiry (In Russ.) 481

Ethnodemography

- Akhmetova G. F.** Trends in Urbanization Processes in the National Republics
of the Ural-Volga Region During the Late 20th and Early 21st Centuries (In Russ.) 496

Review

- Skvortsova L. G.** The Historical Legacy on the Pages of Census Books (In Russ.) 513
- Information for authors and readers 516

ЛЕКСИКОЛОГИЯ LEXICOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.388-397><https://elibrary.ru/xrocia>

УДК / UDC 811.511.142

Оригинальная статья / Original article

Семантико-стилистические особенности образной лексики в хантыйском языке (на материале разговорно-художественного дискурса)

А. Д. Каксин

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,
г. Абакан, Российская Федерация
adkaksin@yandex.ru*

Аннотация

Введение. На сегодняшний день в лингвистической науке нерешенной остается проблема отделения образных слов от других выразительных языковых единиц. Нечеткими являются критерии, согласно которым та или иная лексическая единица отмечается в толковом словаре как образная. Цель исследования – определение и анализ типов образных слов и выражений в хантыйском языке.

Материалы и методы. Исследование проводилось на материале текстов на казымском диалекте хантыйского языка с использованием «Диалектологического и этимологического словаря хантыйского языка» Вольфганга Штейница (Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache, 1966–1991). Авторский подход к теме обоснован пониманием языка как сложной, многоуровневой системы, отдельные элементы которой постигаются лингвистами с применением разных методик. Суть наиболее важного для нас метода заключается в систематизации понятий, описывающих единицы одного свойства и находящиеся между собой в отношениях вариативности. В нашем случае образные слова и сочетания рассматриваются как выразительные средства, их отличительные черты выявляются на фоне эпитетов, метафор, сравнений. В ходе текстуального анализа выявляются сначала все выразительные средства, а затем те языковые единицы, в семантике которых заключено указание на нахождение первоисточника, оригинала. Семантика слов, в значении которых утверждается присутствие образной компоненты, проверяется по диалектологическому и этимологическому словарю В. Штейница. Предполагается также, что многие образные слова и выражения хантыйского языка уже зафиксированы в данном словаре.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ речевых образцов хантыйского языка показал возможность отграничения образных слов и выражений от других выразительных средств и выведение определенной типологии образных единиц языка. Словарные образные единицы включают большинство переносных значений слов, составные слова (в том числе составленные путем переноса значения одного из компонентов) и образные словосочетания (включая те, что являются частью пословиц и поговорок). Контекстуальные образные единицы – слова и сочетания, образная компонента которых возникает в данном конкретном контексте.

Заключение. Практическая значимость исследования заключается в продуктивности поиска образных слов и выражений в разговорной речи и художественных произведениях – то есть в тех типах дискурса, где они активно используются. Перспективы исследования связаны с накоплением достаточного материала для составления словаря образных слов и выражений хантыйского языка.

© Каксин А. Д., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: функциональные стили, художественное произведение, выразительные средства, разные слова и выражения, характеристика, оценка, хантыйский язык

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Каксин А.Д. Семантико-стилистические особенности образной лексики в хантыйском языке (на материале разговорно-художественного дискурса). *Финно-угорский мир*. 2025;17(4):388–397. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.388-397>

Semantic and Stylistic Features of Figurative Lexis in the Khanty Language (Based on Colloquial and Artistic Discourse)

A. D. Kaksin

*Khakassian State University named after N. F. Katanov,
Abakan, Russian Federation
adkaksin@yandex.ru*

Abstract

Introduction. To date, in linguistics, the problem of separating figurative words from other expressive language units remains unresolved. The criteria according to which a given lexical unit is marked as figurative in an explanatory dictionary are unclear. The aim of the research is to identify and analyze the types of figurative words and expressions in the Khanty language.

Materials and Methods. The study was conducted using texts in the Kazym dialect of the Khanty language, employing Wolfgang Steinitz's "Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache" (1966–1991). The author's approach to the topic is based on an understanding of language as a complex, multi-level system, the individual elements of which are studied by linguists using various methods. The essence of the most important method for us lies in the systematization of concepts that describe units of the same nature and that stand in relations of variability to one another. In our case, figurative words and expressions are examined as expressive means, and their distinctive features are identified against the background of epithets, metaphors, and similes. In the course of textual analysis, all expressive means are first identified, followed by those linguistic units whose semantics contain an indication of the location of the source, the original. The semantics of words whose meanings imply the presence of a figurative component are verified using W. Steinitz's dialectological and etymological dictionary. It is also assumed that many figurative words and expressions of the Khanty language are already recorded in this dictionary.

Results and Discussion. The analysis of speech samples in the Khanty language has revealed the possibility of distinguishing figurative words and expressions from other expressive means and of deriving a specific typology of figurative units in the language. Lexical figurative units include the majority of figurative meanings of words, compound words (including those formed through the transference of meaning of one of their components), and figurative phrases (including those that are part of proverbs and sayings). Contextual figurative units are words and combinations whose figurative component arises within a given specific context.

Conclusion. The practical significance of the study lies in the effectiveness of searching for figurative words and expressions in colloquial speech and literary works – that is, in those types of discourse where they are actively used. The prospects for further research are associated with accumulating sufficient material to compile a dictionary of figurative words and expressions in the Khanty language.

Keywords: functional styles, artwork, expressive means, figurative words and expressions, characterization, evaluation, Khanty language

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Kaksin A.D. Semantic and Stylistic Features of Figurative Lexis in the Khanty Language (Based on Colloquial and Artistic Discourse). *Finno-Ugric World*. 2025;17(4):388–397. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.388-397>

Введение

Авторы многих современных лингвистических работ, рассматривающие прежде всего эстетическую функцию языка, исходят из неявной идеи о том, что в плане выразительности лексические единицы бывают нейтральные и выразительные. К числу вторых относят метафору, эпитет, сравнение, гиперболу, олицетворение и некоторые другие единицы. Как правило, в эту группу включают и образные слова и выражения. При этом свойство (или признак) образности часто «растворяется» в наименовании других единиц данного ряда: к примеру, встречаются терминологические сочетания – «образные метафоры», «образные сравнения» и др. В данном исследовании мы придерживаемся мысли о том, что образные слова и выражения – это особый, отдельный разряд лексических единиц.

В текстах, взятых для анализа, описывается повседневная жизнь ханты небольшой рыбацкой деревни и зимнего стойбища. Углубленное прочтение позволяет выявить средства, с помощью которых автор детально описывает природу, действия людей или полно раскрывает характер персонажей. Особое внимание уделено поиску собственно образных лексических единиц.

Общий подход к выделению искомым единиц можно сформулировать так: образные слова и выражения мыслятся в кругу большинства выразительных средств языка, если понимать их как результат столкновения двух первородных семантем. В этом случае словарь языка можно сравнить «с плотной, местами многослойной и совершенно прозрачной хрустальной сферой, которая окружает нас со всех сторон. Она состоит из “кусочков” – слов, связанных между собой сложными, разнообразными отношениями типа разноплановых ассоциаций» [1].

Это определение является общим. По нашему мнению, с ним можно связать разные случаи «столкновения» первичных семантем, в результате которого рождается некоторое новое, нетривиальное по своей семантике, слово (или словоупотребление). Одним из таких случаев можно считать формирование переносного значения. К примеру, словообразовательный суффикс *-лы* в хантыйском языке имеет прямое, буквальное значение «без чего-либо / лишенный чего-либо»: *хоплы* ‘без лодки’, *йингклы* ‘без воды’, *щомлы* ‘без сил’, *сэмлы* ‘без глаз’ и т. д. Но присоединение суффикса к слову *сэм* со значением ‘сердце’ ведет к формированию переносного значения: получаемое в результате слово употребляется прежде всего для качественной характеристики человека: *сэмлы* – трусливый, боязливый¹.

Цель статьи – выявить в исследуемых текстах образные слова и выражения и показать, что признак образности заложен в них изначально, а переносное значение слова трактуется как отдельная лексема.

Обзор литературы

Каждый язык имеет в своем лексиконе не только номинативные, характеризующие, но и экспрессивные, выразительные единицы. В контексте нашего исследования мы склонны относить к ним также и эпитеты, метафоры, идентификаторы, повторы, реминисценции, аллюзии и другие явления. Особую ценность в контексте исследования представляют работы, указывающие на широкий круг выразительных средств и содержащие мысль о том, что их использование характерно и для разговорной речи [2–4]. С другой стороны, оказались полезны работы, в которых обсуждаются языковые средства, имеющие косвенное отношение к выражению образности² [5; 6]. В статьях, посвященных языку фольклора и художественных произведений, были отмечены положения об устойчивых образных схемах и формулах [7–9].

¹ Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie Verlag; 1966–1991. S. 1341.

² Топоров В.Н. Тропы. В: Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия; 1990. С. 520–521.

Особое внимание уделим сравнению как явлению языка. Образные сравнения, выраженные одним словом или словосочетанием, следует отличать от синтаксических структур – сравнительных конструкций. Строение сравнительных конструкций несколько специфично: в них, хотя бы эксплицитно, содержится указание на наличие двух или более противопоставляемых субстанций. В этом случае в любом языке должно быть указано и основание, признак сравнения. В сравнительных конструкциях часто присутствует и сравнительный маркер (союз, показатель сравнительного падежа или его аналог) [10–12].

Среди работ, посвященных конкретным языкам, выделяются те, в которых анализируются единицы образно-метафорического плана [13–15]. Однако, на наш взгляд, интересными являются и работы, посвященные нелексическим явлениям: выясняется, что многие из грамматических средств опосредованно могут быть использованы для характеристики и оценки человека [16–18].

В указанных работах подробно рассмотрены выразительные средства разных языков, но отсутствуют выводы о самостоятельности разряда образных слов и необходимости отграничения образных лексических единиц от метафор, эпитетов, сравнений и других выразительных средств.

Материалы и методы

Хантыйский язык – младописьменный (письменность на основе русской графики – с 1937 г.). Изданные на всех диалектах тексты очень разнородны по содержанию: учебные пособия, книги для дополнительного чтения, материалы газет, словари, фольклорные сборники. Небольшая по объему художественная литература представлена произведениями Г. Д. Лазарева, В. С. Волдина, Р. П. Ругина, Е. Д. Айпина и некоторых других авторов.

Для подтверждения идеи о том, что образные слова и выражения являются неотъемлемой частью лексикона любого языка, мы обратились к самому объемному словарю хантыйского языка и к текстам разговорно-художественного дискурса. К последним отнесены авторские произведения, не только художественные, но и бытовые, т. е. записанные у носителей языка тексты, имеющие определенную фабулу, передающие авторскую позицию. Чтобы более отчетливо представить характер этих рассказов, в первую очередь мы отграничиваем их от фольклорных текстов любого жанра.

Авторский подход к теме связан с пониманием языка как сложной, многоуровневой системы, отдельные элементы которой постигаются лингвистами с применением разных методик. Суть одного из таких способов, наиболее важного для данного исследования, заключается в постепенном сужении взгляда, поэтапном выведении из фокуса внимания явлений одного порядка, выпадающих по мере того, как задается более конкретное определение объекта изучения. В ходе текстуального анализа выявляются сначала все выразительные средства, а затем выделяются те языковые единицы, в семантике которых заключено указание на некоторый первоисточник, оригинал.

Пониманию этого механизма, механизма возникновения образности, способствовало знакомство с трудами выдающегося российского лингвиста Д. В. Цыганкина, который множество работ посвятил данной теме: «Слово *эвтемс/эфтемс* обладает основным значением “мотать, сновать” (нити), “наматывать” (пряжу). Вместе с тем в современном эрзянском языке оно также означает “шляться, ходить из дома в дом”. Значение, вероятно, развилось из общего семантического знаменателя “бесперывное разнонаправленное движение”» [19].

Итак, образными мы считаем и слова, переносное значение которых превалирует в современном языке, а исходное вышло из активного употребления.

Результаты исследования и их обсуждение

В Словаре русского языка Ожегова дается такое толкование понятию «образ»:

«ОБРАЗ... 1. В философии: результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека. 2. Вид, облик... *В образе кого-н. (в виде кого-н.)*. 3. Живое, наглядное представление о ком-чем-н. *Светлый образ матери*. 4. В искусстве: обобщенное художественное отражение действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления. *Поэт мыслит образами*. 5. В художественном произведении: тип, характер... *Артист вошел в образ (вжился в роль)...*»³.

Все значения искомого слова тесно связаны между собой, но для данного исследования важны третье и четвертое: в тексте произведения мы ищем что-то «живое, наглядное», а также «конкретное индивидуальное», в чем отразилось некоторое явление действительности.

Выдающийся лингвист М. И. Черемисина сформулировала свой подход к разным средствам: «Алтайским языкам... чужды многие стороны той образности, которая присуща русскому и другим европейским. Например, здесь не принята метафоризация образов животных: людей не называют ослами, медведями, коровами, божьими коровками, змеями и т. д., хотя иногда и сравнивают с животными. Зато для этих языков характерен другой тип образности: специфические образные (но не метафорические!) и звукоподражательные слова»⁴.

В этом определении сконцентрированы все положения и выводы, к которым пришли лингвисты, изучающие алтайские языки, т. е. те языки, в которых образные слова существуют как класс, разряд лексики. Они настолько отличаются этим качеством, что им часто посвящается отдельная глава в грамматиках. Мы, безусловно, опираемся на эти положения, но подчеркиваем, что наше понимание образных слов несколько отличается: оно более тесно связано с определением понятия *образ* и, значит, исходит в большей степени из логики, тогда как понимаемая алтаистами *образность* выводится непосредственно из фактов самого языка.

В финно-угроведении также превалирует этот подход, хотя и несколько скорректированный: лингвисты непосредственно в текстах ищут и находят образные слова, отмечают их, при этом часто рассматривая в числе других выразительных средств языка [20; 21].

Некоторые образные слова и выражения можно найти и в работах, посвященных другим языковым явлениям, к примеру пассивному залогу и временным конструкциям [22–24].

В рассматриваемых произведениях хантыйского языка выделим следующие выразительные средства:

*Ситы си пәшас ов хонаңи атэлт, ольмум лук иты, лольлюм*⁵ «Так и стою возле ворот загона один, словно сонный глухарь». Здесь с помощью показателя *иты* «как, словно» построено образное сравнение; семантической основой конструкции является одно из значений слова *олюм* «сон»⁶.

Вот как в рассказе о рыбаках описывается дедушка главного героя – старый рыбак Микай Ойка, вернувшийся с длительного рыбного промысла:

*Венил ий мормынга ёвмат, пухтымнгыт ёхи рохынсынгын, вени сохыт хатл ешит эвыт пивта сермат, катра ёхымьюх кар хорасына. Порти хорасын туш пунтат ий нова хатсимет*⁷ «Лицо его сморщилось, щеки ввалились, кожа на солнце

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов. 22-е изд. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык; 1990. С. 433.

⁴ Черемисина М.И. Языки коренных народов Сибири: учеб. пособие. Новосибирск; 1992. С. 76.

⁵ Сенгепов А.М. Касум ики путрат (Рассказы старого ханты). СПб.: Просвещение; 1994. С. 13.

⁶ Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. S. 66–68.

⁷ Лазарев Г.Д. Сорненг тов. Рассказ на языке ханты. Ханты-Мансийск: Полиграфист; 1999. С. 23.

обгорела, стала *похожей на кору старого дерева. Похожие на пики* усы выпцвели, покрылись белым налетом». Данное описание красочное и точное, в обоих случаях (кожа-кора, усы-пики) применяется сравнение, что подчеркивается и формально, с помощью показателя *хорасын* 'похожий'.

Сравнительный оборот, как видно, часто бывает образным, но присутствие формальных маркеров позволяет одновременно относить его к сравнительным конструкциям.

Элементы образности присутствуют также в других выразительных средствах, но не так отчетливо. С этих позиций рассмотрим фрагмент рассказа, в котором изображается поведение рыбаков в ответственный момент одного рабочего дня. Отец главного героя поехал за ягодами, а сын с дедом остались одни. Наступает время сдачи рыбы на плашкоут, а отца все нет:

Хун хувын утты сумтынг пай нумпины хатл нох катыс, Микай Ойка тыштыта питеыс:

– *Хув, хотты, Петр си янгхыт, хутыт антат шактыт.*

Пырысь ики самыт айт пакыс: айттом па тув хона тэтымтыйтмат, па торын эвыт верым хут лангкып айтта ий отнгыт эвыт катылман, нохтышик атмыйт-сытэ па хутта нох вантмат. Айттом па Петр маным пант хуват сэмнгыт поныйтмэ па хув ситы ватмат, па еты потыртмат:

– *Хув си янгхыт, муйтат вертл?*⁸.

«Когда солнце поднялось уже над дальним березняком, Микай Ойка забеспокоился:

– Долго, однако же, Петр ездит! Как бы рыба не испортилась!

У старика сердце не выдерживало: он то и дело залезал в лодку, ухватывая за один конец сделанную из травы накидку, приподнимал ее и осматривал рыбу. Потом устремлял взгляд (букв. *глаза положил*) взгляд в ту сторону, куда уехал Петр, долго всматривался и снова повторял:

– Долго же ездит! И что там делает?»

Здесь обратим внимание на речь персонажа: особую значимость имеют две реплики старого рыбака, следующие друг за другом с небольшим интервалом, – и персона представляется в качестве реального, живого человека. Если говорить именно о средствах, можно констатировать повтор, а также риторический вопрос недоумения. Они помогают передать атмосферу напряженности трудового процесса, поэтому можно причислить их к выразительным средствам. Образным здесь является выражение *сэмнгыт поныйтмэ* 'глаза положил', возникающее в результате переносного употребления именного слова и глагола.

Случаем использования образа в рассказе Г. Д. Лазарева является название произведения – «Золотой конь»: золотым конем рыбаки-ханты называют подвесной лодочный мотор (по причине их внешней схожести), но почему он «золотой» – объясняется лишь в развернутом комментарии заключительного фрагмента рассказа:

Моторыт лап хурытмет пуш, лангкып ухты эвыт ёшны васкийтытмэ.

– *Тармыт хут ветпыса тупны янгхта. Хунтты ханты монсиитны сорненг маркыг тов отынны потыр маныс. Интам там сорненг маркыг тов мунг ёштувны. Там тув, ма тынынг, сорненг ай товем. Ёитпа ёшны мотор тангыт тувемастэ, метмотты тов шантл васкийтсытэ*⁹.

«Когда мотор заглох, погладил его рукой по кожуху.

– Хватит на промысел на веслах ходить. Когда-то в хантыйских сказках шла речь о золотом коне. Теперь этот золотой конь в наших руках. Вот он, мой дорогой золотой конек. Снова рукой провел по кожуху, словно погладил коня по гриве».

⁸ Лазарев Г.Д. Сорненг тов. Рассказ на языке ханты. С. 30.

⁹ Там же. С. 35.

В данном случае образность (приравнивание подвесного лодочного мотора к фольклорному персонажу) также вытекает из контекста. Однако, по нашим наблюдениям, в рассматриваемых текстах встречаются и собственно образные лексические единицы. К примеру, в тексте А. М. Сенгепова часто употребляется глагол *нарум* – ‘приступать, начинать’ в тех случаях, когда необходимо изобразить внезапность или интенсивность действия:

*Сыры лув манат **иньсясты нармас**, муйсар муватн, муйсар тахэтн ма вэсум, муй вантсум, муй версум*¹⁰ «Сначала он *принялся* меня *расспрашивать*, в каких землях, каких местах я был, что видел, что делал».

*Ситы нэмасман омастэм мар, яюм ики пасан верс па мин атлан **шай яньсьты си нарумсумн***¹¹ «В то время как я посиживал, брат мой стол накрыл, и мы с ним *чай пить принялись*».

В других случаях более явно выступает образность в своем первоначальном смысле как форма отражения одних предметов и явлений через другие:

*Сантыр, ма ванттэм нонг номсынг похлэ, ухен нонг **нох хуттыт***¹² «Сантыр, я смотрю, ты умный мальчик, голова твоя соображает (букв. *восходит*)». В этой виетиватой фразе угадывается образ восходящего солнца.

*Муй ма, вантэ, ушаң-сираң, **аюм-китум** путар тайты хэ*¹³ «Какой из меня, как говорится, умный, интересные (букв. *вестью посланные*) истории знающий человек». Здесь наблюдается ирония.

*Я хоты, аси, самен ин нох **полатсэн***?¹⁴ «Ну как, отец, *успокоился* (букв. *сердце задул*)?»

Заключение

Несмотря на отграничение образных слов и выражений от других выразительных языковых средств, их объединяет то, что они возникают не только в фольклорном или авторском художественном тексте, но и в обыденной повседневной речи, а также в бытовом рассказе. Это означает, что с развитием общества происходят изменения и в стилистике языка. Относительно лексических единиц можно также сказать, что по мере усложнения системы языка требуется семантическое развитие, имеющее основанием не только аффиксацию, но и другие способы расширения семантики, в том числе за счет многозначности и создания образности.

По указанным фрагментам текста видно, что каждый признак значимой единицы хантыйского языка находится в сложной взаимозависимости с другими соотносящимися признаками. Концептуальность текста, его внутренняя форма, сущность проявляется в изоморфизме: в том, что общие свойства и закономерности объединяют единицы разной сложности.

В своем функционировании человеческая речь не должна быть всегда образна и выразительна, поскольку она всегда прагматична. Хантыйский язык относится к разряду языков народов Крайнего Севера, небольших по численности, однако в этом случае для небольшого коллектива язык не только исправно выполняет свою главную функцию – быть средством коммуникации, но и выражает энергию народа, экспрессию.

Языки народов Севера по большей части бесписьменные или младописьменные. Несмотря на стремление к увеличению количества авторских текстов, также важно сохранять речевые образцы, устные рассказы. Именно в них могут встретиться яркие

¹⁰ Сенгепов А.М. Касум ики путрат (Рассказы старого ханты). С. 5–6.

¹¹ Там же. С. 9.

¹² Лазарев Г.Д. Сорненг тов. Рассказ на языке ханты. С. 33.

¹³ Сенгепов А.М. Касум ики путрат (Рассказы старого ханты). С. 6.

¹⁴ Лазарев Г.Д. Сорненг тов. Рассказ на языке ханты. С. 23.

примеры точных и экспрессивных высказываний. В узком смысле образными являются слова и сочетания, в которых первоначальный элемент (т. е. оригинал) прописан достаточно явно: *ухен нох хуттым* ‘голова *соображает (восходит)*’; *аюм-китум* ‘*интересные (вестью посланные)*’.

В других случаях отнесение к числу образных единиц возможно после семантического и (или) этимологического анализа. При этом выявляется и неоднородность неявных образных слов и выражений. Одни из них становятся таковыми только в определенном контексте и при возникновении переносного значения: золотой конь – подвесной лодочный мотор (с отсылкой к фольклорному волшебному коню); *шай яньсьты нарумсумн* ‘чай пить *принялись*’ (ср. с разг. *принялись чаи гонять*). Другие являются образно окрашенными вследствие связанности семантики, в том числе в случаях, когда слово является составной частью устойчивого или фразеологического оборота: *путара хусьты* ‘*вовлекать в разговор*’, *путарлам питаса йисат* ‘*рассказы стали надоедать*’, *сам нох полатты* ‘*успокоиться (букв. сердце задуть)*’.

Проведенный анализ позволяет уточнить содержание терминов «образность», «образная лексическая единица» и выработать критерии, по которым можно отграничивать образные слова и сочетания от других выразительных средств языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черемисина М.И. Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т; 2002. 254 с.
2. Вахтин Н.Б. Заметки об одной особенности акта коммуникации. *Антропологический форум*. 2005;(3):148–166. <https://elibrary.ru/kckfcf>
3. Водясова Л.П., Иванова Г.С. Роль идентифицирующих слов в романе А. К. Мартынова «Даволдо икеле» («Перед бурей»). *Вестник угроведения*. 2023;13(3):407–415. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-3-407-415>
4. Глухова Н.Н. Символика чисел песен финно-угров Урало-Поволжья. В: II Ёпымарий лудмаш (II Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Йошкар-Ола; 2023. С. 281–292. <https://elibrary.ru/cigfzo>
5. Иванова И.Г., Егошина Р.А. Просодические характеристики эмоционально окрашенных фраз в типологически неродственных языках: на материале марийского и французского языков. *Финно-угорский мир*. 2021;13(1):16–28. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.01.16-28>
6. Бартминьски Е., Березович Е., Вепрева И., Ковшова М., Шмелев А. Взаимодействие языка и культуры в исследовательском поле: границы и перспективы. *Quaestio Rossica*. 2021;9(4):1389–1408. <https://doi.org/10.15826/qv.2021.4.645>
7. Forsberg U.-M. Expressive Vocabulary in the Early Phases of Finno-Ugrian. In: Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I: Orationes Plenariae. Piliscsaba; 2010. P. 5–19.
8. Гасанова Г.А., Багавова П.Р. Образные средства выразительности в произведениях Фазиля Искандера. *Мир науки, культуры, образования*. 2021;(6):544–546. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-691-544-546>
9. Глухова Н.Н. Образы в марийских заговорно-заклинательных текстах. В: Современные тенденции и инновации в области гуманитарных и социальных наук: сб. мат-лов IV Междунар. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола; 2019. С. 95–101. <https://elibrary.ru/hbtfju>
10. Байыр-Оол А.В., Озонова А.А., Шагдурова О.Ю., Тазранова А.Р., Федина Н.Н., Кошкарёва Н.Б. и др. Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири: моногр. Новосибирск: Академиздат; 2021. 300 с.
11. Кондратьева Н.В. Семантика и структура сравнительных конструкций в поэзии Флора Васильева. В: Шестые Флоровские чтения «Творчество Флора Васильева и вопросы языка, литературы и образования в глобализирующемся мире»: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию удмуртского поэта, общественного деятеля Флора Ивановича Васильева. Глазов; 2024. С. 20–25.
12. Байдак А.В. Метафоры и образные схемы в селькупском языке. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2013;2(2):9–15. <https://elibrary.ru/qzweqv>
13. Кондратьева Н.В. Реализация признаков сравнения компаративных тропов с дендронимами в современном удмуртском языке. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2023;(4):23–33. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2023-4-23-33>
14. Мосина Н.М. Фразеологические единицы с компонентом «птица» в мордовских и финском языках (семантический анализ). *Этническая культура*. 2023;5(1):48–53. <https://doi.org/10.31483/r-105862>

15. Ракин А.Н. Названия мелких пушных зверей в коми языке. *Финно-угорский мир*. 2023;15(2):180–188. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.02.180-188>
16. Цыпанов Е.А. Метафорический перенос название предмета → пейоратив в коми языке. В: Филологические исследования – 2017: Фольклор, литературы и языки народов Европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия: сб. ст. по итогам Всерос. науч. конф. Сыктывкар; 2017. С. 101–105.
17. Söder T. Walk This Way: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. In: Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia 33. Uppsala; 2001. 154 p
18. Цыпанов Е. Семантика этнонима *чудь* в коми языке. *Linguistica Uralica*. 2020;56(1): 53–63. <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2020.1.05>
19. Цыганкин Д.В. Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа: сборник избранных статей. Ч. 3. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та; 2013. 244 с.
20. Csepregi M. Evidentiality in Dialects of Khanty. *Linguistica Uralica*. 2014;50(3):199–211. <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2014.3.04>
21. Kovylin S.V. Predicate Nominals and Related Constructions in the Vakh Dialect of Khanty. *Linguistica Uralica*. 2024;60(1):46–73. <https://doi.org/10.3176/lu.2024.1.03>
22. Muravyev N. Passive in Kazym Khanty and the Interaction of Givenness, Topicality and Animacy. *Linguistica Uralica*. 2023;59(1):49–66. <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2023.1.04>
23. Muravyev N. Simultaneity and Epistemic Access in Kazym Khanty Temporal Subordination. *Linguistica Uralica*. 2021;57(1):39–55. <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2021.1.04>
24. Muravyev N. The Emergence of Hierarchical Alignment in Northern Khanty: A Comparative Dialectal Corpus Study. *Linguistica Uralica*. 2025;61(2):106–130. <https://doi.org/10.3176/lu.2025.2.03>

Информация об авторе:

Каксин Андрей Данилович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (655017, Российская Федерация, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 90), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9632-8286>, SPIN-код: 7847-3348, adkaksin@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 14.10.2025; одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 14.11.2025.

REFERENCES

1. Cheremisina M.I. [Language and Its Reflection in the Science of Language]. Novosibirsk; 2002. 254 p. (In Russ.)
2. Vakhtin N.B. [Notes on a Specific Feature of the Act of Communication]. *Forum for Anthropology and Culture*. 2005;(3):148–166. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kckfcf>
3. Vodyasova L.P., Ivanova G.S. Role of identifying words in the novel by A. K. Martynov “Davoldo Ikele” (“Before the Storm”). *Bulletin of Ugric Studies*. 2023;13(3):407–415. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-3-407-415>
4. Glukhova N.N. [Symbolism of Numbers in Finno-Ugric Songs of the Ural-Volga Region]. In: [II Vasilyev Readings: Actual Problems of Modern Comparative Studies: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation]. Yoshkar-Ola; 2023. P. 281–292. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cigfzo>
5. Ivanova I.G., Egoschina R.A. Prosodic Characteristics of Emotionally-Colored Phrases in Typologically Unrelated Languages: Based on the Mari and French Languages. *Finno-Ugric World*. 2021;13(1):16–28. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.01.16-28>
6. Bartmiński J., Berezovich E., Vepreva I., Kovshova M., Shmelev A. The Interaction of Language and Culture in the Research Field: Boundaries and Prospects. *Quaestio Rossica*. 2021;9(4):1389–1408. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15826/qr.2021.4.645>
7. Forsberg U.-M. Expressive Vocabulary in the Early Phases of Finno-Ugric. In: Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I: Orationes Plenariae. Piliscsaba; 2010. P. 5–19.
8. Gasanova G.A., Bagavova P.R. Imaginary Means of Expression in Works of Fasil Iskander. *The world of science, culture and education*. 2021;(6):544–546. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-691-544-546>
9. Glukhova N.N. Images in Mari Verbal Charms. In: [Modern Trends and Innovations in the Humanities and Social Sciences: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference]. Yoshkar-Ola; 2019. P. 95–101. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/hbtfju>

10. Bayyr-Ool A.V., Ozonova A.A., Shagdurova O.Yu., Tazranova A.R., Fedin N.N., Koshkareva N.B., et al. [Life Space and the Spiritual World of Man through the Prism of the Languages of Siberia: Monograph]. Novosibirsk; 2021. 300 p. (In Russ.)
11. Kondratyeva N.V. [Semantics and Structure of Comparative Constructions in the Poetry of Flor Vasilyev]. In: [The Sixth Florov Readings “The Creativity of Flor Vasilyev and the Issues of Language, Literature, and Education in a Globalizing World”: Materials of the Sixth International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 90th Anniversary of the Udmurt Poet and Public Figure Flor Ivanovich Vasilyev]. Glazov; 2024. P. 20–25. (In Russ.)
12. Baydak A.V. Metaphors and Image Schemas in Selkup. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2013;2(2):9–15. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/qzweqv>
13. Kondratieva N.V. Implementation of Comparative Features in Comparative Tropes with Dendronyms in Modern Udmurt. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2023;(4):23–33. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2023-4-23-33>
14. Mosina N.M. Phraseological Units with a Component “Bird” in the Mordovian and Finnish Languages (Semantic Analysis). *Ethnic Culture*. 2023;5(1):48–53. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31483/r-105862>
15. Rakin A.N. Names of Small Fur-Bearing Animals in the Komi Language. *Finno-Ugric World*. 2023;15(2):180–188. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.02.180-188>
16. Tsypanov E.A. [Metaphorical Transfer of the Name of an Object → Pejorative in the Komi Language]. In: [Philological Research – 2017: Folklore, Literatures, and Languages of the Peoples of the European Part of Russia: Forms, Models, and Mechanisms of Interaction: Collection of Articles Based on the Results of the All-Russian Scientific Conference]. Syktyvkar; 2017. P. 101–105. (In Russ.)
17. Söder T. Walk This Way: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. In: *Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia* 33. Uppsala; 2001. 154 p.
18. Cypanov J. The Semantics of the Ethnonym чыдь in Komi. *Linguistica Uralica*. 2020;56(1): 53–63. (In Russ., abstract in Eng.) <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2020.1.05>
19. Tsygankin D.V. [Mordovian Languages through the Eyes of a Linguist-Finno-Ugric Scholar: A Collection of Selected Articles. Part 3]. Saransk; 2013. 244 p. (In Russ.)
20. Csepregi M. Evidentiality in Dialects of Khanty. *Linguistica Uralica*. 2014;50(3):199–211. <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2014.3.04>
21. Kovylin S.V. Predicate Nominals and Related Constructions in the Vakh Dialect of Khanty. *Linguistica Uralica*. 2024;60(1):46–73. <https://doi.org/10.3176/lu.2024.1.03>
22. Muravyev N. Passive in Kazym Khanty and the Interaction of Givenness, Topicality and Animacy. *Linguistica Uralica*. 2023;59(1):49–66. <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2023.1.04>
23. Muravyev N. Simultaneity and Epistemic Access in Kazym Khanty Temporal Subordination. *Linguistica Uralica*. 2021;57(1):39–55. <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2021.1.04>
24. Muravyev N. The Emergence of Hierarchical Alignment in Northern Khanty: A Comparative Dialectal Corpus Study. *Linguistica Uralica*. 2025;61(2):106–130. <https://doi.org/10.3176/lu.2025.2.03>

Information about the author:

Andrey D. Kaksin, Dr.Sci. (Philol.), Leading Researcher of Institute Humanities and Sayan-Altai Turkology, Khakassian State University named after N. F. Katanov (90 Lenin Prospekt, Abakan 655017, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9632-8286>, SPIN-code: 7847-3348, adkaksin@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 14.10.2025; revised 10.11.2025; accepted 14.11.2025.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ LEXICOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.398-411><https://elibrary.ru/tvlujb>

УДК / UDC 81'374(470.22)

Оригинальная статья / Original article

Лексика побратимства в прессе советской Карелии: корпусный анализ газет 1960–1980-х гг.

К. М. Богачева

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Российская Федерация
bogachevakm@gmail.com*

Аннотация

Введение. Исследование функций терминологии побратимства в региональной прессе советского периода представляет собой актуальную научную проблему. Существующая историография не затрагивает данный аспект, что создает необходимость интеграции лингвистического анализа с критическим изучением советской идеологии. Реконструкция механизмов пропагандистского влияния в советской прессе позволяет глубже понять природу исторических медиадискурсов, а анализ материалов карельских газет дает возможность выявить особенности формирования образа международного сотрудничества и устойчивые языковые паттерны советского периода. Цель исследования – определить специфику и механизмы функционирования лексики побратимства в локально-историческом и общеполитическом контексте эпохи.

Материалы и методы. На материале корпусов статей газет «Ленинская правда» и «Комсомолец» (1960–1980 гг.) исследуется лексика побратимских связей в прессе советской Карелии. Методология основана на интеграции корпусных технологий (менеджер Sketch Engine) и традиционного дискурс-анализа. Обработка текстового массива осуществлялась с применением инструментов: Word List (частотный анализ), N-grams (выявление клишированных сочетаний), Word Sketch Differences (анализ различий в коллокациях), что позволило перевести качественные наблюдения в плоскость количественно верифицируемых данных.

Результаты исследования и их обсуждение. Дискурс побратимства в карельской прессе во второй половине XX в. имел строгую иерархическую структуру. Доминирующей идеологемой, выполнявшей мифологизирующую и легитимизирующую функции, выступала «дружба». Термин «побратим» занимал подчиненное положение, функционируя как технический маркер статуса с ограниченной, ситуативной сочетаемостью. Таким образом, пропаганда побратимства в республиканской прессе реализовывалась через сакрализацию идеологемы «дружба» и ритуализацию термина «побратим». Полученные результаты демонстрируют эффективность корпусного менеджера Sketch Engine для обработки больших массивов газетных текстов и выявления статистических закономерностей. Выявленные механизмы отражают общие принципы конструирования идеологической реальности в советском медиадискурсе.

Заключение. В исследовании впервые проводится комплексный анализ лексики побратимства в прессе советской Карелии. Апробирована методика интеграции корпусных технологий и критического дискурс-анализа, позволяющая расширить методологический инструментарий изучения языка советских газет. Иерархическое подчинение термина «побратим» идеологеме «дружба», выявленное в качестве ключевого механизма идеологического дискурса, углубляет понимание принципов конструирования реальности в советской прессе. Полученные результаты важны для исследования советской лингвистики и медиадискурса и могут быть применены при изучении механизмов идеологического воздействия в центральных и региональных средствах массовой информации.

© Богачева К. М., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: лексика советских газет, Sketch Engine, советская пресса, города-побратимы, побратимство, Карельская АССР

Финансирование: финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН (№ 124022000029-0, 2024–2026 гг.).

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Богачева К.М. Лексика побратимства в прессе советской Карелии: корпусный анализ газет 1960–1980-х гг. *Финно-угорский мир*. 2025;17(4):398–411. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.398-411>

The Vocabulary of Town-Twinning: A Corpus Analysis of the Press in Soviet Karelia (1960s–1980s)

K. M. Bogacheva

*Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation
bogachevakm@gmail.ru*

Abstract

Introduction. The study of the functions of town-twinning city terminology in the regional press of the Soviet period constitutes a relevant scholarly issue. Existing historiography has not addressed this aspect, creating a necessity for the integration of linguistic analysis with a critical examination of Soviet ideology. The reconstruction of the mechanisms of propagandistic influence in the Soviet press allows for a deeper understanding of the nature of historical media discourses, while the analysis of materials from Karelian newspapers provides an opportunity to identify the specificities of how the image of international cooperation was formed, as well as the enduring linguistic patterns of the Soviet era. The aim of this research is to delineate the specific features and mechanisms through which the lexicon of town-twinning relations functioned within the local-historical and broader political context of the period.

Materials and Methods. This study examines the vocabulary of town-twinning ties in the press of Soviet Karelia, drawing on corpora of articles from the newspapers *Leninskaya Pravda* and *Komsomolets* (1960–1980). The methodology is based on an integration of corpus technologies (using the Sketch Engine manager) and traditional discourse analysis. The text corpus was processed using the following tools: Word List (for frequency analysis), N-grams (to identify formulaic phrases), and Word Sketch Differences (to analyse contrasts in collocations). This integrated approach enabled the translation of qualitative observations into quantitatively verifiable data.

Results and Discussion. The discourse of twinning in the Karelian press during the second half of the 20th century possessed a strictly hierarchical structure. The dominant ideologeme, fulfilling mythologizing and legitimizing functions, was “friendship”. The term “twin city” occupied a subordinate position, functioning as a technical status marker with limited, situational combinability. Consequently, the propaganda of twinning in the republican press was realized through the sacralization of the “friendship” ideologeme and the ritualization of the “twin city” term. The obtained results demonstrate the efficacy of the corpus manager Sketch Engine for processing large volumes of newspaper texts and identifying statistical patterns. The identified mechanisms reflect the general principles of constructing ideological reality within Soviet media discourse.

Conclusion. This study presents the first comprehensive analysis of the vocabulary of town-twinning relations in the press of Soviet Karelia. A methodology integrating corpus technologies and critical discourse analysis was tested, offering a means to broaden the methodological toolkit for studying the language of Soviet newspapers. The identification of the hierarchical subordination of the term “pobratim” (twin) to the ideologeme “druzhiba” (friendship) as a key mechanism of ideological discourse deepens our understanding of the principles of reality construction in the Soviet press. The findings are significant for research in Soviet linguistics and media discourse and can be applied to the study of ideological influence mechanisms in both central and regional media.

Keywords: vocabulary of Soviet newspapers, Sketch Engine, Soviet press, town-twinning, twin city, Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic

Funding: The financial support for the research was provided from the federal budget for the implementation of the state assignment of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (№ 124022000029-0, 2024–2026).

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Bogacheva K.M. The Vocabulary of Town-Twinning: A Corpus Analysis of the Press in Soviet Karelia (1960s–1980s). *Finno-Ugric World*. 2025;17(4):398–411. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.398-411>

Введение

Явление городского побратимства, ставшее в XX в. одной из значимых форм международного сотрудничества, приобрело особое политическое значение в условиях холодной войны. Для СССР дружественные связи стали инструментом идеологического воздействия и «народной дипломатии», а для советских граждан представляли новый социальный опыт, требующий осмысления. Поскольку побратимство предполагало вовлечение широких слоев населения, особое внимание государство уделяло формированию языкового конструкта, который делал бы это явление понятным и идеологически приемлемым. Однако терминологический аппарат, использовавшийся для этих целей в региональных газетах, до сих пор не получил системного изучения. Дефицит исследований о том, как язык прессы конструировал идеологический образ побратимства, составляет основную научную проблему. Настоящая статья направлена на анализ лексики, связанной с феноменом побратимства городов, в газетах советской Карелии 1960–1980-х гг. Данная тема рассматривается в контексте общей закономерности, согласно которой общественно-политические изменения незамедлительно отражаются в лексике языка, подверженной воздействию экстралингвистических факторов. Возникновение ранее неизвестных обществу явлений порождает новые наименования и перестраивает смысловые отношения в лексической системе. Эти перемены неизбежно усиливают динамику языковых изменений. Советская эпоха с ее уникальным идеологическим укладом представляет собой репрезентативный пример подобного языкового конструирования реальности.

Одним из ключевых каналов внедрения новой лексики и формирования идеологически заданной картины мира в СССР выступала пресса. Газеты были не просто оперативными трансляторами новостей – их тексты строились таким образом, чтобы осуществлять речевое воздействие на читателя. Именно этот идеологический характер газетного дискурса делает его лексический материал особенно ценным для социолингвистического анализа.

В рамках целенаправленной идеологической работы особый интерес представляет лексика, связанная с побратимством городов – одним из значимых явлений международного сотрудничества эпохи холодной войны. Хотя международные организации, координировавшие процесс породнения, декларировали развитие межгородских связей вне политики, на практике ситуация осложнялась противоборством социалистической и капиталистической систем. В условиях, когда прямое военное столкновение стало считаться недопустимым, побратимство превратилось в один из инструментов «мягкой силы», нацеленный на обеспечение прямых контактов между гражданами [1]. Становление побратимства как формы «народной дипломатии» сопровождалось активным формированием идеологически выверенного лексикона, призванного описывать новую реальность в заданном ключе.

Достаточно рельефно эти языковые процессы проявились на региональном уровне. Будучи приграничным регионом с давней историей российско-финляндского взаимодействия, Карелия заняла особое место в осуществлении данной практики.

Возобновление связей после войны, последовавшее после заключения Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 г., к середине 1950-х гг. вылилось в волну советско-финских побратимств [2]. Неслучайно первым партнером столицы Карельской АССР стал Варкаус (Финляндия, 1965 г.). Последующие связи с Ла-Рошель (Франция, 1973 г.), Умео (Швеция, 1976 г.), Нойбранденбургом (ГДР, 1983 г., при неформальных контактах с конца 1960-х гг.), Дулутом (США, 1987 г.) и Тюбингеном (ФРГ, 1989 г.) отражали эволюцию советской внешней политики – от осторожных контактов до «разрядки» в отношениях с идеологическими противниками.

Таким образом, республиканские газеты советской Карелии «Ленинская правда» и «Комсомолец» становятся ключевым объектом исследования и основным источником, репрезентирующим способы языкового воплощения идеи побратимства. Изучение языковых шаблонов и идеологических конструкций, создававшихся на их страницах, позволяет реконструировать механизмы идеологического воздействия.

Цель исследования – выявить и охарактеризовать ключевые лексико-семантические особенности концепта «побратимство» в локально-историческом и общеполитическом контексте. Актуальность работы обусловлена, с одной стороны, необходимостью разработки эффективных подходов к анализу больших массивов газетных текстов, с другой – значимостью деконструкции идеологических механизмов советского медиадискурса, что определяет следующие задачи исследования: 1) составление корпуса статей республиканских газет советской Карелии; 2) анализ материалов с помощью инструментов корпусного менеджера Sketch Engine; 3) определение газетного лексикона по теме побратимских связей; 4) выявление и категоризация соответствующей лексики.

Обзор литературы

Теоретическую основу исследования составляют работы, раскрывающие инструментальную природу советского языка как идеологического конструкта. В научной традиции он интерпретируется как искусственное образование, ориентированное не на репрезентацию действительности, а на конструирование идеализированной картины мира¹. Ключевым аспектом публичных коммуникаций в СССР стала их ритуализация, выразившаяся, с одной стороны, в превращении официального дискурса в воспроизводство формальных речевых ритуалов², а с другой – в нарастающей стандартизации и клишировании языка, приведших к «перформативному сдвигу» и расширению смыслового поля ритуальных формул [3].

Данная методологическая парадигма находит развитие в исследованиях языка советской прессы, где раскрывается его технологическая и идеологическая природа. В научной литературе медийный язык рассматривается как отражение социально-идеологических трансформаций [4], а технологизация редакционных процессов – как фактор, способствовавший идеологизации дискурса и конвергенции партийной риторики с газетным языком [5]. Важное направление научных работ – изучение конкретных проявлений идеологии в лексике, где детально анализируется советская политическая терминология³, а также прослеживается влияние идеологии на язык через словари и корпусные данные [6]. Методологическую основу для анализа подобных языковых механизмов составляет семиотический подход к изучению политического дискурса, рассматривающий знаковую систему как инструмент идеологического воздействия [7].

¹ Земцов И.Г. Советский политический язык. London: Overseas Publications Interchange Ltd; 1985. С. 7.

² Вахтин Н. Сейчас мы имеем дело не с самим советским языком, а с его ослабленным потомком [Электронный ресурс]. URL: <https://eusp.org/news/nikolay-vakhtin-seychas-imeem-delo-ne-s-samim-sovetskim-yazykom-a-s-ego-oslablennym-potomkom> (дата обращения: 20.09.2025).

³ Гусейнов Г.Ч. Д.С.П.: Материалы к Русскому Словарю общественно-политического языка конца XX века. М.: Три квадрата; 2003. 1024 с.

В научной литературе доминирует взгляд на побратимство как инструмент примирения в послевоенной Европе [8; 9], решения общих проблем социально-экономического, экологического характера [8]. При этом ученые отмечают, что установлению контактов способствовали исторические связи, географическая близость [10], а также частные инициативы [11]. Однако ряд авторов оспаривает послевоенное происхождение этого института, указывая на его более ранние прототипы [9; 12; 13]. Для нашей статьи ключевым является тезис о том, что в условиях холодной войны побратимство в СССР стало элементом «мягкой силы» и «народной» дипломатии, что предопределило его идеологизированное освещение в прессе.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных феномену городского побратимства, его терминологический аппарат и идеологические коннотации в советском дискурсе остаются неизученными. Исследователи в основном рассматривают побратимство в качестве социально-политического института, оставляя без внимания лингвистические аспекты его репрезентации. В англоязычной литературе фиксируется терминологическое разнообразие (*sister cities*, *twin towns*) [13], однако вопрос о семантических и идеологических различиях между этими понятиями, их корреляции с советской терминологией системно не рассматривался. Существующие сравнительные исследования концепта «город-побратим» в разных лингвокультурах ограничиваются констатацией лингвистических особенностей без анализа функционирования терминологии в публичном дискурсе, в частности в прессе [14]. Таким образом, изучение советской идеологизированной лексики и работы о движении побратимства развиваются параллельно, практически не пересекаясь.

В современных гуманитарных исследованиях все более востребованными становятся методы компьютерной лингвистики, позволяющие работать с большими массивами текстовых данных. Особую значимость имеют работы, посвященные общим принципам обработки естественного языка, в которых рассматриваются теоретическое моделирование и практические аспекты автоматизированного анализа текстов⁴, а также исследования, обобщающие опыт применения современных методов лингвистического анализа⁵. Однако, несмотря на активное развитие этого направления, прикладной аспект использования специализированного программного обеспечения для изучения историко-идеологических дискурсов остается недостаточно разработанным. Определенный вклад в решение этой проблемы вносят работы, содержащие обзоры отечественных и зарубежных программных инструментов для лингвистического анализа [15].

Эффективность корпусных методов при изучении советского дискурса подтверждается рядом работ. Исследования на материале газеты «Правда» [16] и белорусской советской прессы [17] демонстрируют, что статистический анализ лексики позволяет выявлять характерные признаки пропаганды, идеологические смыслы и базовые ценности эпохи. Отдельного внимания заслуживают работы, посвященные использованию корпусного менеджера Sketch Engine, где описываются его функционал [18] и эволюция инструментов [19]. Среди начинающих исследователей также наблюдается интерес к работе с большими объемами текстовой информации при помощи корпусных менеджеров⁶.

Таким образом, анализ литературы выявил существенный пробел: при наличии работ по советской лингвистике и побратимским связям СССР, терминологический аппарат

⁴ Большакова Е.И., Воронцов К.В., Ефремова Н.Э., Клышинский Э.С., Лукашевич Н.В., Сапин А.С. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных: учеб. пособие. М.: Изд-во НИУ ВШЭ; 2017. 269 с.

⁵ Сулименко Н.Е. Текст и аспекты его лексического анализа: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука; 2009. 400 с.

⁶ Кириллова А.О. Анализ общественно-политической лексики советских газет в социолингвистическом аспекте: дисс. ... магистра. СПб.; 2017. 62 с.; Грачева Е.В. Разработка англо-русского частотного словаря стоматологических терминов: дисс. ... магистра. Екатеринбург; 2022. 95 с.

побратимства в региональном медиадискурсе остается вне исследовательского внимания. Настоящая статья восполняет эту лакуну через интеграцию корпусных методов и дискурс-анализа.

Материалы и методы

Материалом исследования выступили тексты газет «Ленинская правда» (официальный орган Карельского обкома КПСС) и «Комсомолец» (орган Карельского обкома и Петрозаводского горкома ВЛКСМ), опубликованные в 1960–1980 гг. и посвященные теме побратимства (свыше 1 100 статей). Выбор данных изданий обусловлен их репрезентативностью: они представляют разные уровни советского дискурса, что позволяет проследить вариативность употребления лексики побратимства в зависимости от целевой аудитории.

Методологической основой исследования является интегративный подход, сочетающий количественные методы корпусной лингвистики с качественными принципами критического дискурс-анализа в традиции Н. Фэркло. Согласно его трехмерной модели, дискурс рассматривается как форма социальной практики и анализируется на трех взаимосвязанных уровнях: 1) анализ текста через выявление лингвистических особенностей: частотности лексики, устойчивых словосочетаний, моделей сочетаемости; 2) анализ дискурсивной практики через рассмотрение процессов производства, распространения и потребления текстов; 3) анализ социальной практики путем интерпретации выявленных языковых паттернов в идеологическом и историко-культурном контексте эпохи⁷.

Эта модель реализована в рамках нашей работы. На уровне анализа текста в качестве основного инструмента был использован корпусный менеджер Sketch Engine. Его применение обусловлено необходимостью обработки больших массивов неструктурированных данных и отвечает первостепенным задачам исследования: объективации данных через количественные показатели [20] и выявлению скрытых языковых паттернов. Sketch Engine предоставляет набор инструментов (Word List, Word Sketch Difference, N-grams), которые позволяют провести частотный анализ, определить ключевые слова и проанализировать их сочетаемость, что соответствует принципу *distant reading* (анализ больших текстовых данных).

Процесс работы на техническом уровне включал следующие этапы:

- 1) сбор газетного материала и создание цифрового корпуса текстов;
- 2) преобразование материалов в машиночитаемый текстовый формат с помощью программы распознавания текста;
- 3) загрузка и обработка корпуса в Sketch Engine, включая минимизацию числа элементов без смысловой нагрузки (стоп-слов, чисел, маркировок);
- 4) анализ обработанного корпуса с помощью указанных выше инструментов.

Последующая интерпретация полученных количественных данных (анализ дискурсивной и социальной практики) проводилась методами *close reading* – детального качественного анализа микроконтекстов употребления ключевых лексем. Такой интегративный подход позволяет не только выявить статистические закономерности, но и реконструировать идеологические установки, стоявшие за выбором тех или иных языковых средств в советском медиадискурсе о побратимстве.

Результаты исследования и их обсуждение

Работа с инструментом Word List. Определение частотности употребления тех или иных слов является одним из первых этапов работы с корпусом текстов. Частотность, выступая в качестве индикатора принадлежности слов к пассивному

⁷ Fairclough N. The Dialectics of Discourse. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=75300d06ee03ce14b75007de6d256e2d58ee5279> (дата обращения: 20.06.2025).

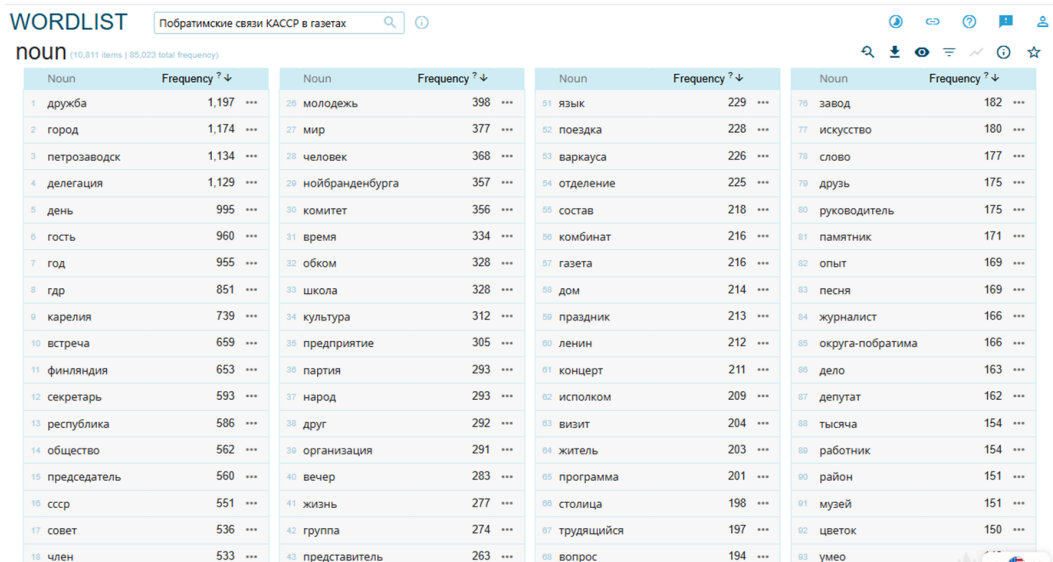
или активному словарному запасу, считается прямым показателем продуктивности лексических единиц [21]. Ожидается, что на верхних позициях списка оказываются служебные слова, знаки препинания и другие единицы, поэтому при составлении частотного списка был вручную использован внутренний фильтр, исключающий появление таких элементов.

Существуют и другие трудности работы с Word List. Одна из них заключается в том, что программа фиксирует абсолютную частотность лексем без учета длины текстов. Это искажает результаты, делая некорректным прямое сравнение числа вхождений слова в разноразмерных материалах, поскольку оно не отражает реальной плотности или контекстуальной значимости лексемы. Кроме того, в рамках данной темы необходимо учитывать хронологический фактор. Разновременное установление побратимских связей создает естественный дисбаланс в количестве упоминаний, не отражающий реальной значимости отношений. Эти ограничения требуют дополнения количественных данных качественным анализом.

Сопоставление самых частотных терминов позволяет выделить элементы общественно-политического лексикона, образующие его лексическое ядро (рис. 1).

Проведенный частотный анализ (с порогом от 100 употреблений для всего исследовательского корпуса) позволяет сделать ряд важных наблюдений о характере освещения побратимских связей в советской карельской прессе. Полученные данные подтверждают ранее выявленную тенденцию к идеологизации темы международного сотрудничества.

Слово «дружба» (1 197 употреблений) занимает 1-е место по частотности. По утверждению М. А. Хизовой, анализ эмоциональных проявлений, отраженных и закрепленных в языке, является одним из важных источников культурологической информации об обыденном сознании носителей языка, об их картине мира [22]. Как демонстрирует В. В. Васильева на материале газет 1950–1980-х гг., технология советского текстопорождения целенаправленно формировала набор идеологем через высокочастотные текстовые единицы, эксплицирующие партийные предписания [5]. Понятие «дружба» занимало центральное место в советском общественно-политическом

Р и с. 1. Частотный список, составленный на основе корпуса текстов «Ленинской правды» и «Комсомольца» по побратимской тематике

F i g. 1. Frequency list compiled on the basis of a corpus of texts from “Leninskaya Pravda” and “Komsomolets” on twin-cities topics

Источник: здесь и далее в статье все рисунки являются скриншотами, сделанными автором в ходе работы с лингвистическим инструментом Sketch Engine.

Source: Here and throughout the article, all figures are screenshots of the Sketch Engine program.

дискурсе, что проявилось в большом количестве различных выражений-штампов, регулярно воспроизводившихся в текстах советской эпохи. «Дружба» была важным понятием во времена холодной войны в международной политике, однако в СССР это слово стало частью одного из основных идеологических терминов – «дружба народов», а также вошло в состав других высокочастотных биграмм, представляющих собой «распространенные идеологические клише». Частотное поведение лексемы «дружба» и ее сочетаемость позволяют говорить о ней как об идеологеме, типичной для советского политического дискурса. Под идеологемой в данном случае мы будем понимать «знак или устойчивую совокупность знаков, отсылающих участников коммуникации к сфере должного – правильного мышления и безупречного поведения – и предостерегающих от недозволенного»⁸.

Идеологически значимые понятия («советский» – 845, «социалистический» – 208, «КПСС» – 432) встречаются значительно чаще, чем термины, описывающие конкретные формы сотрудничества, такие как «обмен опытом/специалистами» или «культурный обмен». Административная лексика («делегация» – 1 134, «секретарь» – 595, «председатель» – 560) преобладает над профессиональной. О ритуализации дискурса свидетельствует не только частотность, но и характер употребления лексем, обозначающих события. Анализ микроконтекстов показывает, что слова «встреча» (661), «праздник» (213), «торжественный» (159) последовательно используются для описания официальных, протокольных мероприятий. Так, «встреча» регулярно фигурирует в клишированных формулах типа «состоялась официальная встреча с делегацией», «встреча в горисполкоме»; «праздник» – в наименованиях идеологически заданных событий, таких как «праздник дружбы народов» или «городской праздник песни»; а «торжественный» характеризует их обстановку: «торжественное заседание», «торжественный митинг у памятника». Такая устойчивая сочетаемость подтверждает, что данные понятия функционируют как элементы ритуализованного дискурса, а не описывают спонтанное общение. Конкретные формы взаимодействия («сотрудничество» – 236, «поездка» – 228, «визит» – 204) находятся во второй половине списка, а понятия, описывающие реальные результаты сотрудничества («опыт» – 169, «развитие» – 193), занимают еще более скромные позиции.

Анализ частотности лексики в карельской прессе (рис. 2) выявляет парадоксальную ситуацию: несмотря на то, что тема побратимства активно освещалась, ключевой термин «побратим» («округ-побратим», «город-побратим» – всего 269 упоминаний) занимает периферийное положение в общем массиве текстов. Это противоречие требует объяснения и вызывает вопросы.

Во-первых, почему термин «побратим» не стал центральным в дискурсе? Можно предположить, что исторически понятие «побратим» (как «названный брат») имело архаично-бытовую коннотацию⁹, тогда как в советской прессе акцент делался на современные политизированные формы («дружба народов», «международное сотрудничество»). В «Большой советской энциклопедии» определение «городов-побратимов» дано через юридические («соглашение») и идеологические («укрепление взаимопонимания») категории, что сместило семантику термина в сторону формальности («города различных стран, установившие непосредственные дружеские связи в форме юридического соглашения для укрепления взаимопонимания между народами, для культурного сотрудничества, обмена опытом в разрешении аналогичных проблем, стоящих перед городскими властями и организациями»)¹⁰. Во-вторых, анализ показывает, что

⁸ Гусейнов Г.Ч. Д.С.П.: Материалы к Русскому Словарю общественно-политического языка конца XX века. С. 6.

⁹ Толковый словарь Ушакова онлайн. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=49332> (дата обращения: 20.06.2025).

¹⁰ Новый дипломатический словарь. URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary> (дата обращения: 20.06.2025).

вместо «побратим» чаще использовались слова, отражающие: 1) административный аспект (например, «делегация» (1 134); 2) формальное или идеологическое взаимодействие (прежде всего лексема «гость» (960), подчеркивающая официальность визитов, «дружба» (1 197) как ключевая абстракция отношений; реже – производное от него существительное «друг» (441), которое, вероятно, сохранило более интимный смысл, менее востребованный в официальном дискурсе); 3) географическую принадлежность («ГДР» (851), «Нойбранденбург» (408) и др.). Это свидетельствует о деперсонализации отношений: акцент делался не на «братстве», а на институциональных связях

между государствами и/или городами. В-третьих, возникает также вопрос, о чем может свидетельствовать эта лексическая подмена? Логично, что советский дискурс конструировал новое понимание побратимства, очищая его от исторических ассоциаций, межличностного характера, неформальности (все контакты подавались как часть государственной политики). Фактически «побратимство» стало метафорой, используемой лишь в торжественных контекстах, тогда как в остальных случаях понятие заменялось бюрократической лексикой. Низкая частотность термина «побратим» при активном освещении темы демонстрирует избирательность советского дискурса. Газеты не столько описывали реальные практики побратимства, сколько транслировали идеологически выверенную модель международных отношений, где на первый план выходили не «братские» связи, а демонстрация успехов социалистической системы. В соответствии с концепцией «порядка дискурса»¹¹ Н. Фэркло, доминирующая лексема «дружба» в карельской прессе отражала официально санкционированный, центральный способ идеологического смыслообразования, предписанный советским дискурсивным порядком. Редкое употребление «побратима» маркирует его как периферийный или альтернативный элемент, чья локальная семантика (конкретное межгородское побратимство) не соответствовала масштабу универсальной идеологемы «дружба народов», подлежавшей тотальному воспроизводству.

Работа с инструментом N-grams. Использование инструмента N-grams для выявления частотных последовательностей словосочетаний в корпусе газетных статей позволяет найти ключевые черты дискурса о побратимстве, а именно его высокую ритуализованность и клишированность. Частотные биграммы и триграммы, такие как «возложили цветы к» (76 упоминаний), «в Петрозаводск прибыла» (75) и «в составе делегации» (67), свидетельствуют о строгой ритуальности языка. Эти повторяющиеся формулы не просто передают информацию – они формируют предсказуемый нарратив, в котором акцент делается на официальных действиях и символических жестах. Подобная стандартизация не случайна: она отражает редакционную политику, направленную на создание единого идеологического конструкта. Газетные заметки строятся по четкой схеме: прибытие делегации – возложение цветов – посещение административных зданий и памятников – экскурсия по городу. Эта структура не только упрощает производство текстов, но и минимизирует возможность отклонений от заданного пропагандистского курса.

63	посетили	169	...
64	округа-побратима	167	...
65	умею	163	...
66	отделения	161	...
103	театра	106	...
104	солдата	106	...
105	цк	104	...
106	неизвестного	103	...
107	города-побратима	102	...
108	дулута	102	...

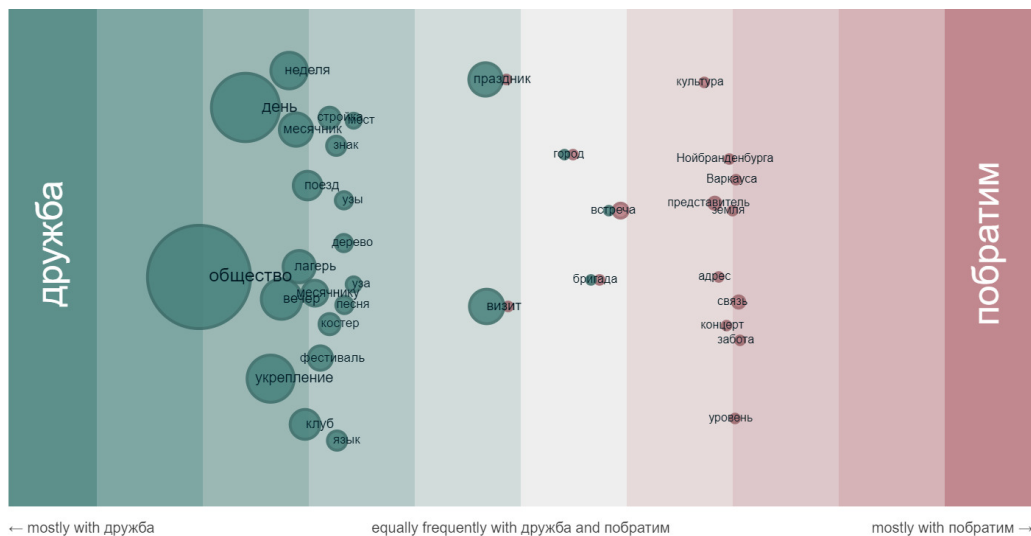
Р и с. 2. Лексемы «город-побратим» и «округ-побратим» в частотном списке
 F i g. 2. Tokens “twin city” and “twin county” in the frequency list

¹¹ Fairclough N. The Dialectics of Discourse. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=75300d06ee03ce14b75007de6d256e2d58ee5279> (дата обращения: 20.07.2025).

Статистика частотности биграмм (например, «В. И. Ленину» – 89, «на могилу Неизвестного солдата» – 47, «совершили экскурсии по» – 45) позволяет говорить о том, что газетные материалы выполняли не столько информационную, сколько ритуально-символическую функцию. Интересно, что лексические паттерны практически не оставляют места для описания реального содержания визитов: нет упоминаний о живом общении, спонтанных событиях или критических оценках. Вместо этого перед читателем предстает набор идеологически выверенных клише, призванных подчеркнуть формальную сторону «дружбы народов». Анализ словосочетаний демонстрирует высокую степень стандартизации лексики, связанной с освещением побратимских связей, что подтверждает характеристику А. Юрчака: советский язык 1960–1970-х действительно стал «дубовым языком» [3].

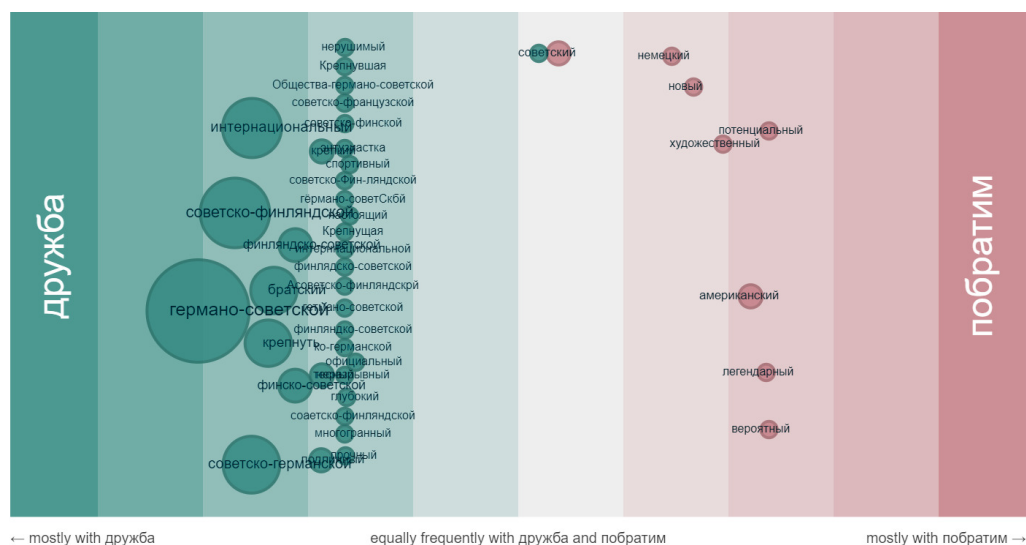
Работа с инструментом Word Sketch Difference. Обратимся к следующему инструменту, который поможет сравнить контексты употребления двух разных лексем – «дружба» и «побратим» (в этом режиме могут сравниваться начальные формы слов). Самые содержательные колонки – *gen_modifies* (слова, с которыми «дружба» или «побратим» употребляются в родительном падеже; рис. 3) и *a_modifier* (прилагательные; рис. 4). Проведенный анализ сочетаемости ключевых понятий «дружба» и «побратим» выявил принципиальные различия в их функционировании, отражающие специфику советского идеологического дискурса.

Лексема «дружба» демонстрирует богатую палитру сочетаний, которые условно можно разделить на три основные группы: 1) календарно-организационные формулы: «день дружбы», «неделя дружбы», «фестиваль дружбы», превращающие абстрактное понятие в лишенную спонтанности практику; 2) яркие метафоры: «мост дружбы», «язык дружбы», «узы дружбы», создающие образ нерушимой связи; 3) динамические конструкции: «укрепление дружбы», «углубление дружбы», подчеркивающие постоянное развитие отношений, даже если реальное взаимодействие было ограниченным. Особенно показателен набор эпитетов: «нерушимая», «крепнущая», «глубокая» дружба, формирующие представление о вечности и исключительности этих связей. Такие словосочетания являлись прецедентными высказываниями, которые выступали как формулы, обладающие идеологически направленным воздействующим потенциалом [23].

visualization by SKETCH ENGINE

Р и с. 3. Визуализация результатов работы инструмента Word Sketch Difference для лексем «дружба» и «побратим» (*gen_modifies*)
F i g. 3. Visualization of the results of the “Word Sketch Difference” tool for the lexemes “friendship” and “twin-city” (*gen_modifies*)

← mostly with дружба

equally frequently with дружба and побратим

mostly with побратим →

visualization by SKETCH ENGINE

Р и с. 4. Визуализация результатов работы инструмента Word Sketch Difference для лексем «дружба» и «побратим» (a_modifier)

F i g. 4. Visualization of the results of the “Word Sketch Difference” tool for the lexemes “friendship” and “twin-city” (a_modifier)

В то же время лексема «побратим» функционирует как сухой административный термин, использовавшийся скорее как ярлык, а не как обозначение реальной близости. Его сочетаемость ограничена формальными обозначениями: «город-побратим», «визит побратимов», «праздник побратимов». Полностью отсутствуют характерные для «дружбы» метафоры и эмоциональные эпитеты (депоэтизация). Даже в позиции определения используются нейтральные прилагательные: «официальный побратим», «новый побратим» (деэмоционализация).

Такое распределение ролей не случайно. «Дружба» как абстрактное понятие позволяла конструировать нужный образ международных отношений, тогда как «побратим» как конкретный термин, актуализирующий вопросы практического взаимодействия (например, обмен опытом в производственной, образовательной и иных сферах), мог сместить акцент с демонстрации идеологического единства на обсуждение сугубо утилитарных, а потому менее значимых с пропагандистской точки зрения задач. Поэтому первая лексема активно мифологизировалась, а вторая намеренно десемантизировалась. Показательно, что даже в материалах, посвященных непосредственно побратимским связям, ключевой термин «побратим» оказывался на периферии, уступая место идеологически нагруженной «дружбе». Это наглядно демонстрирует подчиненность темы побратимства более общей пропагандистской задаче – созданию образа «нерушимой дружбы народов». Данный случай интересен как пример того, как через анализ сочетаемости слов можно реконструировать механизмы идеологического воздействия. Советская пресса не просто использовала эти понятия, а выстраивала между ними строгую иерархию, где «дружба» задавала смысловые рамки, а «побратим» занимал подчиненное положение, будучи лишенным самостоятельного концептуального содержания.

Заключение

Проведенное исследование лексики побратимства в прессе Карелии (1960–1980 гг.) позволило выявить механизмы идеологического конструирования в советском медиадискурсе. Сочетание методов корпусной лингвистики (distant reading)

и критического дискурс-анализа (close reading) в традиции Н. Фэркло дало возможность не только сформулировать, но и объективно доказать существование жесткой иерархии в языке, обслуживавшем тему международных связей.

Главным содержательным результатом стало обнаружение и описание специфической иерархической организации дискурса о побратимстве. Инструменты корпусного менеджера Sketch Engine (Word List, N-grams, Word Sketch Difference) позволили перевести качественные наблюдения в плоскость верифицируемых данных. Так, частотный анализ (Word List) объективно выявил абсолютное доминирование абстрактной идеологемы «дружба», занявшей место смыслового и риторического стержня всех публикаций. Ключевой для темы термин «побратим», напротив, оказался на периферии лексикона, что свидетельствует о его намеренной маргинализации.

Этот количественный дисбаланс получил содержательное объяснение при помощи других инструментов. Анализ коллокаций (Word Sketch Difference) наглядно показал фундаментальный контраст: «дружба» обладала богатым спектром метафоричных и эмоционально-позитивных сочетаний («нерушимая дружба», «мост дружбы»), выполняя мифологизирующую функцию. В то же время «побратим» использовался как сухой административный ярлык с узкой, ситуативной сочетаемостью («город-побратим», «официальный побратим»). Выявление повторяющихся формул (N-grams), таких как «возложили цветы к» или «в составе делегации», подтвердило, что дискурс был ритуализован и подчинен строгому сценарию, минимизирующему возможность отклонений от заданной траектории.

Таким образом, советский дискурс о побратимстве предстает не как отражение реальной практики межгородского сотрудничества, а как идеологический конструкт. Его центральным механизмом была подчиненность конкретного понятия («побратим») универсальной идеологеме («дружба»). Это позволяло маскировать прагматические (в том числе пропагандистские) цели движения породненных городов в условиях холодной войны, подменяя описание реального взаимодействия демонстрацией лояльности государственной доктрины «дружбы народов». На примере региональной прессы советской Карелии показано, как язык служил инструментом конструирования идеологической реальности, где ритуал и символ имели приоритет над содержанием.

Перспективы дальнейших исследований видятся в хронологическом расширении на период 1990–2000-х гг., когда лексика побратимства обогатилась в связи с изменением политического контекста и появлением новых практик (например, гуманитарной помощи, экономических проектов). Кроме того, продуктивным представляется сравнительный анализ дискурса местной, центральной и зарубежной прессы, а также применение использованной методологии к другим типам источников, например интервью с участниками побратимских отношений, что позволит сопоставить официальный медиадискурс с личным восприятием.

Полученные результаты имеют значение для изучения идеологического дискурса эпохи холодной войны, а использованный интегративный подход формирует модель для работы с большими массивами газетных текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Раева Т.В. «Дружбе не страшны расстояния»: особенности освещения деятельности Союза советских обществ дружбы в центральных газетах брежневского периода. *Управление в современных системах*. 2017;(4):39–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/druzhbe-ne-strashny-rasstoynaniya-osobennosti-osvescheniya-deyatelnosti-soyuza-sovetskih-obschestv-druzhby-v-tsentralnyh-gazetah> (дата обращения: 20.07.2025).
2. Lavrushina N., Malmi M., Tirri S. Let's Write History of Twinning between Karelian and Finnish Municipalities. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2021;(6):479–482. <https://doi.org/10.15393/j103.art.2021.2026>
3. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение; 2014. 664 с.

4. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления: моногр. М.: Добросвет; 2020. 178 с. <https://www.elibrary.ru/cqkwes>
5. Васильева В.В. «Высокие технологии» советской производственной новости. *Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 9.* 2014;(4):175–181. <https://elibrary.ru/teaoen>
6. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции: моногр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. 185 с. <https://www.elibrary.ru/uwomsx>
7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис; 2004. 326 с.
8. Brakman S., Garretsen H., Oumer A. Town Twinning and German City Growth: CESifo Working Paper No. 4754. Category 8: Trade Policy. 2014. URL: https://www.ifo.de/DocDL/cesifo1_wp4754.pdf (дата обращения: 25.07.2025).
9. Furmankiewicz M. Town-Twinning as a Factor Generating International Flows of Goods and People – the Example of Poland. *Belgeo.* 2005;(1–2):145–162. <https://doi.org/10.4000/belgeo.12466>
10. Lavrushina N., Shlapenko E. Public Participation in Sister-Cities Relations: The Case of Petrozavodsk. In: Frankenberger R., Chernenkova E. (eds) Local Governance and Public Wellbeing. Comparing Russian and German Examples. Baden-Baden: Nomos; 2020. P. 229–238.
11. Cremer R.D., De Bruin A., Dupuis A. International Sister-Cities: Bridging the Global-Local Divide. *The American Journal of Economics and Sociology.* 2001;60(1):377–401. <https://elibrary.ru/euayrr>
12. Matthews R. Taiwan Island and Sister Cities Paradiplomacy. 2013. URL: https://www.academia.edu/3697173/Taiwan_Island_and_sister_cities_paradiplomacy (дата обращения: 25.07.2025).
13. Zelinsky W. The Twinning of the World: Sister Cities in Geographic and Historical Perspective. *Annals of the American Association of Geographers.* 1991;81(1):1–31. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.1991.tb01676.x>
14. Мишланова С.Л., Пермьякова Т.М. «Города-побратимы» в разных лингвокультурах – «Братья» или «Сестры»? *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология.* 2010;(3):46–51. <https://elibrary.ru/mspvhl>
15. Гереп А.Э., Чупахина Ю.А., Гереп С.А. Компьютерные программы для анализа качественных и смешанных данных. *Петербургская социология сегодня.* 2015;(6):374–383. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternye-programmy-dlya-analiza-kachestvennyh-i-smeshannyh-dannyh> (дата обращения: 20.07.2025).
16. Константинов Г.Е. Смена парадигмы советской пропаганды и ее отражение в периодической печати в 1920-е – 1940-е гг. *Гуманитарные исследования. История и филология.* 2022;(6):22–30. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-6-22-30>
17. Биомона А.А. Номинативная лексика в печатном медиадискурсе советского периода. *Вестник Челябинского государственного университета.* 2020;(3):21–30. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10303>
18. Новикова А.А. Сравнение инструментов Sketch Engine и TermoStat для извлечения терминологии. *International Journal of Open Information Technologies.* 2020;8(11):73–79. <https://doi.org/10.25559/INJOIT.2307-8162.08.202011.73-79>
19. Kilgariff A., Baisa V., Bušta J., Jakubíček M., Kovář V., Michelfeit J., et al. The Sketch Engine. *Lexicography.* 2014;1(1):7–36. <https://doi.org/10.1007/s40607-014-0009-9>
20. Райскина В.А. Средства аксиологического позиционирования маскулинности в средневековом художественном дискурсе (на материале корпусов DECT и BFM-GRAAL). *Вестник Томского государственного университета.* 2018;(432):14–23. <https://doi.org/10.17223/15617793/432/2>
21. Глинкина Л.А. Частотность как значимый регистр лексикографии и фразеологии. *Проблемы истории, филологии, культуры.* 2011;(3):7–11. URL: <https://pifk.mgtu.ru/doc/pifk-03-2011.pdf> (дата обращения: 20.07.2025).
22. Хизова М.А. Концепт «дружба» в русской и английской лингвокультурах: дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар; 2005. 198 с.
23. Купина Н.А. Прецедентные формулы советской эпохи в языке современной газеты: к проблеме диалогичности. *Филологические заметки.* 2010;2. <https://elibrary.ru/qesxro>

Информация об авторе:

Богачева Ксения Михайловна, аспирант сектора истории, младший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0447-9983>, SPIN-код: 1953-3715, bogachevakm@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 13.08.2025; одобрена после рецензирования 25.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

REFERENCES

1. Raeva T.V. “Friendship is not Afraid of Distance”: Features of the Presentation of Activity of the Union of Soviet Friendship Societies in the Central Press of the Brezhnev Period. *Upravlenie v sovremennyyh sistemah.* 2017;(4):39–46. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/druzhe-ne-strashny-rasstoyaniya-osobennosti-osvescheniya-deyatelnosti-soyuza-sovetskih-obschestv-druzhy-v-tsentrallyh-gazetah> (accessed 20.07.2025).
2. Lavrushina N., Malmi M., Tirri S. Let’s Write History of Twinning between Karelian and Finnish Municipalities. *Nordic and Baltic Studies Review.* 2021;(6):479–482. <https://doi.org/10.15393/j103.art.2021.2026>
3. Yurchak A. [It was Forever, until It Ended. The Last Soviet Generation]. Moscow; 2014. 664 p. (In Russ.)

4. Dobrosklonskaya T.G. [Medialinguistics: Theory, Methodology, and Research Directions: Monograph]. Moscow; 2020. 178 p. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/cqkwes>
5. Vasilieva V.V. High Technology of Soviet Industrial News. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 2.* 2014;(4):175–181. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/teaoen>
6. Kupina N.A. [The Totalitarian Language: A Dictionary and Speech Reactions: Monograph]. Yekaterinburg; 2015. 185 p. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/uwomsx>
7. Sheigal E.I. [The Semiotics of Political Discourse]. Moscow; 2004. 326 p. (In Russ.)
8. Brakman S., Garretsen H., Oumer A. Town Twinning and German City Growth: CESifo Working Paper No. 4754. Category 8: Trade Policy. 2014. Available at: https://www.ifo.de/DocDL/cesifo1_wp4754.pdf (accessed 25.07.2025).
9. Furmankiewicz M. Town-Twinning as a Factor Generating International Flows of Goods and People – the Example of Poland. *Belgeo.* 2005;(1–2):145–162. <https://doi.org/10.4000/belgeo.12466>
10. Lavrushina N., Shlapenko E. Public Participation in Sister-Cities Relations: The Case of Petrozavodsk. In: Frankenberger R., Chernenkova E. (eds) *Local Governance and Public Wellbeing. Comparing Russian and German Examples.* Baden-Baden: Nomos; 2020. P. 229–238.
11. Cremer R.D., De Bruin A., Dupuis A. International Sister-Cities: Bridging the Global-Local Divide. *The American Journal of Economics and Sociology.* 2001;60(1):377–401. <https://elibrary.ru/euayrr>
12. Matthews R. Taiwan Island and Sister Cities Paradiplomacy. 2013. Available at: https://www.academia.edu/3697173/Taiwan_Island_and_sister_cities_paradiplomacy (accessed 25.07.2025).
13. Zelinsky W. The Twinning of the World: Sister Cities in Geographic and Historical Perspective. *Annals of the American Association of Geographers.* 1991;81(1):1–31. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.1991.tb01676.x>
14. Mishlanova S.L., Permyakova T.M. “Sister-Cities” in Different Cultures – “Brothers” or “Sisters”? *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology.* 2010;(3):46–51. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/mspvh1>
15. Geger A.E., Chupahina Yu.A., Geger S.A. [Computer Programs for Analyzing Qualitative and Mixed Data]. *St. Petersburg sociology today.* 2015;(6):374–383. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternye-programmy-dlya-analiza-kachestvennyh-i-smeshannyh-dannyh> (accessed 20.07.2025).
16. Konstantinov G.E. Changes of Soviet Propaganda Paradigm and Its Reflections in Periodical Press in the 1920s – 1940s. *Humanitarian Research. History and Philology.* 2022;(6):22–30. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-6-22-30>
17. Biymena A.A. Nominative Vocabulary in the Printed Media Discourse of the Soviet Period. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2020;(3):21–30. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10303>
18. Novikova A.A. Sketch Engine and TermoStat Tools for Automatic Term Extraction. *International Journal of Open Information Technologies.* 2020;8(11):73–79. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25559/INJOIT.2307-8162.08.202011.73-79>
19. Kilgariff A., Baisa V., Bušta J., Jakubíček M., Kovář V., Michelfeit J., et al. The Sketch Engine. *Lexicography.* 2014;1(1):7–36. <https://doi.org/10.1007/s40607-014-0009-9>
20. Rayskina V.A. Means of Axiological Positioning of Masculinity in Medieval Literary Discourse (on the Material of DECT and BFM-GRAAL Corpora). *Bulletin of Tomsk State University.* 2018;(432):14–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/15617793/432/2>
21. Glinkina L.A. Frequency as an Important Characteristic of Lexicography and Phraseography. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies.* 2011;(3):7–11. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://pifk.magtu.ru/doc/pifk-03-2011.pdf> (accessed 20.07.2025).
22. Khizova M.A. [The Concept of “Friendship” in Russian and English Linguistic Cultures: Dissertation ... Cand.Sci. (Philol.)]. Krasnodar; 2005. 198 p. (In Russ.)
23. Kupina N.A. [Precedent Formulas of the Soviet Era in the Language of a Modern Newspaper: To the Problem of Dialogicity]. *Philological Studies.* 2010;2. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qesxro>

Information about the author:

Ksenia M. Bogacheva, Postgraduate Student, Junior Researcher of the History Department, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0447-9983>, SPIN-code: 1953-3715, bogachevakm@gmail.com

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 13.08.2025; revised 25.09.2025; accepted 29.09.2025.

ТОПОНИМИКА И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ TOPONYMY AND DIALECTOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.412-429><https://elibrary.ru/tfdmgg>

УДК / UDC 811.512.132'282

Оригинальная статья / Original article

Сопоставительный анализ лексики ижемского диалекта коми-зырянского языка (по материалам словаря М. А. Кастрена и современной аудиодокументации)

О. Н. Баженова¹✉, Ю. В. Норманская^{1,2}¹ Институт системного программирования им. В. П. Иванникова
Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация² Институт языкознания Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация✉ bazhenova-olga2011@mail.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время в науке отсутствует проверенная база, позволяющая судить о степени точности ранних полевых фиксаций ижемского диалекта коми-зырянского языка и о фактах фонетических изменений, действительно произошедших в диалекте за почти двухсотлетний период. Несмотря на наличие отдельных описаний, в научной литературе для ижемского диалекта коми языка отсутствует систематическое исследование, основанное на прямом сопоставлении исторического материала с цифровыми аудиозаписями, обеспечивающими более точную фиксацию речевых параметров. Сохраняется пробел в понимании динамики диалектного вокализма и консонантизма, а также механизмов их эволюции. Настоящая статья стремится восполнить эту лакуну, объединяя разновременные источники в едином цифровом формате LingvoDoc и создавая методологическую основу для дальнейших историко-фонетических реконструкций. Цель исследования – выявить фонетические соответствия и описать процессы, которые могут указывать как на сохранение архаических черт, так и на постепенное формирование новых тенденций в развитии диалекта.

Материалы и методы. Материалом исследования выступили словарь М. А. Кастрена, приведенный в книге «Elementa grammaticae Syrtjaenae» (1844 г.; критическое издание 2022 г.), – 1 146 лексических единиц, и аудиословарь говора села Белоярск Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа (2012 г.) – 1 455 лексических входов, включающих фонологическую транскрипцию и звуковые записи. Сопоставление проводилось с использованием цифровой платформы LingvoDoc, где применялись инструменты «Инventарь фонем/аллофонов», «Результаты анализа спектрограмм», «Поиск когнатов в разных диалектах одного языка» и «Анализ когнатов». Анализ проводился поэтапно: сначала выявлялись регулярные соответствия между данными XIX и XXI вв., затем уточнялись позиционные закономерности.

Результаты исследования и их обсуждение. Сопоставление данных экспериментально-фонетического анализа современного белоярского говора с материалами словаря М. А. Кастрена свидетельствует о высокой точности его фиксации. Так, передаваемые Кастреном двойные гласные графемы, хотя в современном говоре не всегда соотносятся с отдельными фонемами, в большинстве случаев соответствуют более длительным гласным реализациям. Особый интерес представляет графема *ä*: ранее ее могли рассматривать как нерегулярное обозначение, не имеющее прямых параллелей ни в пракоми, ни в современных диалектах, однако анализ показал, что ее употребление подчинялось позиционным правилам. В ходе исследования также было определено ориентировочное время формирования сингармонизма по

© Баженова О. Н., Норманская Ю. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

огубленности в ижемском диалекте (конец XX – начало XXI в.). Наряду с общими тенденциями, характерными для многих коми-зырянских говоров, выявлены и собственно ижемские инновации типа *ö > ʊ. Современный консонантный инвентарь дополняют периферийные звуки [f], [x], [ɣ], преимущественно представленные в заимствованной лексике.

Заключение. Сопоставление словаря М. А. Кастрена и современного аудиоматериала говора с. Белоярск позволяет говорить о регулярных фонетических соответствиях и в целом согласованных направлениях изменения вокализма и консонантизма ижемского диалекта. Интеграция инструментального анализа Praat и цифровой среды LingvoDoc показала свою эффективность для верификации исторических записей и уточнения позиционных закономерностей. Полученные результаты задают основу для дальнейших сопоставительных исследований внутри ареала коми-зырянских диалектов и для более детальной интерпретации наблюдаемых процессов.

Ключевые слова: ижемский диалект, коми-зырянский язык, фонетические соответствия, вокализм, консонантизм, словарь М. А. Кастрена, аудиословарь, LingvoDoc, диахрония

Финансирование: публикация подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 25-78-20002 «Возможности искусственного интеллекта для сравнительно-исторического изучения малоресурсных языков народов РФ».

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Баженова О.Н., Норманская Ю.В. Сопоставительный анализ лексики ижемского диалекта коми-зырянского языка (по материалам словаря М. А. Кастрена и современной аудиодокументации). *Финно-угорский мир*. 2025;17(4):412–429. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.412-429>

A Contrastive Analysis of the Vocabulary of the Izhma Dialect of the Komi-Zyryan Language (Based on Materials from M. A. Castrén's Dictionary and Modern Audio Documentation)

O. N. Bazhenova ^{a, ✉}, Yu. V. Normanskaya ^{a, b}

^a *Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

^b *Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

✉ bazhenova-olga2011@mail.ru

Abstract

Introduction. Currently, there is no verified basis for assessing the accuracy of early field recordings of the Izhma dialect of the Komi-Zyrian language or for determining the facts of phonetic changes that have actually occurred in the dialect over a nearly two-hundred-year period. Despite the existence of individual descriptions, the scientific literature on the Izhma dialect of the Komi language lacks systematic research based on a direct comparison of historical material with digital audio recordings, which provide more accurate documentation of speech parameters. A gap remains in understanding the dynamics of dialectal vocalism and consonantism, as well as the mechanisms of their evolution. This article seeks to fill this lacuna by integrating sources from different periods into a unified digital format, LingvoDoc, and creating a methodological foundation for future historical-phonetic reconstructions. The aim of the study is to identify phonetic correspondences and describe processes that may indicate both the preservation of archaic features and the gradual formation of new tendencies in the development of the dialect.

Materials and Methods. The research material comprised M. A. Castrén's dictionary, presented in the book "Elementa grammatices Syrjaenae" (1844; critical edition 2022) – 1,146 lexical units, and the audio dictionary of the dialect of the village of Beloyarsk, Priuralsky District, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (2012) – 1,455 lexical entries, including phonological transcription and audio recordings. The comparison was carried out using the LingvoDoc digital platform, employing the tools "Inventory of Phonemes/Allophones," "Spectrogram Analysis Results," "Search for Cognates in Different Dialects of One Language," and "Cognate Analysis". The analysis was conducted in stages: first, regular correspondences between the 19th and 21st-century data were identified, followed by the clarification of positional patterns.

Results and Discussion. A comparison of the data from the experimental-phonetic analysis of the modern Beloyarsk dialect with the materials from M. A. Castren's dictionary demonstrates the high accuracy of his documentation. Thus, the double vowel graphemes recorded by Castren, although not always corresponding to distinct phonemes in the modern dialect, in most cases correspond to longer vocalic realizations. Of particular interest is the grapheme *ä*: previously, it could have been considered an irregular notation with no direct parallels either in Proto-Komi or in modern dialects; however, the analysis has shown that its usage followed positional rules. The study also established the approximate timeframe for the development of labial harmony in the Izhem dialect (late 20th – early 21st century). Alongside general trends characteristic of many Komi-Zyrian dialects, specifically Izhem innovations such as *ö* > *ɒ* have been identified. The modern consonant inventory is supplemented by peripheral sounds [f], [x], [ɣ], found primarily in borrowed vocabulary.

Conclusion. A comparison of M. A. Castren's dictionary with contemporary audio material of the Beloyarsk village dialect allows us to speak of regular phonetic correspondences and generally consistent directions of change in the vocalism and consonantism of the Izhma dialect. The integration of instrumental analysis using Praat and the digital environment LingvoDoc has proven effective for verifying historical recordings and clarifying positional patterns. The obtained results establish a foundation for further comparative studies within the area of Komi-Zyrian dialects and for a more detailed interpretation of the observed processes.

Keywords: Izma dialect, Komi-Zyryan language, phonetic correspondences, vocalism, consonantism, M. A. Castrén's dictionary, audio dictionary, LingvoDoc, diachrony

Funding: The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-78-20002 "Capabilities of Artificial Intelligence for Comparative-Historical Study of Low-Resource Languages of the Peoples of the Russian Federation".

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Bazhenova O.N., Normanskaya Yu.V. A Contrastive Analysis of the Vocabulary of the Izhma Dialect of the Komi-Zyryan Language (Based on Materials from M. A. Castrén's Dictionary and Modern Audio Documentation). *Finno-Ugric World*. 2025;17(4):412–429. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.412-429>

Введение

Коми-зырянский язык имеет сложную диалектную структуру и предоставляет богатый материал для сравнительной лексикографии. Одним из наиболее своеобразных его диалектов является ижемский – северная разновидность коми языка, которая характеризуется архаичными чертами и обилием специфической лексики, связанной с традиционной культурой ижемцев. По мнению ученых, становление ижемцев как субэтнической группы коми народа связано с переселением части коми населения из бассейна р. Вычегды на север в XVI в. и последующим контактом с ненецким и русским населением Припечорья и Западной Сибири [1–3]. Согласно данным последних этнодемографических исследований, численность коми-ижемцев (изъватас) в XXI в. демонстрирует тенденцию к сокращению. По итогам переписи 2021 г. в России насчитывалось около 9,3–9,4 тыс. ижемцев, из которых около 83 % проживали в Ижемском районе Республики Коми. За пределами республики расселение носит локализованный характер: в Мурманской области (так называемый Кольский субареал) зафиксировано около 1 тыс. чел., в Ненецком автономном округе – 120–130 чел., в Ямало-Ненецком – около 180–200 чел., в Ханты-Мансийском – приблизительно 60 чел. Полевые материалы 2023 г. уточняют, что в Ловозерском районе Мурманской области численность ижемцев составляет уже «несколько меньше 1 тыс.», что подтверждает процесс демографического спада в этом регионе¹ [4].

Целью исследования является выявление и описание фонетических соответствий в ижемском диалекте коми-зырянского языка на материале двух корпусов, разделенных значительным временным интервалом: словаря М. А. Кастрена (1844 г.; критическое издание 2022 г.) и аудиословаря говора с. Белоярск Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа (2012 г.). Сопоставление позволяет проследить

¹ Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаетов Ю.П. Современные коми. Екатеринбург: УрО РАН; 1996. 178 с.

динамику вокализма и консонантизма, уточнить характер количественных и качественных изменений в системе гласных и согласных, а также определить степень сохранности архаических черт и проявления инновационных процессов.

Обзор литературы

Ижемский диалект традиционно рассматривается как «нуль-эловый» по характеристике исчезновения согласного **l* в определенных позициях, что привело к возникновению долгих гласных (ср. лит. *кыв* ‘язык’ и иж. *кыы*) [1]. Среди других фонетических особенностей можно отметить замену [ö] на [e] в неударных слогах, мягкое произношение аффрикат с тенденцией к деаффрикатизации и др. [5].

Одним из первых исследователей ижемского диалекта стал М. А. Кастрен (1813–1852), собравший обширные материалы по уральским и алтайским языкам в ходе экспедиций 1838–1849 гг. Во время третьей экспедиции (1843 г.) он провел около пяти месяцев среди коми-ижмцев близ Полярного круга, собирая образцы речи в Ижме и соседних селениях² [6]. Результатом этой работы стала книга «Elementa grammatices Syrgaenae»³, включившая описание грамматики ижемского диалекта, словарь из более 100 лексем, а также перевод четырех глав Евангелия от Матфея⁴ (рис 1).

На сегодняшний день лингвисты имеют уникальную возможность проследить динамику лексики исследуемого диалекта или языка на основе сопоставления данных, разделенных многовековым периодом [7]. Использование современных цифровых инструментов – в данном случае платформы LingvoDoc – демонстрирует новые возможности лексикографической и фонетической работы с материалами малых и исчезающих языков. Определение графико-фонетических особенностей ранних фиксаций диалектов требует тщательного сопоставления с современными данными. Похожий подход, основанный на графо-фонетическом анализе исторических списков слов, был применен, например, при изучении калмыцкого словарика Ю. Г. Клапрота [3].

На сайте LingvoDoc в настоящее время размещено более 40 словарей по коми языку, в том числе 14 аудиословарей и 12 словарей по письменным памятникам⁵. Один из наиболее объемных словарей по ижемскому диалекту – аудиословарь говора с. Белоярск Приуральского района Ямало-Ненецкого Автономного Округа⁶ был записан в ходе экспедиции 2012–2013 гг. под руководством Е. В. Кашкина в рамках проекта по разработке диалектологического атласа уральских языков ЯНАО (руководитель – Н. Б. Кошкарева). Данный аудиословарь состоит из 1 455 лексических входов (лексема, фонологическая транскрипция, значение, аудиозапись, парадигмы и контекст, когнаты). Большинство аудиозаписей снабжены разметкой, выполненной в программе Praat (рис. 2). Необходимо учесть, что сбор базисной лексики, являющейся основой для сравнительно-исторического языкознания, требует разработки специальных методик, что было продемонстрировано на материале казымского диалекта хантыйского языка [6].

Несмотря на значительный корпус описаний ижемского диалекта и отдельных фонетических исследований, обзор литературы выявляет несколько устойчивых пробелов, которые и обусловили постановку настоящего исследования. Во-первых, отсутствует систематическое, основанное на цифровых ресурсах сопоставление ранних графемных фиксаций с современными аудиозаписями, что затрудняет верификацию точности

² Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар; 1976. 287 с.

³ Словарь ижемского диалекта коми языка по книге М. А. Кастрена (1844) [Электронный ресурс]. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11470/1/perspective/11470/2/view> (дата обращения: 16.10.2025).

⁴ СДКЯ 2012 – Словарь диалектов коми языка = Коми сёрнисикас кывчукор: в 2 т.: более 78 000 слов. Отв. ред. Л.М. Безносикова; Российская акад. наук, Уральское отд-ние, Коми науч. центр, Ин-т языка, литературы и истории. Т. 1: А–О. Сыктывкар: Кола; 2012. 1095 с. Т. 2: Ö–Я. 888 с.

⁵ Словарь ижемского диалекта коми-зырянского языка, говор с. Белоярск Приуральского р-на ЯНАО [Электронный ресурс]. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1389/6/perspective/1389/7/view> (дата обращения: 16.10.2025).

⁶ Там же.

Index Vocabulorum *).

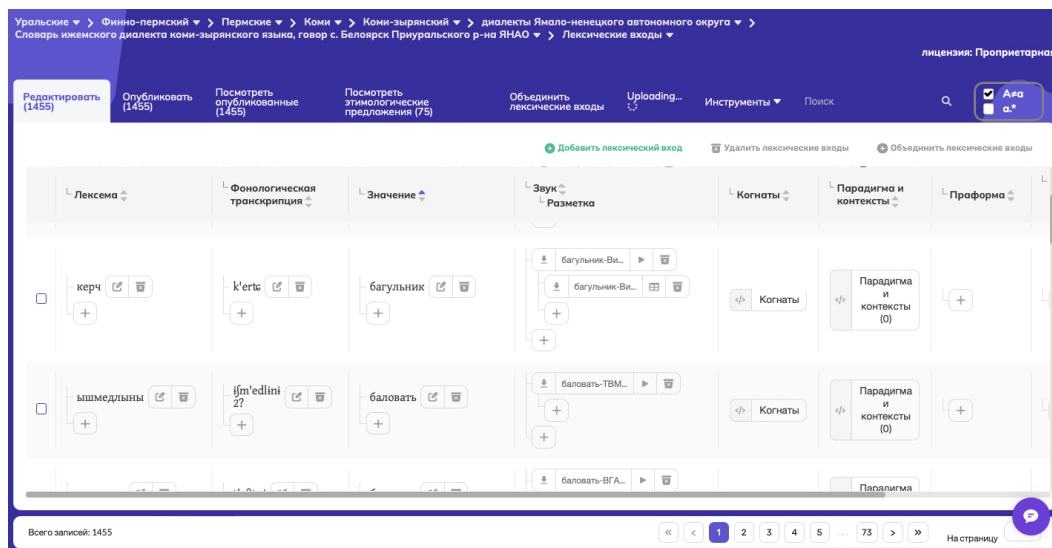
А.	А. В.
<i>Adzja</i> , video.	<i>Arkna</i> (karma), reddor,
<i>Agas</i> , ocea. F. <i>oas</i> , Gen. <i>okaan</i> (uncus).	v. <i>kara</i> .
<i>Agsala</i> , agrum oeco.	<i>Asy</i> , tempus matutinum,
<i>Aj</i> , pater, mas (самец),	mane, oriens.
Instr. <i>ajen</i> . F. <i>üjja</i> ,	<i>Asja</i> , matutinus.
senex, avus, L. <i>ajja</i> ,	<i>Asyvyjy</i> , plaga orientalis.
<i>äije</i> , id.	<i>Asyvyysa</i> , in oriente ha-
<i>Ajka</i> , socer.	bitans.
<i>Akanj</i> , pupa lasoria.	<i>Badj</i> , salix. F. <i>paju</i> .
<i>Alacjyng</i> , tentorium a velis	<i>Baidyk</i> , perdix.
confectum.	<i>Ban</i> , gena ori adjacens.
<i>Anäis</i> , culter aratri.	<i>Bed</i> , baculum.
<i>Anj</i> , uxor. F. <i>vaino</i>	<i>Bergala</i> , vertor. Eff. <i>ber-</i>
(vain, aim, amj, anj).	<i>gäda</i> , verito.
<i>Anjkyej</i> , pisum sati-	<i>Beroo</i> , curvus, inflexus.
vum.	F. <i>väärä</i> .
<i>Ar</i> , autumnus.	<i>Bi</i> , ignis.
<i>Arja</i> , autumnus.	<i>Bija</i> , igneus. <i>Bija üz</i> ,
<i>Arsjoo</i> , autumnalis.	silex, F. <i>pü</i> .
	<i>Bord</i> , ala.

*). Haec omittuntur pronomina, postpositiones, adverbia, conjunctiones, quae in Grammatica jam enumerata sunt.

18

В.	В. D.
<i>Borda</i> , alatus.	<i>Bydmala</i> , convolvere (om-
<i>Bosta</i> , capio. Fr. <i>bostala</i> ,	nia colligo).
mom. <i>bostys'ta</i> .	<i>Byg</i> , spuma, Instr. <i>byggjen</i> .
<i>Bur</i> , bonus. L. <i>buorre</i> ,	<i>Bygjes</i> , spumae plenus.
F. <i>paras</i> (optimus).	<i>Byräda</i> , deleo.
<i>Buraa</i> , bene.	<i>Bärd</i> , superficies.
<i>Burala</i> , bonum facio, blan-	<i>Böz'</i> , cauda, fimbria.
dio.	<i>Böz'a</i> , mustella erminea.
<i>Burasja</i> , bonus reddor,	<i>Bör</i> , quod a tergo est.
reconcilior.	F. <i>perä</i> .
<i>Burda</i> , melior fio, sanor.	<i>Börda</i> , fleo, ploro. F.
F. <i>paranen</i> , L. <i>buorran-</i>	<i>parun</i> .
<i>nam</i> .	<i>Dadj</i> , traha.
<i>Burdäda</i> , meliorem reddo,	<i>Dar</i> , cochlear majus. Instr.
sano. F. <i>parannan</i> , L.	<i>darjen</i> .
<i>buorredam</i> .	<i>Das</i> , decem. <i>Dasäd</i> , de-
<i>Burnja</i> , puteus.	cemus.
<i>Bus</i> , pulvis.	<i>Dasur</i> , decem oboli (де-
<i>Busa</i> , pulvere obductus.	сять копѣекъ.)
<i>Busäs</i> , pulvere plenus.	<i>Dasura</i> , decem obolos con-
<i>Busita</i> , <i>busesta</i> , pulverem	tinens.
excito.	<i>Dasj</i> , paratus.
<i>Byd</i> , omnis.	<i>Dasjeda</i> , paro.
<i>Bydcän</i> , omne, Instr. <i>byd-</i>	<i>Di</i> , insula.
<i>cänän</i> , omnino.	<i>Djin</i> , propinquitas.
<i>Bydcjana</i> , complexus re-	<i>Doma</i> , ligo. Fr. <i>domala</i> .
rum variarum (всѣчина).	<i>Don</i> , praelium.
<i>Bydna</i> , cresco.	<i>Dona</i> , pretiosus.

Р и с. 1. Фрагмент словаря книги «Elementa grammatices Syrjaenae» (1844 г.)
F i g. 1. A Fragment of the Dictionary from "Elementa grammatices Syrjaenae" (1844)

Р и с. 2. Фрагмент аудиословаря
F i g. 2. A fragment of the audio dictionary

транскрипций и прослеживание диахронических траекторий. Во-вторых, имеющиеся работы редко опираются на инструментальные измерения (длительности, спектрограммы) и потому не дают количественной оценки сохранности долготы или огубленности; это усложняет датировку инноваций и оценку их распространенности. Исходя из указанных пробелов, мы предлагаем методику цифрового сопоставления двух корпусов с целью закрыть обозначенные лакуны и уточнить механизмы фонетических изменений.

Материалы и методы

Основными материалами исследования послужили: 1) словарь ижемского диалекта, составленный М. А. Кастреном и изданный в 1844 г. на латинском языке (для анализа также привлекалось критическое издание 2022 г. под ред. П. Кокконен и Дж. Рютера; словарь обработан и загружен на платформу LingvoDoc О. Н. Баженовой в 2025 г.); 2) аудиословарь ижемского диалекта (говор с. Белоярск Приуральского района ЯНАО), обработанный и размещенный на платформе LingvoDoc Е. В. Кашкиным в 2012 г. Первый источник представляет ранний этап фиксации диалекта и состоит из 1 146 слов. Современный аудиословарь охватывает 1 455 лексем, снабжен звуковыми записями и транскрипцией, что позволяет учитывать фонетические нюансы и вариативность произношения. Лексикографическая база была собрана в местах компактного проживания коми-ижмцев в ЯНАО, куда ижмцы мигрировали начиная с конца XIX в.

Для обработки данных использована онлайн-платформа LingvoDoc, предоставляющая инструменты для совместного ведения словарей, поиска соответствий и аннотации лексических единиц. Подобная методика ранее была применена при исследовании словарей Г. Ф. Миллера и показала эффективность LingvoDoc для работы с историческими источниками⁷. Сходные исследования, направленные на выявление междиалектных соответствий в вокализме и консонантизме с использованием алгоритма «Анализ когнатов» на платформе LingvoDoc, были проведены и на материале карельской диалектной речи [1; 8].

Результаты исследования и их обсуждение

1. Особенности вокализма. Инструмент «Инвентарь фонем и аллофоны» на сайте LingvoDoc автоматически выявляет и распределяет по соответствующим характеристикам все фонемы и аллофоны анализируемых словарей [2]. В таблице 1 представлены обозначения гласных, использованные в рассматриваемых работах.

Редакторы переработанного издания словаря М. А. Кастрена оставили без изменений систему гласных, предложенную автором в первоначальном варианте.

Сопоставление вокализма по данным исследуемых словарей при помощи опции «Анализ когнатов в разных диалектах» демонстрирует значительные расхождения как в графической передаче фонем, так и в их фонетической интерпретации (табл. 2).

1.1 Долгота / краткость гласных. В ряде лексем в более поздних словарях отсутствуют долгие гласные, обозначенные в XIX в. М. А. Кастреном (табл. 3).

В ряде случаев долготы в Словаре диалектов коми языка, материалы для которого были собраны в XX в., совпадают с данными XIX в. по словарю М. А. Кастрена 1844 г., но отличаются от данных аудиословаря говора с. Белоярск, записанных в XXI в., где по транскрипции Е. В. Кашкина представлены краткие монофтонги (табл. 4).

Однако есть случаи, когда во всех источниках XIX, XX и XXI вв. представлены долгие гласные, хотя в XXI в. они в основном представлены в виде дублетов, которые колеблются у разных носителей (табл. 5).

По мнению М. А. Сахаровой и Н. Н. Селькова, в примерах, приведенных в таблице 3, и аналогичных, когда долгий гласный представлен лишь в записях у М. А. Кастрена, удлинение встречается чаще всего перед звонкими и сонорными согласными,

⁷ Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. М.: Наука; 1964. 270 с.

Таблица 1. Система гласных в анализируемых словарях
Table 1. The system of vowels in the analyzed dictionaries

Словарь М. А. Кастрена, 1844 г. / Dictionary by M. A. Castrén, 1844	Словарь М. А. Кастрена в переизданном варианте, 2022 г. / Reissued edition of M. A. Castrén's Dictionary, 2022	Аудиословарь говора с. Белоярск, 2012 г. / Audio Dictionary of the Beloyarsk Dialect, 2012
i u u e ö o a ä	i u u e ö o a ä	i i i: u u e ø o o: ə ə: ε v a a: v

Источник: здесь и далее пракоми формы приводятся по реконструкции В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева, которая дана в словаре <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/6075/1/perspective/6075/2/view> в столбце «Пракоми КЭСК». Расположение гласных в таблице 1 отражает их распределение по двум артикуляционным параметрам – ряду и подъему. Такая схема соответствует стандартной вокалической матрице и автоматически формируется системой LingvoDoc.

Source: Here and henceforth, the Proto-Komi forms are given according to the reconstruction by V. I. Lytkin and E. S. Gulyaev, which is presented in the dictionary <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/6075/1/perspective/6075/2/view> in the column labeled “Proto-Komi KESK”. The arrangement of vowels in Table 1 reflects their distribution according to two articulatory parameters – backness and height. This scheme corresponds to the standard vocalic matrix and is automatically generated by the LingvoDoc system.

Таблица 2. Различия в обозначении гласных в анализируемых словарях
Table 2. Differences in the designation of vowels in the analyzed dictionaries

Словарь М. А. Кастрена, 1844 г.; переизданный вариант, 2022 г. / M. A. Castrén's Dictionary, 1844; reissued edition, 2022	Аудиословарь говора с. Белоярск, 2012 г. / Audio Dictionary of the Beloyarsk Dialect, 2012
ä: <i>sätär</i> ‘смородина’, <i>söstäm</i> ‘чистый’	[e]: <i>seter</i> ‘смородина’, <i>sæstem</i> ‘чистый’
y: <i>z'yr</i> / <i>žyr</i> ‘комната’, <i>zyr</i> ‘лопата’	[i]: <i>žir</i> ‘комната’, <i>zir</i> ‘лопата’
y: <i>turyn</i> ‘трава’, <i>kuryd</i> ‘горький’	[u]: <i>turyn</i> ‘трава’, <i>kurnd</i> ‘горький’
yу: <i>nyu</i> ‘девочка, дочь’, <i>kyu</i> ‘язык, речь, слово’	[i:]: <i>ni:</i> ‘девочка, девушка, дочь’, <i>ki:</i> ‘язык’
ö: <i>sjölala</i> ‘плевать.1SG.PRS/FUT’; <i>ökta</i> ‘собирать.1SG.PRS/FUT’	[ø]: <i>s'öläs'ni</i> ‘плеваться’; <i>øktini</i> ‘собирать’
ö: <i>vörsja</i> / <i>vörzja</i> ‘тронуться.1SG.PRS/FUT’; <i>tölys</i> / <i>tölysj</i> ‘луна’	[ə]: <i>vərz'ini</i> ‘тронуться’; <i>təlis</i> ‘луна’
öö: <i>vöö</i> ‘лошадь’; <i>cjöö</i> ‘тихий’	[ə:]: <i>və:</i> ‘лошадь’; <i>təə:</i> ‘тихий’
ö: <i>pöjim</i> ‘пепел’; <i>miös</i> / <i>mös</i> ‘корова’	[v]: <i>pəjim</i> ‘зола’; <i>mvs</i> ‘корова’
e: <i>vidzjeda</i> ‘смотреть.1SG.PRS/FUT’	[v]: <i>v'id'z'vtnv</i> ‘смотреть’
a: <i>pinjasja</i> ‘ругаться.1SG.PRS/FUT’; <i>kureja</i> ‘кусать.1SG.PRS/FUT’	[ε]: <i>p'in'es'ni</i> ‘ругаться’; <i>kurtetes'ni</i> ‘кусаться’

Таблица 3. Долгие гласные в словаре М. А. Кастрена 1844 г. и его переизданном варианте 2022 г. vs краткие гласные в аудиословаре говора с. Белоярск 2012 г. и Словаре диалектов коми языка 2012 г.

Table 3. Long vowels in M. A. Castrén's dictionary of 1844 and its reissued version of 2022 vs short vowels in the audio dictionary of the Beloyarsk village dialect of 2012 and the Dictionary of Komi Dialects of 2012

Словарь М. А. Кастрена, 1844 г.; переизданный вариант, 2022 г. / M. A. Castrén's Dictionary, 1844; reissued edition, 2022	Аудиословарь говора с. Белоярск, 2012 г. / Audio Dictionary of the Beloyarsk Dialect, 2012	Словарь диалектов коми языка, 2012 г. / Dictionary of Komi Language Dialects, 2012
<i>kyuza'</i> / <i>kyuza</i> ‘толщина’	<i>kizmini</i> ‘растолстеть’	<i>кызмыны</i> ‘толстеть’
<i>kyuz</i> ‘толстый’	<i>kiz</i> ‘толстый’	<i>кыз</i> ‘толстый’
<i>kyyläda</i> ‘пускать вниз по течению.1SG.PRS/FUT’	<i>kiloni</i> ‘плыть по течению’	<i>кылооны</i> ‘плыть по течению’
<i>iiz</i> ‘камень’	<i>iz</i> ‘камень’	<i>кылэдны</i> ‘сплавлять’
<i>kooz</i> ‘ель’	<i>koz</i> ‘ель’	<i>из</i> ‘камень’
<i>sjoor</i> ‘балка, шест для ношения воды, ярмо’	—	<i>коз</i> ‘ель’
<i>uuz'da</i> / <i>užda</i> ‘одолжить.1SG.PRS/FUT’	<i>uzdini</i> ‘одолжить’	<i>сёр</i> ‘кормысло’
		<i>уждыны</i> ‘одолжить’

Таблица 4. Долгие гласные в словаре М. А. Кастрена 1844 г., его переизданном варианте 2022 г. и Словаре диалектов коми языка 2012 г. vs краткие гласные в аудиословаре говора с. Белоярск 2012 г.

Table 4. Long vowels in M. A. Castrén's dictionary of 1844, its reprinted version of 2022, and the Dictionary of Komi Dialects of 2012 vs short vowels in the audio dictionary of the Beloyarsk village dialect of 2012

Словарь М. А. Кастрена, 1844 г. / M. A. Castrén's Dictionary, 1844	Аудиословарь говора с. Белоярск, 2012 г. / Audio Dictionary of the Beloyarsk Dialect, 2012	Словарь диалектов коми языка, 2012 г. / Dictionary of Komi Language Dialects, 2012
<i>kyuza</i> 'слушаю'	<i>kizini</i> 'выслушать'	<i>кыызыны</i> 'слушать'
<i>iöö</i> 'ветер, зима'	<i>tə</i> 'ветер, зима'	<i>töö</i> 'ветер, зима'
<i>pyysjan</i> 'баня'	<i>pis'an</i> 'баня'	<i>пыысян</i> 'баня'
<i>kyyläda</i> 'пускаю вниз по течению'	<i>kitid</i> 'низовье реки'	<i>кыытыд</i> 'низовье реки'
<i>puu</i> 'брусника'	<i>pu</i> 'брусника'	<i>пуу</i> 'брусника'
<i>tyu</i> 'невод'	<i>ti</i> 'невод'	<i>тыы</i> 'невод'

Таблица 5. Долгие гласные в анализируемых словарях, включая Словарь диалектов коми языка 2012 г.

Table 5. Long vowels in the analyzed dictionaries, including the Dictionary of Komi Language Dialects of 2012

Словарь М. А. Кастрена, 1844 г. / M. A. Castrén's Dictionary, 1844	Аудиословарь говора с. Белоярск, 2012 г. / Audio Dictionary of the Beloyarsk Dialect, 2012	Словарь диалектов коми языка, 2012 г. / Dictionary of Komi Language Dialects, 2012
<i>vöö</i> 'лошадь'	<i>və:</i> 'лошадь'	<i>vöö</i> 'лошадь'
<i>kyu</i> 'язык'	<i>ki:</i> 'язык'	<i>кыы</i> 'язык'
<i>nyu</i> 'девочка, дочь'	<i>ni / ni:</i> 'девочка, девушка, дочь'	<i>ныы</i> 'девучка, дочь'
<i>poozja</i> 'испугаться'	<i>poz'ini / po:z'ini</i> 'испугаться'	<i>поозыыны</i> 'испугаться'
<i>cjöö</i> 'тихий'	<i>po:z'edni</i> 'испугать'	
	<i>te / te:</i> 'тихий'	<i>чöö</i> 'тихий'

представляя собой вариант соответствующего краткого гласного, а в примерах таблиц 4 и 5 долгота гласных связана с выпадением праязыкового *l, ср.: *кыызыны* < пракоми **kul-* 'слышать', *ныы* < пракоми *nu¹⁸ 'девушка', *vöö* < пракоми *wöl 'лошадь'⁹ [1].

Учитывая, что из ижемского словаря, записанного Е. В. Кашкиным в 2012 г. в с. Белоярск, нам доступны аудиозаписи, размеченные на отдельные звуки и проанализированные в экспериментально-фонетической программе Praat, интересно на его материале проверить, сохранились ли у сегодняшних носителей определенные корреляты долготы, отмеченной только у М. А. Кастрена (табл. 3), хотя бы на уровне аллофонов, или же никаких следов удлинения не в позиции выпадения *l найти невозможно? Чтобы ответить на этот вопрос, для каждого рассматриваемого слова необходимо привести данные по абсолютной и относительной долготе в трех произнесениях. Относительная долгота рассчитывается следующим образом: абсолютная длительность слова делится на количество звуков, полученное число признается равным 100 %, далее вычисляется относительная длительность звука в процентах путем соотношения абсолютной его длительности и числа, равного 100 %.

Рассмотрим примеры с гласным *i*. Анализ показал, что в случае позиции перед выпавшим пракоми *l (слова из табл. 4, 5) относительная длительность *i* в среднем составляет 128,4 %:

⁸ Словарь ижемского диалекта коми-зырянского языка, говор с. Белоярск Приуральского р-на ЯНАО [Электронный ресурс]. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1389/6/perspective/1389/7/view> (дата обращения: 16.10.2025).

⁹ Castrén 1844 – Словарь ижемского диалекта коми языка по грамматике М. А. Кастрена (Castrén M.A. Elementa grammatices Syrjaenae. Helsingforsiae: Ex officina typographica heredum Simelii; 1844. 166 v.). URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11470/1/perspective/11470/2/view> (дата обращения: 16.10.2025).

[ti] 'невод' (абс. Д1 207 мс, относ. Д1 160,98 %; абс. Д2 0,229 мс, относ. Д2 170,76 %; абс. Д3 0,174, относ. Д3 157,45 %);

[ki:] 'язык' (абс. Д1 410 мс, относ. Д1 165,19 %; абс. Д2 0,473 мс, относ. Д2 167,79 %);

[kizini] 'выслушать' (абс. Д1 61 мс, относ. Д1 87,64 %; абс. Д2 63 мс, относ. Д2 84,51 %; абс. Д3 53 мс, относ. Д3 76,69 %);

[pis'an] 'баня' (абс. Д1 132 мс, относ. Д1 115,8 %);

[ni] 'девочка' (абс. Д1 220 мс, относ. Д1 136,59 %).

В случае позиции не перед выпавшим пракоми *l на примере 1 055 словоформ в разных позициях средняя длительность *i* составляет 96,4 %.

Видим, что разница относительной длительности в этих позициях (перед выпавшим *l – 128,4 %, в других случаях – 96,4 %) незначительна, что косвенно указывает на нефонологичность данного противопоставления.

Рассмотрим абсолютные и относительные длительности слов из таблицы 3, которые по М. А. Кастрену имеют длительную гласную уу в первом слоге, соответствующую краткой *ы* (*i*) в источниках XX и XXI вв.:

[kizmini] 'растолстеть' (абс. Д1 172 мс, относ. Д1 150,32 %; абс. Д2 133 мс, относ. Д2 162,14 %);

[kiz] 'толстый' (абс. Д1 148 мс, относ. Д1 119,49 %; абс. Д2 138 мс, относ. Д2 133,20 %; абс. Д3 153 мс, относ. Д3 148 %);

[kite] 'плывет по течению' (абс. Д1 161 мс, относ. Д1 136 %; абс. Д2 124 мс, относ. Д2 118,10 %; абс. Д3 119 мс, относ. Д3 123,94 %).

Средняя относительная длительность *i* в формах, которые имели уу в первом слоге, составляет 126,34 %, что больше средней относительной длительности *i* (96,4 %) в позиции, где находилась *у*.

Безусловно, эти выводы построены на достаточно незначительной статистике, поскольку количество примеров, когда долгота встречается только у М. А. Кастрена, в словаре составляет менее 2 %, и оптимально было бы записать эти слова от нескольких носителей современного ижемского диалекта. Однако предварительно проведенный нами анализ показывает, что там, где у М. А. Кастрена отмечен долгий гласный, средняя относительная длительность современных гласных в разных произнесениях превышает 125 %. Это доказывает, что записи исследователя не были ошибочными, а отражали фонетическую реальность того времени, которая сейчас сохранилась уже не на уровне фонем, а на аллофоническом уровне, который можно описать с помощью экспериментально-фонетических подсчетов.

1.2 Графема *ä* в словаре М. А. Кастрена vs [e] в аудиословаре говора с. Белоярск. М. А. Кастрен фиксировал в своих записях гласный *ä*, отсутствующий как в диалектных словарях коми языка, так и в литературной норме. Лишь в шести лексемах гласный *ä* у Кастрена встречается в первом слоге и является рефлексом разных фонем по реконструкции Краткого этимологического словаря коми языка [2] (табл. 6).

Таким образом, сохранение архаичной пракоми рефлексации в записях М. А. Кастрена невозможно.

В современном белоярском говоре графема *ä* в записях М. А. Кастрена отражается как [e] (табл. 7).

Так, *e* и *ä* у М. А. Кастрена фактически совпадают в современном белоярском говоре. Возникает вопрос: существуют ли какие-либо внешние соответствия, которые указывают на то, что *ä* в записях исследователя была отдельной графемой, а не аллографом, использовавшимся в определенных позициях? Пока таких соответствий не обнаружено. Тот факт, что *ä* в первом слоге зафиксирован лишь в шести словах, косвенно свидетельствует о том, что он может быть аллографом. В связи с этим мы попытались выявить позиционные правила использования данного аллографа.

Т а б л и ц а 6. Гласный *ä* в первом слове в словаре М. А. Кастрена 1844 г., его переизданном варианте 2022 г. и его праками соответствия

Table 6. The vowel *ä* in the first syllable in the dictionary of M. A. Castrén (1844), in its reprinted edition of 2022, and its Proto-Komi correspondences

Словарь М. А. Кастрена, 1844 г.; переизданный вариант, 2022 г. / M. A. Castrén's Dictionary, 1844; reissued edition, 2022 ¹⁰	Краткий этимологический словарь коми языка, 1999 г. / Concise Etymological Dictionary of the Komi Language, 1999
<i>bärd</i> 'сторона'	* <i>berd</i> - 'стена' (КЭСЯ 1999 ¹¹ ; с. 39)
<i>läc'yd</i> / <i>läčyd</i> 'острый'	* <i>leč'it</i> или * <i>leč'id</i> 'острый (наточенный)' (там же; с. 165)
<i>läbin</i> 'вилы'	* <i>leb</i> - 'всплывать, поднимать' (там же; с. 165)
<i>rätoo</i> 'запад'	* <i>ruì</i> 'вечер, запад' (там же; с. 247)
<i>sätär</i> 'смородина'	* <i>sęter</i> 'смородина' (там же; с. 272)
<i>tärmäda</i> 'торопить.1SG.PRS/FUT'	* <i>ter</i> - 'спешить, торопиться' (там же; с. 294)

Т а б л и ц а 7. Графема *ä* в словаре М. А. Кастрена 1844 г., его переизданном варианте 2022 г. vs [e] в аудиословаре говора с. Белоярск 2012 г.

Table 7. Grapheme *ä* in the M. A. Castrén dictionary of 1844 and its reprinted version of 2022 vs [e] in the audio dictionary of the Beloyarsk village dialect of 2012

Словарь М. А. Кастрена, 1844 г.; переизданный вариант, 2022 г. / M. A. Castrén's Dictionary, 1844; reissued edition, 2022	Аудиословарь говора с. Белоярск, 2012 г. / Audio Dictionary of the Beloyarsk Dialect, 2012
<i>läc'yd</i> / <i>läčyd</i> 'острый'	<i>leteid</i> 'острый (о режущем предмете)'
<i>sätär</i> 'смородина'	<i>seter</i> 'смородина'
<i>läbin</i> 'вилы'	<i>lebun</i> 'вилы'
<i>džjodsäg</i> 'гусь'	<i>d'od'eg</i> 'гусь'
<i>uskäda</i> / <i>usjkäda</i> 'уронить, сбить.1SG.PRS/FUT'	<i>us'k'edni</i> 'уронить'
<i>tagäs</i> 'порог'	<i>tag'es</i> 'порог'
<i>kuläm</i> 'смерть'	<i>kulema</i> 'мертвый'
<i>nimtäm</i> / <i>njimtäm</i> 'анонимный'	<i>n'imtem</i> 'безымянный'
<i>pydäs</i> 'дно'	<i>pidés</i> 'дно'
<i>potkäda</i> 'расколоть.1SG.PRS/FUT'	<i>potk'edlini</i> 'раскалывать'
<i>peläm</i> [peljäm] 'заноза'	<i>p'el'ém</i> 'щепа'
<i>söstäm</i> 'чистый'	<i>sästem</i> 'чистый'
<i>pyc'käs</i> [pyčkäs] 'внутри, внутренний'	<i>p'iek'es</i> 'внутренность'
<i>s'onäda</i> [šonäda] 'нагревать.1SG.PRS/FUT'	<i>soneteteini</i> 'греться'

Так, *e* и *ä* у М. А. Кастрена фактически совпадают в современном белоярском говоре. Возникает вопрос: существуют ли какие-либо внешние соответствия, которые указывают на то, что *ä* в записях исследователя была отдельной графемой, а не аллографом, использовавшимся в определенных позициях? Пока таких соответствий не обнаружено. Тот факт, что *ä* в первом слове зафиксирован лишь в шести словах, косвенно свидетельствует о том, что он может быть аллографом. В связи с этим мы попытались выявить позиционные правила использования данного аллографа.

Для материалов Кастрена характерно употребление графемы *ä* в глагольном аффиксе, который в современном литературном коми языке имеет форму *-öd-*. У Кастрена наблюдается четкая позиционная закономерность: после палатализованных согласных, мягкость которых передается графемой *j*, данный аффикс фиксируется как *-ed-*, тогда как в остальных позициях используется форма *-äd-*. Приведем глаголы

¹⁰ Castrén 2022 – Словарь ижемского диалекта коми языка по грамматике М. А. Кастрена (1844) в критическом издании 2022 г. (Castrén M.A. Elementa grammatices Syrjaenae. Critical edition with introduction, translation and commentary. Ed. by P. Kokkonen, J. Rueter. Helsinki: Finno-Ugric Society; 2022. 278 p.). URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11470/1/perspective/11470/2/view> (дата обращения: 16.10.2025).

¹¹ КЭСЯ 1999 – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во; 1999. 430 с.

из словаря М. А. Кастрена с соответствиями в коми-зырянском литературном языке: *vajeda* (вайёда ‘приводить.1SG.PRS/FUT’), *vojeda* (войёда ‘бежать.1SG.PRS/FUT’), *kujeda* (кыйёда ‘подглядывать.1SG.PRS/FUT’), *dasjeda* (дасьта ‘подготовить.1SG.PRS/FUT’), *lösjeda* (лөсьёда ‘приготовить.1SG.PRS/FUT’), *vörsjeda* (вөрзьёда ‘тро-нуть.1SG.PRS/FUT’), *donsjeda* (донсьёда ‘поднять цену.1SG.PRS/FUT’), *kulsjeda* (кульсьёда ‘раздеть.1SG.PRS/FUT’), *vynsjeda* (вынсьёда ‘усиливать.1SG.PRS/FUT’), *vidzjeda* (видзёда ‘смотреть.1SG.PRS/FUT’), *rezjeda* (резьёда ‘распарывать.1SG.PRS/FUT’), *roozjeda* (повзьёда ‘напугать.1SG.PRS/FUT’), *njezbjeda* (небзьёда ‘смяг-чать.1SG.PRS/FUT’), *dzjöljeda* (дзольдёда ‘уменьшать.1SG.PRS/FUT’), *moljeda* (мольёда ‘гладить.1SG.PRS/FUT’), *lönjeda* (лөньёда ‘успокаивать.1SG.PRS/FUT’).

В остальных позициях Кастрен последовательно использует вариант *-äd-*: *pöräda* (нөрёда ‘валить.1SG.PRS/FUT’), *tyräda* (тырта ‘наполнять.1SG.PRS/FUT’), *petkäda* (петкёда ‘выносить.1SG.PRS/FUT’), *iskäda* ‘делать вонючим.1SG.PRS/FUT’, *byräda* (бырёда ‘заканчивать.1SG.PRS/FUT’), *lögäda* (лөгёда ‘злить.1SG.PRS/FUT’), *kömäda* (көмёда ‘обувать.1SG.PRS/FUT’), *nimäda* (нимёда ‘называть.1SG.PRS/FUT’), *c’ökäda* ‘закрывать.1SG.PRS/FUT’, *ljarkäda* (ляркёда ‘придавли-вать.1SG.PRS/FUT’), *kypäda* (кыпёда ‘поднимать.1SG.PRS/FUT’), *cjöskydmäda* (чёскыдмёда ‘делать вкусным.1SG.PRS/FUT’), *c’ykäda* (тышкёда ‘испортить.1SG.PRS/FUT’), *potkäda* (поткёда ‘расколоть.1SG.PRS/FUT’), *karäda* ‘сделать.1SG.PRS/FUT (каузатив)’, *kismäda* (кисмёда ‘созреть.1SG.PRS/FUT (каузатив)’, *sybäda* (сибёда ‘позволить приблизиться.1SG.PRS/FUT’), *tärmäda* (тэрмёда ‘торопить.1SG.PRS/FUT’), *vöipäda* ‘уговаривать.1SG.PRS/FUT’, *kykmäda* ‘удвоить.1SG.PRS/FUT’, *tödmäda* (төдмёда ‘познакомить.1SG.PRS/FUT’), *topäda* (топёда ‘укреплять.1SG.PRS/FUT’), *uskäda* (ускёда ‘уронить.1SG.PRS/FUT’), *rammäda* (раммёда ‘успока-ивать.1SG.PRS/FUT’), *kuimmäda* ‘устроить.1SG.PRS/FUT’, *ljokäda* (лөкёда ‘ухуд-шать.1SG.PRS/FUT’), *pelkäda* (пелькёда ‘чистить.1SG.PRS/FUT’), *ös’äda* (өшёда ‘вешать.1SG.PRS/FUT’).

Также стандартным является использование *-äm-* в материалах М. А. Кастрена в именном аффиксе, соответствующем современному литературному коми *-öm-*. Например: *söstäm* (сөстөм ‘чистый’), *jugjaläm* (югъялөм ‘яркость’), *peläm* (пельөм ‘щепка, заноза’).

Таким образом, распределение *ä* в глагольных и именных аффиксах у Кастрена указывает скорее на его позиционно-графический статус. Возможно, в XIX в. *ä* не была отдельной графемой, а являлась аллографом [e] в определенных позициях.

1.3 Графема у в словаре М. А. Кастрена vs ижемский [i], [u]. Графема у, обо-значенная Кастреном, в аудиословаре говора с. Белоярск соответствует фонемам [i] и [u]. Так, *z’yr* [žyr] ‘комната’ и *zur* ‘лопата’ у Кастрена соответствуют формам [zɪr] ‘комната’ и [zɪr] ‘лопата’ в материалах 2012 г. В современном говоре огубленный вариант [u] в соответствии с графемой у Кастрена появляется во втором слоге, когда в первом слоге стоит гласный [u]. Это явление зафиксировано в 11 лексемах аудио-словаря говора с. Белоярск: *turyn* ‘трава’ (*turyn* у Кастрена), *kurnid* ‘горький’ (*kuryd* у Кастрена), *tuluzbid* ‘всю весну’ (*tulys* у Кастрена), *gudur* ‘мутный’ (*gudyr* у Кастре-на), *jugnid* ‘светлый’ (*jugyd* у Кастрена), *bul’guni* ‘булькать’, *wugurtni* ‘вздремнуть’, *goruŋ* ‘горло’, *furguni* ‘гудеть’, *turkini* ‘закрыть’, *juuŋni* ‘попить’, *okuŋni* ‘поцеловать’¹². Интересно, что в литературном коми языке и записях диалектов XX в. в этих словах формы совпадают с материалами М. А. Кастрена. Так, появление сингармонизма по огубленности в ижемском белоярском говоре можно датировать второй половиной XX – началом XXI в.

¹² Белоярск 2012 – Словарь ижемского диалекта коми-зырянского языка, говор с. Белоярск Приуральского р-на ЯНАО [Электронный ресурс]. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1389/6/perspective/1389/7/view> (дата обращения: 16.10.2025).

1.4 Графема *ö* в словаре М. А. Кастрена vs [ə] в аудиословаре говора с. Белоярск. Набор из 38 этимологически родственных лексем рассматриваемых работ демонстрирует устойчивое и регулярное соответствие графемы *ö* в первом слоге словоформ в словаре М. А. Кастрена и фонемы [ə] в аудиозаписях 2012 г., ср.: *löz* (у Кастрена) ~ *laz* (говор с. Белоярск) ‘синий’, *vör* ~ *vər* ‘лес’, *göp* ~ *gəp* ‘яма’, *gögär* ~ *gəgər* ‘вокруг’, *gögräs* ~ *gəgr'es* ‘круглый’, *böz' / böž* ~ *bəz* ‘хвост’, *kör* ~ *kər* ‘олень’, *kört* ~ *kərt* ‘железо’, *körtala* ~ *kərtóni* ‘завязывать’, *sönäs / sönäsj* ‘жилистый’ ~ *sən* ‘жила’, *söstäm* ~ *səstem* ‘чистый’. Такое же соответствие имеет и *öö*: *töö* ~ *tə* ‘зима’, *tööja* ~ *təjini* ‘зимую/зимовать’.

Как показывают данные других аудиословарей коми-зырянских диалектов, собранные в полевых условиях в XXI в. и доступные на LingvoDoc, процесс делабиализации *ö* затронул все говоры. Интересно, что в XX в., согласно словарю А. Цембера¹³, этот процесс еще не начался.

1.5 Графема *ö* в словаре М. А. Кастрена vs [e] в аудиословаре говора с. Белоярск. Анализируемый материал демонстрирует регулярное соответствие гласного *ö* в записях М. А. Кастрена и [e] в современном говоре с. Белоярск. Во всех представленных словах, где у Кастрена фиксируется последовательность с *j + ö* (*sjö-*, *ljö-*, *cjö-*, *njö-*), в аудиословаре наблюдается последовательность с мягким согласным и последующим гласным [e] (*s'e-*, *l'e-*, *n'e-*, *tēe-*) (табл. 8).

1.6 Графема *ö* в словаре М. А. Кастрена vs [ø] в аудиословаре говора с. Белоярск. В белоярском словаре в четырех лексемах сохранился огубленный гласный [ø] в соответствии с графемой *ö* у Кастрена (табл. 9).

В примере *n'øbni* ~ *n'ebni* ‘купить’ представлено варьирование у разных носителей. Очевидно, что в этом случае мы наблюдаем сохранение архаической рефлексации *n'øbni* у одних носителей и инновационную делабиализацию – у других.

1.7 Графема *ö* в словаре М. А. Кастрена vs [ʊ] в аудиословаре говора с. Белоярск. В сопоставляемом материале в шести случаях в первом слоге словоформ аудиословара говора с. Белоярск фиксируется гласный [ʊ], варьирующийся с [œ], [ə], [e], тогда как у Кастрена в тех же лексемах последовательно представлен *ö*, см. табл. 10.

Учитывая незначительное количество таких примеров, их факультативный характер, отсутствие аналогичных примеров в других коми диалектах, предположим, что в современном ижемском диалекте речь идет лишь об аллофоническом варианте.

2. Особенности консонантных графем. Сопоставление системы консонантных графем по словарю Кастрена разных годов и фонетических транскрипций в аудиословаре говоров с. Белоярск выявляет системные расхождения как в обозначении, так и в фонологической интерпретации согласных (табл. 11).

2.1 Графемы, обозначающие палатальные и палатализованные согласные. В современном литературном коми-зырянском языке оппозиция по твердости-мягкости представлена в восьми парах согласных: /т/ – /т'/, /д/ – /д'/, /с/ – /с'/, /з/ – /з'/, /ч/ – /ч'/, /ž/ – /ž'/, /н/ – /н'/, /л/ – /л'/¹⁴, при этом мягкие согласные относят к среднеязычным палатальным, в то время как в русском языке они характеризуются как переднеязычные палатализованные [7]. Кроме того, фонемы /с'/ и /з'/ в фонологических системах коми и русского языков отличаются по способу образования: «если в русском языке при их реализации смычка образуется передней частью спинки языка и согласные являются круглощелевыми, то в коми языке площадь касания верхней части спинки языка значительно шире и длиннее, а воздушная струя проходит по плоской длинной

¹³ Здесь и далее пракоми формы приводятся по реконструкции В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева, которая дана в словаре <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/6075/1/perspective/6075/2/view> в столбце «Пракоми КЭСК».

¹⁴ Здесь и далее первой приводится запись в словаре М. А. Кастрена, в скобках указывается литературная коми-зырянская форма.

щели, такое образование согласных характеризует их серединными плоскощелевыми» [7]. Это же наблюдение зафиксировано в труде Г. Г. Бараксанова: «фонемы *з* и *сь* отличаются от соответствующих фонем в русском языке опять же своей среднеязычностью, тогда как в русском языке они переднеязычны. Благодаря большей палатальности у них создается оттенок шепелявости, которого нет у русских фонем. Эту шепелявость очень легко заметить в русской речи коми»¹⁵.

Т а б л и ц а 8. Графема *ö* в словаре М. А. Кастрена 1844 г., в Словаре диалектов коми языка 2012 г. vs [e] в аудиословаре говора с. Белоярск 2012 г.

Table 8. The grapheme *ö* in M. A. Castrén's dictionary of 1844, in the Dictionary of Komi Dialects of 2012 vs [e] in the audio dictionary of the Beloyarsk village dialect of 2012

Словарь М. А. Кастрена, 1844 г. / M. A. Castrén's Dictionary, 1844		Словарь диалектов коми языка, 2012 г. / Dictionary of Komi Language Dialects, 2012		Аудиословарь говора с. Белоярск, 2012 г. / Audio Dictionary of the Beloyarsk Dialect, 2012	
<i>sjöd</i>	‘черный’	<i>сьöd</i>	‘черный’	<i>s'ed</i>	‘черный’
<i>sjödäda</i>	‘красить в черный цвет.1SG.PRS/FUT’				
<i>sjökyd</i>	‘тяжелый, трудный, суровый’	<i>сьöкыd</i>	‘тяжелый’	<i>s'ekid</i> , <i>s'ekta</i>	‘тяжелый’ ‘тяжело’
<i>ljöb</i>	‘губа’	<i>льöb</i>	‘губа, губы’	<i>l'eb</i>	‘губа’
<i>cjöskyd</i>	‘сладкий, вкусный’	<i>чöскыd</i>	‘вкусный’	<i>teeskid</i>	‘вкусный’
<i>cjöskydma</i>	‘становиться вкусным, сладким.1SG.PRS/FUT’				
<i>cjöskydmäda</i>	‘делать вкусным, сладким.1SG.PRS/FUT’				
<i>njöba</i>	‘покупать.1SG.PRS/FUT’	<i>ньöбны</i>	‘купить’	<i>n'ebni</i>	‘купить’

Т а б л и ц а 9. Графема *ö* в словаре М. А. Кастрена 1844 г. vs [ø] в аудиословаре говора с. Белоярск 2012 г.

Table 9. The grapheme *ö* in M. A. Castrén's dictionary of 1844 vs [ø] in the audio dictionary of the Beloyarsk village dialect of 2012

Словарь М. А. Кастрена, 1844 г. / M. A. Castrén's Dictionary, 1844		Аудиословарь говора с. Белоярск, 2012 г. / Audio Dictionary of the Beloyarsk Dialect, 2012	
<i>kömäda</i>	‘обуть.1SG.PRS/FUT’	<i>køm'edni</i>	‘обуть’
<i>njöba</i>	‘купить.1SG.PRS/FUT’	<i>n'øbni</i> / <i>n'ebni</i>	‘купить’
<i>ökta</i>	‘собирать.1SG.PRS/FUT’	<i>øktini</i>	‘собирать’
<i>sjölala</i>	‘плевать.1SG.PRS/FUT’	<i>s'ølás'ni</i>	‘плеваться’

Т а б л и ц а 10. Графема *ö* в словаре М. А. Кастрена 1844 г., его переизданном варианте 2022 г. vs ~ [v] в аудиословаре говора с. Белоярск 2012 г.

Table 10. The grapheme *ö* in the M. A. Castrén dictionary of 1844 and its reprinted edition of 2022 vs ~ [v] in the audio dictionary of the Beloyarsk village dialect of 2012

Словарь М. А. Кастрена, 1844 г.; переизданный вариант, 2022 г. / M. A. Castrén's Dictionary, 1844; reissued edition, 2022		Аудиословарь говора с. Белоярск, 2012 г. / Audio Dictionary of the Beloyarsk Dialect, 2012	
<i>öbäs</i>	‘дверь’	<i>vö'es</i> / <i>æb'es</i>	‘дверь’
<i>muöd</i> / <i>möd</i>	‘другой’	<i>mvdäsi</i> <i>m'edlumamis'</i>	‘завтра’ ‘послезавтра’
<i>pöjim</i>	‘пепел’	<i>pövjim</i>	‘зола’
<i>muös</i> / <i>mös</i>	‘корова’	<i>mvs</i> / <i>mäs</i>	‘корова’
<i>pörjala</i>	‘обманывать.1SG.PRS/FUT’	<i>pövrjedlini</i>	‘обманывать’
<i>görd</i>	‘красный’	<i>gvrd</i> / <i>gvrd</i>	‘красный’

¹⁵ Бараксанов Г.Г. Формирование языковых норм коми литературного языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во; 1964. С. 35–36.

Т а б л и ц а 11. Система согласных в сопоставляемых словарях
 Table 11. The system of consonants in the compared dictionaries

Словарь М. А. Кастрена, 1844 г. / Dictionary by M. A. Castrén, 1844	Словарь М. А. Кастрена в переизданном варианте, 2022 г. / Reissued edition of M. A. Castrén's Dictionary, 2022	Аудиословарь говора с. Белоярск, 2012 г. / Audio Dictionary of the Beloyarsk Dialect, 2012
m	m	m, m'
n	n	n, n'
p	p	p, p'
b	b	b, b'
v	v	v, v', w, w'
t	t	t, t'
d	d	d, d'
c'	č	te
s	s	s, s', e
s'	š	ʃ, ʃ'
z	z	z, z'
z'	ž	ʒ
r	r	r, r'
l	l	l, l'
j	j	j
k	k	k, k'
g	g	g, g'
		f
		x, x'
		ʏ

В словаре Кастрена разных годов мягкость согласных передана через графему *j*: *zj, nj, sj, dzj, lj, cj, dj, tj*. В аудиословаре говора с. Белоярск палатизованность обозначена апострофом (16 фонем и аллофонов), в том числе у тех согласных, которые в коми языкознании традиционно считаются велярными: [m'], [p'], [b'], [v'], [r'], [l'], [ʃ'], [g'], [k'], [x'] (в позициях перед гласными переднего ряда и /j/).

Из палатальных согласных в аудиословаре выделена [e], но она функционирует более ограниченно, чем в других коми-зырянских диалектах. В основном в аудиозаписях фигурирует палатализованный [s']: *v'is'ni* 'болеть', *pas'voma* 'болтливый', *s'inkim* 'бровь', *v'eks'a* 'вечный' и др.

2.2 Графемы, обозначающие аффрикаты. В словаре Кастрена 1844 г. встречаются 4 аффрикаты: мягкие *cj, dzj*; твердые *dz'* (*dž* в словаре Кастрена, 2022), *c'* (*č* в словаре Кастрена, 2022). В аудиословаре – мягкие [te], [ʒ'], твердый [dʒ]. Особый интерес представляют расхождения в функционировании аффрикат *cj* ~ [te] и *c'* (*č*) ~ [te] в рассматриваемых источниках.

2.2.1 *cj* в словаре М. А. Кастрена vs [te] в аудиословаре говора с. Белоярск. По мнению М. А. Сахаровой и Н. Н. Селькова, диграфом *cj* Кастрен обозначал мягкую аффрикату /ц'/, так как цоканье характерно для ижемского диалекта и, по-видимому, раньше было распространено гораздо шире, чем во второй половине XX в. [1]. Для обозначения звука /ч'/ нет отдельной графемы. Сочетание *c'j* (апостроф обозначает здесь не мягкость, а «шепелявость» согласного) зафиксировано лишь в одном слове *kus'j* 'кольцо', однако в издании 2022 г. оно приведено как *kučj* с пометой, что *j* здесь указан ошибочно [9]. Твердый вариант аффрикаты – *c* – в переводе Евангелия от Матфея в встречается только в трех словах: *carstvā* 'царство', *bydcān* 'все', *ticajas* 'птицы'. Сам М. А. Кастрен отмечает в предисловии к «Elementa grammatices Syrgaenae», что иногда для передачи аффрикаты *cj* в книге используются буквы *c, c'*, *cj*: *sec'ām, secedzj, secje'* (§ 98), которые для единообразия должны быть записаны одинаково, хотя сама

реализация данного звука в живой речи колеблется¹⁶. В. И. Лыткин отмечал, что аффрикаты *ч, дз, ти, дж* в ижемском диалекте произносятся значительно мягче, чем в остальных коми диалектах [10]. Этому же мнения придерживаются М. А. Сахарова и Н. Н. Сельков: «Аффриката *ч* произносится значительно мягче или как *ц*’, но часто произносится и как *ч* (как в других диалектах). Такое колебание может быть в одном и том же слове <...> цоканье чаще наблюдается у пожилых женщин <...> мягкое *ц*’ в диалекте может замещаться более твердым *ц* (*воцкыны* ‘ударить’))» [1].

В таблице 12 приведены примеры, иллюстрирующие изоглоссу: обозначению *сј* у Кастрена соответствует аффриката [tɕ] в белоярском материале, при этом фиксируется вариант с палатализованным [tʲ] у части информантов.

2.2.2 Процесс деаффрикатизации. Процесс деаффрикатизации в конце XX – начале XXI в. затронул не только *сј* по Кастрену, но и кластеры с *-dzj-* и *-dz’-* (табл. 13).

2.2.3 *с(ѣ)* в словаре М. А. Кастрена vs [tɕ] в аудиословаре говора с. Белоярск. В словаре Кастрена графема *с*’, видимо, обозначает твердую аффрикату /tʃ/, так как при ней отсутствует какое-либо обозначение мягкости. В издании 2022 г. она заменена на *ѣ*: *рус’ / руѣ* ‘блоха’, *с’уг / ѣуг* ‘голод’, *с’ак / ѣак* ‘гриб’ и др. В аудиословаре зафиксирована лишь мягкая аффриката [tɕ], хотя в трех словоформах фигурирует твердый вариант – [tʃ]: *teig* ‘голодный’, *kateás* ‘кухня’, *tute* ‘тупой (о кончике)’. Во всех остальных лексемах – там, где в коми-зырянских диалектах в соответствующих формах употребляется твердая аффриката, в говоре с. Белоярск произносится мягкий согласный (табл. 14).

Т а б л и ц а 12. Аффриката *сј* в словаре М. А. Кастрена 1844 г. vs [tɕ] / [tʲ] в аудиословаре говора с. Белоярск 2012 г.

Table 12. The affricate *сј* in the dictionary by M. A. Castrén (1844) vs [tɕ] / [tʲ] in the audio dictionary of the Beloyarsk village dialect of 2012

Словарь М. А. Кастрена, 1844 г. / Dictionary by M. A. Castrén, 1844		Аудиословарь говора с. Белоярск, 2012 г. / Audio Dictionary of the Beloyarsk Dialect, 2012	
<i>cjarla</i>	‘серп’	<i>tearla</i>	‘серп’
<i>cjorda</i>	‘твердеть.1SG.PRS/FUT’	<i>teorid / t’orid</i>	‘твердый’
<i>cjag</i>	‘щепка’	<i>teag</i>	‘щепка’
<i>cjoj</i>	‘сестра’	<i>teoj</i>	‘сестра’
<i>cjöö</i>	‘тихий’	<i>teä: / tee</i>	‘тихий’
<i>cjööta</i>	‘бросать.1SG.PRS/FUT’	<i>teätni / t’ätni</i>	‘бросить’
<i>cjukarta</i>	‘собирать.1SG.PRS/FUT’	<i>teukárteteini</i>	‘собираться’
<i>cjöskyd</i>	‘вкусный, сладкий’	<i>teeskid</i>	‘вкусный’

Т а б л и ц а 13. Согласные *сј* ~ [tʲ], *dzj* ~ [dʲ], *dz’* ~ [dʲ] в словаре М. А. Кастрена 1844 г. и в аудиословаре говора с. Белоярск 2012 г.

Table 13. Consonants *сј* ~ [tʲ], *dzj* ~ [dʲ], *dz’* ~ [dʲ] in M. A. Castrén’s dictionary of 1844 and in the audio dictionary of the Beloyarsk village dialect of 2012

Словарь М. А. Кастрена, 1844 г.; переизданный вариант, 2022 г. / M. A. Castrén’s Dictionary, 1844; reissued edition, 2022		Аудиословарь говора с. Белоярск, 2012 г. / Audio Dictionary of the Beloyarsk Dialect, 2012	
<i>cjunj</i>	‘палец’	<i>t’un’</i>	‘палец’
<i>cjetcja</i>	‘прыгать.1SG.PRS/FUT’	<i>t’eteteoni</i>	‘прыгать’
<i>vidzja</i>	‘заботиться, беречь.1SG.PRS/FUT’	<i>v’id’ni</i>	‘беречь, держать’
<i>adzja</i>	‘видеть.1SG.PRS/FUT’	<i>ad’d’ini / ad’d’z’ini</i>	‘видеть’
<i>kodzjuu</i>	‘звезда’	<i>kod’uwa</i>	‘звездный’
<i>pidzjes</i>	‘колено’	<i>pid’es</i>	‘колено’
<i>dz’enyd / dženjyd</i>	‘короткий’	<i>d’en’id</i>	‘короткий’
<i>dz’udz’yd / džudžyd</i>	‘высокий, глубокий’	<i>džudžid / d’ud’id</i>	‘высокий, глубокий’

¹⁶ Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. 287 с.

Т а б л и ц а 14. Аффрикатy c' (č) в словаре М. А. Кастрена 1844 г., его переизданном варианте 2022 г., [tɕ] в аудиословаре говора с. Белоярск 2012 г. vs *tti* в Словаре диалектов коми языка 2012 г.

Table 14. Affricate c' (č) in M. A. Castrén's dictionary of 1844 and its reprinted version of 2022, [tɕ] in the audio dictionary of the Beloyarsk village dialect of 2012 vs *tsh* in the Dictionary of Komi Dialects of 2012

Словарь М. А. Кастрена, 1844 г.; переизданный вариант, 2022 г. / M. A. Castrén's Dictionary, 1844; reissued edition, 2022	Аудиословарь говора с. Белоярск, 2012 г. / Audio Dictionary of the Beloyarsk Dialect, 2012	Словарь диалектов коми языка, 2012 г. / Dictionary of Komi Language Dialects, 2012
c'yg / čyg 'голод'	teig 'голодный'	тиыг 'голодный'
c'ak / čak 'гриб'	teak 'гриб'	тиак 'гриб'
njac'ka / njačka 'жевать.1SG.PRS/FUT'	n'atekini 'жевать'	нятикыны 'жевать'
c'öga / čöga 'жиреть.1SG.PRS/FUT'	teag 'жир'	тиöг 'жир, жирный'
yc'ka / yčka 'косить.1SG.PRS/FUT'	itekini 'косить'	ытикыны 'косить'
ec'a / eča 'немного'	etca 'мало'	этиа 'мало'
kuc' / kuč 'орел'	kite 'орел'	кути 'орел'

2.3 Особые согласные в заимствованной лексике. Значимым отличием современного материала является фиксация фонем и аллофонов, отсутствующих у Кастрена: [f], [x], [x'], [ɣ] – в заимствованных словах: [furguni] 'гудеть', [lafka] 'магазин', [xaptorka] 'бесплодная самка оленя', [xor'iteteini] 'быть в состоянии гона', [zagr'ex'i] 'беда'; [baɣäte] 'пешня'. Эти согласные возникли под влиянием русского и ненецкого языков и свидетельствуют об активных контактных процессах.

Заключение

Сопоставление результатов экспериментально-фонетического анализа современного диалекта и словаря М. А. Кастрена показывает высокую степень точности фиксации в XIX в. Например, двойные гласные графемы у М. А. Кастрена, хотя в настоящее время не всегда соответствуют особым фонемам в белоярском ижемском говоре, в целом имеют более длительные гласные соответствия. Использование графемы *a* у М. А. Кастрена, которое могло показаться случайным, поскольку не имело никаких особых внешних соответствий в пракоми языке и современных диалектах, оказалось позиционным вариантом с четкими правилами употребления. Было установлено ориентировочное время появления сингармонизма по огубленности в современном ижемском диалекте (конец XX – начало XXI в.). Выявлены как общие процессы, характерные для системы гласных многих коми-зырянских диалектов (например, потеря огубленности у *ö*), так и ижемские инновационные изменения *ö > *v*.

В системе согласных наиболее показательными являются изменения в ряду аффрикат и рост роли палатализации. Изоглосса *cj* > [tɕ] подтверждается многочисленными примерами, в отдельных случаях наблюдается дальнейшее упрощение до мягких смычных [t'], [d']. Палатализация как артикуляционная особенность в целом охватывает большее количество согласных, чем это отражено в записях М. А. Кастрена. Современные данные также свидетельствуют о наличии периферийных согласных [f], [x], [ɣ], закрепившихся в заимствованной лексике.

Проведенное исследование показало высокую эффективность сочетания традиционного лексикографического материала XIX в. с современными аудиоданными и спектрограммами, доступными на платформе LindvoDoc. Такой подход создает основу для дальнейших сопоставительных исследований внутри ареала коми-зырянских диалектов.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1SG – первое лицо, единственное число; PRS – настоящее время; FUT – будущее время; абс. – абсолютная; относ. – относительная; Д – длительность; мс – миллисекунды.

ABBREVIATIONS

1SG – first person singular; PRS – present tense; FUT – future tense; abs. – absolute; относ. – relative; Д – duration; мс – milliseconds.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новак И.П., Норманская Ю.В. Определение регулярных фонетических соответствий карельской диалектной речи. Вокализм. *Урало-алтайские исследования*. 2023;(3):56–96. <https://doi.org/10.37892/2500-2902-2023-50-3-56-96>
2. Кошелюк Н.А. Опция «Phonology» платформы LingvoDoc как способ верификации (на материале сосвинского диалекта мансийского языка). *Труды Института системного программирования РАН*. 2022;34(6):165–172. [https://doi.org/10.15514/ISPRAS-2022-34\(6\)-12](https://doi.org/10.15514/ISPRAS-2022-34(6)-12)
3. Долгеева А.О., Куканова В.В. Калмыцкий словарь Ю. Г. Клапрота: графо-фонетический анализ графем а и ä. *Oriental Studies*. 2024;17(3):644–663. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-73-3-644-663>
4. Норманская Ю.В., Борисенко О.Д., Белобородов И.Б., Аветисян А.И. Программная система LingvoDoc и возможности, которые она предлагает для документирования и анализа обско-угорских языков. *Доклады Академии наук. Математика, информатика, процессы управления*. 2022;504:60–82. <https://www.elibrary.ru/tvikkz>
5. Хамидуллин А.Р. Субрегиональная идентичность коми-ижемцев как аспект этнодемографических процессов. *Этнография*. 2024;(2):195–213. <https://www.elibrary.ru/fuycyz>
6. Федотова И.В., Молданова И.М. Базисная лексика современного казымского диалекта хантыйского языка: опыт сбора полевых данных для задач сравнительно-исторического языкознания. *Вестник урovedения*. 2023;13(4):733–742. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-4-733-742>
7. Молданова И.М. Хантыйский язык: от бумажных рукописей до цифровых платформ. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2024;18(1):109–114. <https://www.elibrary.ru/hdwbng>
8. Новак И.П. Определение регулярных фонетических соответствий карельской диалектной речи. Консонантизм. *Урало-алтайские исследования*. 2024;(1):42–85. <https://doi.org/10.37892/2500-2902-2024-52-1-42-85>
9. Пунегова Г.В. Особенности реализации палатализованных согласных /s'/ и /z'/ в русской речи коми билингвов. В: Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: мат-лы XI Междунар. симпозиума. Пермь; 2006. С. 185–191.
10. Кривоногов В.П. Современные этнические процессы у коми-ижемцев Кольского полуострова. *Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. Сер.: Историческая демография*. 2023;(8):117–124. <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-8-117-124>
11. Janhunen J. Manuscripta Castreniana: A General Preface to the Series. Helsinki: Finno-Ugrian Society; 2017. 28 p. URL: <https://www.sgr.fi/manuscripta/items/show/880> (дата обращения: 16.10.2025).
12. Leinonen M. Russian Influence on the Ižma Komi Dialect. *International Journal of Bilingualism*. 2010;13(3):309–329. <https://doi.org/10.1177/1367006909346612>

Информация об авторах:

Баженова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории «Лингвистические платформы» Института системного программирования им. В. П. Иванникова Российской академии наук (109004, Российская Федерация, г. Москва, ул. Александра Солженицына, д. 25), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5666-2260>, SPIN-код: 9727-6031, bazhenova-olga2011@mail.ru

Норманская Юлия Викторовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, ведущий лабораторией «Лингвистические платформы» Института системного программирования им. В. П. Иванникова Российской академии наук (109004, Российская Федерация, г. Москва, ул. Александра Солженицына, д. 25), ведущий научный сотрудник отдела Урало-алтайских языков Института языкознания Российской академии наук (125009, г. Москва, пер. Большой Кисловский, д. 1, с. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2769-9187>, SPIN-код: 2598-4190, julianor@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Баженова О. Н. – создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, включая его перевод на иностранный язык; формулирование идеи исследования, целей и задач; проверка воспроизводимости результатов исследования в рамках задач работы.

Норманская Ю. В. – контроль, лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования; проверка воспроизводимости результатов исследования в рамках задач работы.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 17.08.2025; одобрена после рецензирования 13.10.2025; принята к публикации 17.10.2025.

REFERENCES

1. Novak I.P., Normanskaja J.V. Determining Regular Phonetic Correspondences in the Karelian Dialects. Vocalism. *Ural-Altaic Studies*. 2023;(3):56–96. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37892/2500-2902-2023-50-3-56-96>
2. Koshelyuk N.A. The “Phonology” Option of the LingvoDoc Platform as a Verification Method (Based on the Data of the Sosva Dialect of the Mansi Language). *Proceedings of the Institute for System Programming of the RAS*. 2022;34(6):165–172. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.15514/IS-PRAS-2022-34\(6\)-12](https://doi.org/10.15514/IS-PRAS-2022-34(6)-12)
3. Doleeva A.O., Kukanova V.V. Kalmyk Wordbook by J. H. Klaproth: A Grapho-Phonetic Analysis of the Graphemes a and ä. *Oriental Studies*. 2024;17(3):644–663. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-73-3-644-663>
4. Normanskaja Y.V., Borisenko O.D., Beloborodov I.B., Avetisyan A.I. The Software System LingvoDoc and the Possibilities It Offers for Documentation and Analysis of Ob-Ugric Languages. *Doklady Mathematics*. 2022;504:60–82. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/tvikkz>
5. Khamidullin A.R. The Subregional Identity of the Izhma Komi as an Aspect of its Ethnodemographic Dynamics. *Etnografia*. 2024;(2):195–213. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/fuycyz>
6. Fedotova I.V., Moldanova I.M. Basic Vocabulary of the Kazym Dialect of the Khanty Language: Experience of Collecting Field Data for the Tasks of Comparative Historical Linguistics. *Bulletin of Ugric Studies*. 2023;13(4):733–742. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-4-733-742>
7. Moldanova I.M. Khanty Language: From Paper Manuscripts to Digital Platforms. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2024;18(1):109–114. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/hdwbnq>
8. Novak I.P. Determining Regular Phonetic Correspondences in the Karelian Dialects. Consonantism. *Ural-Altaic Studies*. 2024;(1):42–85. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37892/2500-2902-2024-52-1-42-85>
9. Punegova G.V. [Features of the Implementation of Palatalized Consonants /s’/ and /z’/ in the Russian Speech of Komi Bilinguals]. In: [Permistics XI: Dialects and history of the Permian Languages in Interaction with Other Languages: Materials of the XI International Symposium]. Perm; 2006. P. 185–191. (In Russ.)
10. Krivonogov V.P. Modern Ethnic Processes among the Komi-Izhma People of the Kola Peninsula. *Proceedings of the Komi Science Centre Ural Branch Russian Academy of Sciences. Ser.: Historical Demography*. 2023;(8):117–124. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-8-117-124>
11. Janhunen J. Manuscripta Castreniana: A General Preface to the Series. Helsinki: Finno-Ugric Society; 2017. 28 p. Available at: <https://www.sgr.fi/manuscripta/items/show/880> (accessed 16.10.2025).
12. Leinonen M. Russian Influence on the Izhma Komi Dialect. *International Journal of Bilingualism*. 2010;13(3):309–329. <https://doi.org/10.1177/1367006909346612>

Information about the authors:

Olga N. Bazhenova, Cand.Sci. (Philol.), Research Fellow of the Laboratory “Linguistic Platforms”, Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences (25 Aleksandra Solzhenitsyna St., Moscow 109004, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5666-2260>, SPIN-code: 9727-6031, bazhenova-olga2011@mail.ru

Yuliya V. Normanskaya, Dr.Sci. (Philol.), Senior Research Fellow, Head of the Laboratory “Linguistic Platforms”, Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences (25 Aleksandra Solzhenitsyna St., Moscow 109004, Russian Federation), Leading Research Fellow of the Department of Ural-Altaic Languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (bld 1, 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2769-9187>, SPIN-code: 2598-4190, julianor@mail.ru

Authors’ contribution:

O. N. Bazhenova – preparation and creation of the published work, specifically writing the initial draft (including substantive translation); ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; verification, whether as a part of the activity or separate, of the reproducibility of results and other research outputs and other research outputs.

Yu. V. Normanskaya – oversight and leadership responsibility for the research activity planning and execution, including mentorship external to the core team; verification, whether as a part of the activity or separate, of the reproducibility of results and other research outputs and other research outputs.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 17.08.2025; revised 13.10.2025; accepted 17.10.2025.

ТОПОНИМИКА И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ TOPONYMY AND DIALECTOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.430-441><https://elibrary.ru/ldyipc>

УДК / UDC 81'373.21

Оригинальная статья / Original article

Картографирование как инструмент исследования локальной топонимической системы

И. И. Муллонен

*Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Российская Федерация
irma.mullonen@mail.ru*

Аннотация

Введение. Актуальность применения картографического метода в топонимике обосновывается пространственной природой самого процесса номинации, который реализуется в рамках дискретных географических объектов. Несмотря на это, в исследованиях, посвященных локальным топонимическим системам, картографический анализ используется эпизодически. Цель исследования – показать эффективность сплошного картографирования микротопонимов для решения как собственно топонимических, так и более широких задач этнокультурного содержания.

Материалы и методы. Материалом исследования послужила Картотека топонимов Карелии, в которой значительная часть микротопонимов привязана к топографическим картам. На основе данных картотеки сформирован электронный ресурс – геoinформационная система «Топонимия Карелии», которая дает возможность отражать на карте топонимию локальных топонимических систем. В качестве иллюстраций предложены карты разного формата: от стандартных карт «Атласа Карелии» масштаба 1 см = 1 км до полевых и электронных в формате OpenStreetMap. Помимо собственно картографического метода, использована методика этимологической реконструкции и семантического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Рассмотрены три позиции использования метода сплошного картографирования микротопонимов. Вклад в решение собственно топонимической задачи (проблемы номинации) проиллюстрирован выявляющимся через картографирование маршрутным видением. Показаны также возможности сплошного картографирования микротопонимов для извлечения из нее этнокультурной информации. Через ареальную дистрибуцию микротопонимов с русскими и карельскими по происхождению топонимами намечены основные пути проникновения русского языкового влияния на конкретную локальную территорию исторической Вырозерской волости в Заонежье. Локализация нередко является решающим фактором при выявлении происхождения топонимов. В статье показано использование ее для установления саамских корней двух островных топонимов (Орьятсаари и Пеллотсаари), заключающих в себе идею положения островов относительно центра островного архипелага в Приладожье. Предложена географическая мотивация для топонимической основы Akka- (Gen. Akan-) 'баба', спровоцированная языковой метафорой.

Заключение. Метод сплошного картографирования локальных топонимических систем позволяет глубже раскрыть природу топонимической номинации, а также способствует выявлению заключенной в локализации топонимов информации этимологического, культурно-исторического и другого характера. В этой связи опыт изложенных в статье подходов полезен для распространения и в других

© Муллонен И. И., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

топонимических экспедициях. Результаты исследования вносят вклад в развитие картографического метода, а также в изучение топонимической номинации, которая происходит в рамках локальной топонимической системы.

Ключевые слова: топонимия, локальная топонимическая система, картографический метод, карельский язык, саамский субстрат, этимология, мотивация

Финансирование: публикация подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России» (2023–2025 гг.), <https://rscf.ru/project/23-18-00439/>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Муллонен И.И. Картографирование как инструмент исследования локальной топонимической системы. *Финно-угорский мир*. 2025;17(4):430–441. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.430-441>

Mapping as a Tool for Investigating a Local Toponymic System

I. I. Mullonen

*Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation
Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation
irma.mullonen@mail.ru*

Abstract

Introduction. The relevance of the cartographic method in toponymy is justified by the spatial nature of the naming process itself, which is realized within discrete geographical objects. Despite this, in studies devoted to local toponymic systems, cartographic analysis is used only sporadically. The aim of this research is to demonstrate the effectiveness of comprehensive microtoponym mapping for solving both purely toponymic tasks and broader tasks of an ethnocultural nature.

Materials and Methods. The research material was the Card Index of Karelia Toponyms, in which a significant portion of the microtoponyms are linked to topographic maps. Based on the card index data, an electronic resource – the “Toponymy of Karelia” geographic information system (GIS) – was created, which enables the mapping of toponymy within local topo-systems. The study employs maps of various formats as illustrations, ranging from standard maps of the “Atlas of Karelia” (scale 1 cm = 1 km) to field sketches and electronic maps in the OpenStreetMap format. In addition to the cartographic method itself, the methodology of etymological reconstruction and semantic analysis was employed.

Results and Discussion. This article examines three applications of the method of comprehensive microtoponym mapping. Its contribution to solving core toponymic tasks (problems of nomination) is illustrated by the route-based perspective that mapping reveals. The potential of comprehensive microtoponymic mapping for extracting ethnocultural information is also demonstrated. Through the areal distribution of microtoponyms with Russian and Karelian-derived stems, the primary routes of Russian linguistic influence into the specific local territory of the historical Vyrozzero Volost in Zaonezhye are outlined. Localization is often a decisive factor in determining toponymic origin. The article demonstrates its use in establishing the Sami roots of two island toponyms (Oryatsaari and Pellotsaari), which encapsulate the idea of the islands’ position relative to the center of an island archipelago in the Ladoga region. A geographical motivation is proposed for the toponymic stem Akka- (Gen. Akan-) meaning ‘old woman’ or ‘crone’, prompted by a linguistic metaphor.

Conclusion. The method of continuous mapping of local topo-systems allows for a more in-depth understanding of the nature of toponymic nomination and also facilitates the identification of etymological, cultural-historical, and other information embedded in the localization of toponyms. In this regard, the experience of the approaches outlined in the article is useful for application in other toponymic expeditions. The research results contribute to the development of the cartographic method, as well as to the study of toponymic nomination within a local toponymic system.

Keywords: toponymy, local toponymic system, cartographic method, Karelian language, Sami substrate, etymology, motivation

Funding: The publication was prepared within the framework of the implementation of the Russian Science Foundation No. 23-18-00439 “Onomasticon and the linguocultural history of European Russia” (2023–2025), <https://rscf.ru/project/23-18-00439/>

For citation: Mullonen I.I. Mapping as a Tool for Investigating a Local Toponymic System. *Finno-Ugric World*. 2025;17(4):430–441. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.430-441>

Введение

Топонимика как наука возникла и развивается на стыке трех дисциплин: лингвистики, истории и географии. При признании приоритетной роли лингвистики (обусловленной тем, что топонимы – это лексические единицы языка) важно учитывать значимый аспект: эти слова номинируют объекты, привязанные к местности и отражающие ее особенности, поэтому использование методов географии позволяет глубже проникнуть в природу топонимов и извлечь из них существенную информацию.

В центр внимания исследования вынесена проблема картографирования локальных топонимических систем, под которыми понимается совокупность топонимов, описывающих пространство вокруг деревни – того типа сельских поселений, в котором прежде всего бытует традиционная топонимия, собираемая в экспедициях. В условиях Карелии и Русского Севера это, как правило, сложившийся исторически куст (или гнездо) деревень, объединяемых общим названием. Однако своей топосистемой обладают также одиночные поселения и ряд поселений некоторой локальной местности (например, бассейна реки или озера). Среди основных параметров системности выделим бытование топонимов на определенном языке, в рамках определенной территории, с определенным набором структурных и семантических признаков. Системные отношения просматриваются также и на более детальном уровне: например, именно здесь, в локальной топосистеме, на микротопонимном уровне складываются отношения бинарной оппозиции или метонимии.

Несмотря на то, что самой естественной формой бытования локальной топосистемы является совокупность топонимов, описывающая пространство вокруг поселения, возможны и другие разновидности пространственно ограниченных комплексов. Относительно Карелии таковой может быть система именований островных архипелагов, речных бассейнов или их участков, привязанных к дороге объектов. Самое важное – это система внутренних связей, которая формируется в ходе номинации.

Хотя локальные топосистемы активно исследуются, их потенциал не до конца исчерпан. Продолжением их изучения может стать картографирование, т. е. представление (микро)топонимов не в виде списка, а в виде карты, демонстрирующей локализацию объектов номинации в пространственных взаимоотношениях. Данный метод прост, однако редко используется по определенным обстоятельствам:

1) труднодоступность топографических карт крупного масштаба, позволяющих фиксировать микротопонимию. Сегодня открытыми для использования являются карты километрового масштаба (1 см = 1 км). Они не вполне удобны для нанесения микротопонимов, но допустимы, особенно в условиях севера, где поселения привязывались преимущественно к озерам и рекам, а земельные участки традиционно были представлены отдельными, разбросанными в окрестностях поселения участками;

2) отсутствие опыта работы с картой у собирателей, а также навыков чтения карт у информантов. Однако эта причина не бесспорна: культура севера предполагает умение ориентироваться на местности и развитое пространственное мышление, информанты нередко сами рисуют собирателям карту-схему места, изображая, например, абрисы озер, очертания речных побережий или дорогу от одного поселения к другому с последовательно привязанными к ней топонимами. При этом картой умеют пользоваться как мужчины, так и женщины.

Цель статьи – продемонстрировать эффективность картографирования, применяемого в ходе сбора полевого материала, для исследования процессов номинации внутри локальной топонимической системы.

Обзор литературы

Метод картографирования относится к традиционным методам, применяемым в топонимических исследованиях. Основные подходы, связанные как с технической, так и с собственно лингвистической стороной картографирования, были заложены еще в трудах основателей российской топонимики [1]. Наиболее широкое воплощение в науке нашло выявление ареалов топонимов – определенных формантов, топооснов, топонимных моделей. Убедительны результаты использования топографических карт, дающие возможность соотнести собственно лингвистические гипотезы с реальными физико-географическими характеристиками объектов, в аргументации этимологии топонимов [2; 3]. Нарботан первый опыт создания региональных топонимических атласов – серии карт, на которых представлены отдельные топонимические факты внутри региона¹. Исследовалась динамика развития топонимии, а также описываемых топонимикой явлений с применением разновременных карт [4; 5]. Получены значимые результаты по локализации исторических топонимов, содержащихся в письменных источниках, в том числе по историческим и современным финно-угорским территориям [6–8]. Интересный опыт картографирования ойконимов предложен в Мордовии, где на Геопортале «Природное и культурное наследие Мордовии. Путешествуем с Русским географическим обществом»² отмечено около 3 тыс. ойконимов и более 1,5 тыс. наименований рек/ручьев с привязкой объектов к карте, с представлением краткой топонимической, исторической, геоэкологической информации. Хотя этот проект не преследовал собственно топонимические цели, он, безусловно, полезен для решения топонимических задач. Результаты применения картографического метода успешно использованы для реконструкции истории заселения Беломорской Карелии [9] и Белозерья [10]. В Карелии с опорой на картографирование реализован опыт исследования роли моделей в процессе номинации географических реалий [11].

Несмотря на наличие работ, посвященных исследуемой проблеме, практика сплошного картографирования на уровне первичного сбора полевого материала не получила широкого применения в силу отмеченных выше причин.

Материал и методы

Материалом исследования является Картоотека топонимов Карелии, хранящаяся в архиве Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Уже более полувека она пополняется результатами полевых сборов географических названий и включает около 300 тыс. топонимических карточек, при этом в ходе полевых экспедиций топонимы картографируются, т. е. наносятся с помощью информантов на крупномасштабные топографические карты. Далее информация переносится в специальный ресурс «ТопКар – Топонимия Карелии»³, который дает возможность отображать топонимы на электронных картах OpenStreetMap. На этапе создания ресурса была решена задача автоматической привязки микротопонима к поселению, однако возможна и более точная привязка, над чем сейчас ведутся работы.

¹ Гордова Ю.Ю. Топонимический атлас Рязанской области. М.: 2015. С. 48–74.

² Интерактивная карта «Природное и культурное наследие Мордовии. Путешествуем с Русским географическим обществом» [Электронный ресурс]. URL: <https://map.rgo.life/> (дата обращения: 20.01.2025).

³ ТопКар: Топонимия Карелии [Электронный ресурс]. URL: <http://topkar.krc.karelia.ru> (дата обращения: 20.01.2025).

На данный момент точную привязку к карте имеют около 10 тыс. микротопонимов, которые и послужили материалом для подготовки статьи. В соответствии с заявленной проблемой основным методом исследования выступает картографирование. Для описания результатов его применения привлекаются методы исторической фонетики, этимологической реконструкции, семантического анализа.

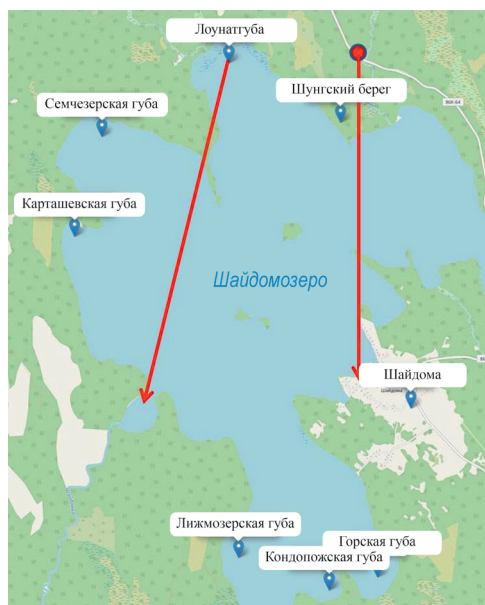
Результаты исследования и их обсуждение

В статье представлено несколько карт, демонстрирующих потенциал закартографированной топонимии локальной территории для анализа определенных закономерностей: как собственно топонимических и языковых, так и шире – этноязыковых и историко-культурных. Они доказывают, что карта – это не только визуализация, но и инструмент для исследования и извлечения информации. Рассмотрены три позиции, в которых может быть реализован потенциал картографирования.

1. Метод сплошного картографирования эффективен при решении собственно топонимических задач, в частности проблемы номинации. Именно в рамках локальной территории возникает и существуют бинарная оппозиция и топонимическая метонимия, образуются другие микрокомплексы топонимов, связанных между собой и отражающихся на топонимической карте. Нанесение полевых данных на топографическую карту способствует извлечению информации пространственного характера и стимулированию пространственного видения, важного для понимания процесса номинации.

Показательно в этом контексте нанесение на карту топонимии окрестностей сел Карельского берега Белого моря (Колежма, Вирма, Сорока (совр. г. Беломорск) и Шурецецкое)⁴. Картографирование однозначно рисует картину жизни, полностью развернутую в море; вся топонимия сосредоточена вдоль прибрежной акватории. Морское побережье с заливами, мысами, островами и лудами топонимически представлено сотнями названий, в то время как обширные пространства на материке, за исключением приустьевой части рек, впадающих в море, практически не поименованы, т. е. не освоены или малоосвоены. Почти нет топонимов вдоль автомобильной дороги, объединившей прибрежные поморские села, поскольку она была проведена недавно, в XX в., а традиционные связи осуществлялись по морю.

Карта дает возможность обозначить центр, точку отсчета для локальной топонимической системы (или «позицию наблюдателя»⁵). Естественно, что позиция номинатора в большинстве случаев закреплена за поселением (рис. 1). На рисунке 1 представлена карта в формате OpenStreetMap, сконструированная программой на основе материалов, внесенных в топонимический корпус.

Р и с. 1. «Дорожные» топонимы д. Шайдома
F i g. 1. The “Road” Toponyms of the Village of Shaidoma

Источник: карта сконструирована программой Open Street Map.

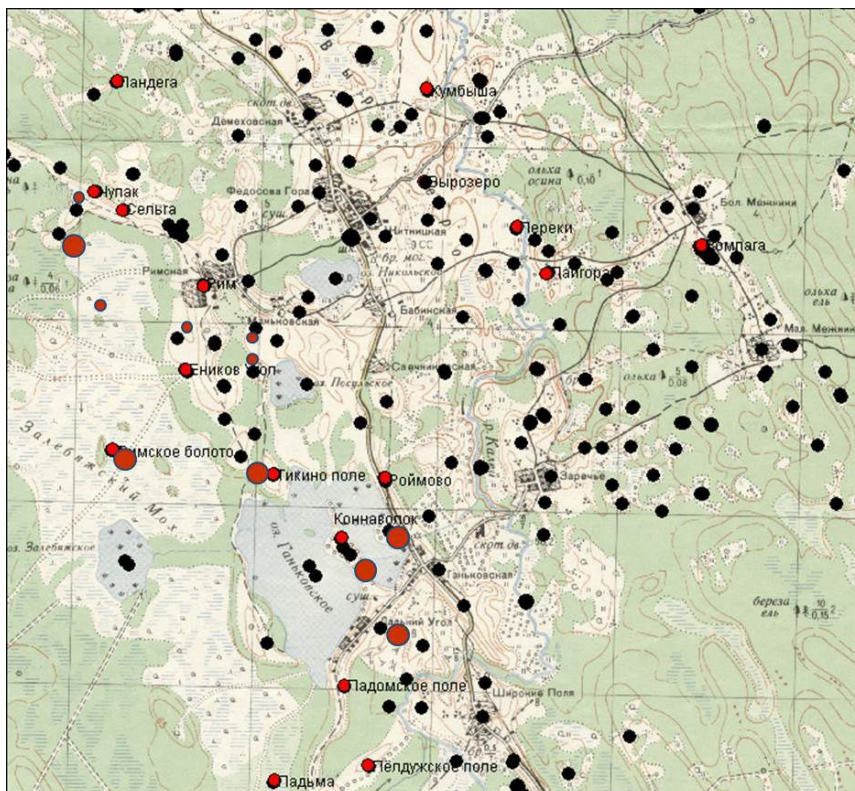
Source: The map was constructed by the Open Street Map program.

⁴ Привязанные к карте списки топонимов можно автоматически сформировать на сайте ресурса «ТопКар: Топонимия Карелии».

⁵ Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»; 2009. 328 с.

Начало пути, точкой отсчета которого была не деревня, демонстрирует и название соседнего залива – *Лоунатгуба* (современные жители иногда называют ее Лунной губой, без оправданной мотивации). В основе микротопонима карельское *lounat* ‘юго-запад’ (иногда ‘запад’ или ‘юг’)⁶. Губа находится на северной оконечности озера; преодолев его, из губы можно выйти на его юго-западный берег, где находится исток р. Шайдомки – главного водного пути, выведившего в Онежское озеро. Этим и мотивировано название залива.

Источник: топографическая карта. Масштаб 1:100 000.
Source: Topographic map. Scale 1:100,000.

TOPONYMY AND DIALECTOLOGY

В отличие от побережья Белого моря, где сухопутная дорога топонимически почти не прописана (не учтена в традиционной пространственной ориентации), здесь, в окрестностях Онежского озера, она важна. Дорога обозначена на старых картах, в том числе на одной из первых по территории Карелии – карте Акима Клешина, 1728 г.⁷ и, вероятно, была включена в культурное пространство уже давно. Карта в данном случае позволяет визуализировать те детали использования пространства, которые без нее могут быть упущены; параллельно она оказывается важным инструментом для этимологической интерпретации топонимов, поскольку визуализирует пространственную ситуацию, мотивировавшую происхождение топонимов.

2. Извлечение этнокультурной информации, а именно языковой мены.

На рисунке 2 показано сплошное картографирование микротопонимии с. Вырозера в русском Заонежье – около 150 нанесенных на карту названий на территории 4×4 км. Село отмечено в качестве довольно разросшегося куста поселений, включающего около десятка одно- или малодворных деревень, уже в середине XVI в.⁸ При этом ключевые топонимы имеют карельские истоки, свидетельствуя о карельском происхождении первых поселенцев. Среди них само название поселения *Вырозера/Вирозера*, в основе которого карельское прилагательное *viärä* ‘кривой, изогнутый’⁹, адекватно характеризующее форму озера. С течением времени произошло обрусение всей заонежской округи, в том числе и Вырозера, а сплошное картографирование топонимии села позволяет реконструировать пространственную модель обрусения этой локальной территории.

Выявляется определенная пространственная дистрибуция в распределении топонимов с русскими и карельскими по происхождению топоосновами. Карельские топонимы помечены на карте красными знаками, русские – черными. Субстратная (карельская) топонимия лучше сохранилась на глухой западной окраине территории, входившей в зону жизнедеятельности (поля, покосы, лесные угодья) жителей, в то время как восточная, прилегающая к почтовой дороге, покрыта густой сеткой русских по своим истокам топонимов. Очевидно, именно дорога стала проводником русского влияния, привела новых поселенцев, в результате чего появились новые включенные в жизнедеятельность места и их уже русские названия. В прилегающей к дороге местности активнее происходила и смена прежних прибалтийско-финских топонимов на новые русские.

Карта демонстрирует еще один нюанс. Некоторые карельские островки сохранились вдоль местной реки с названием *Калей* (кар. **Kal' l'ioja* ‘скалистый ручей’), где успели относительно рано хорошо закрепиться. Карельская топонимия осталась и в окрестностях исторического центра куста поселений Вырозера – на озере, которое сейчас именуется вторичным названием – Ганьковское (по населенному пункту), но исторически именно оно именовалось Вырозером (или Вирозером). Позднее, вероятно, в XVIII в., центр был перенесен севернее, на оз. Никольское (по возведенной здесь церкви Николая Чудотворца). В результате архаическая карельская топонимия законсервировалась в старом погостском центре.

Важно подчеркнуть, что речь идет о микротопонимах, бытующих в рамках локального ареала – вокруг одного поселения или куста поселений. В результате глобальные процессы мены языка здесь довольно убедительно просматриваются на микроуровне, позволяя реконструировать отдельные их аспекты.

⁷ Ландкарта Олонецкого уезда с показанием города Олонца, погостов, монастырей, заводов железных и медных, деревень, рек, озера Онежского и других многих и часть Ладожского уезда. В: Атлас Всероссийской империи. СПб.; 1934.

⁸ Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. М.; 1962. 292 с.

⁹ Karjalan kielen sanakirja. Osa 6. S. 582–583.

Ближние к берегу острова, в том числе самый крупный в архипелаге – *Тулолансаари* (*Tulolansaari*), имеют вторичные названия по наименованиям расположенных на них поселений, а отдаленные сохранили, хоть и в переработанном виде, более древний,

437

саамский облик. Самый юго-западный остров называется *Orjatsaari* (*Орьятсаари*) < *Orjassaari (при *-saari* ‘остров’), подтверждая своей локализацией саамские истоки топонима: саам. *oarji*, *oarjas* ‘юго-запад’. Соответственно, *Pellotsaari*, согласно звуковому облику и локализации на краю островного архипелага, позволительно возводить к саам. *bealjat*, *belljes* ‘боковой, крайний’¹¹. При этом сохранению древних топонимов могло способствовать и их переосмысление в рамках карельского языка. Саамская топооснова в топониме *Orjatsaari* явно сближалась в народном сознании с кар. *orja* ‘наемный работник; раб, невольник’, а в *Pellotsaari* с кар. *peldo*: *pellot* (Pl.) ‘поле, поля’. Поэтому картографирование в данном случае выступает надежным аргументом в пользу исходной саамской этимологии, а в случае с основой *Orjat-* вносит свой вклад в давнюю дискуссию финляндских ономастов, выдвигавших разные версии ее истоков¹².

Второй пример взят из области топонимической мотивации и связан с топоосновой *Akka-* (Gen. *Akan-*) ‘баба (бабий)’, довольно продуктивной в карельской топонимии. При том, что ее этимология прозрачна, мотивы ее появления затемнены и могут различаться в зависимости от разряда топонима. Существует устойчивая традиция рассматривать топооснову *Akka-* в прибалтийско-финской и саамской топонимии, особенно в именовании возвышенных мест, гор, скал, как имеющую мифологическое содержание и связанную с традиционными верованиями [12]. Одна из интерпретаций – знак границы «женского мира», в пределах которого осуществлялась хозяйственно-экономическая деятельность женской части населения», – предложена Е. Л. Березович в ходе анализа микротопонимии Русского Севера¹³ [13]. Этот мотив частично присутствует и в карельской топонимии. В специальном исследовании «женской» топонимии Финляндии подчеркивается участие топоосновы в номинации маленьких по размерам и незначительных по функциям объектов, в основе лежит метафора с идеей подчиненного положения женщины в традиционном обществе, ограниченности ее социальных ролей [14]. Показателен в этой связи целый ряд вторичных слов сложной структуры с атрибутивным элементом *akka* (Gen. *Akan*), имеющих пейоративную семантику: *akan/hammas* ‘плохой неровный шов’ (букв. ‘бабий зуб’), *akan/ilma* ‘плохая погода’ (букв. ‘бабья погода’), *akan/solmu* ‘непрочный узел’ (букв. ‘бабий узел’), *akan/virta* ‘обратное течение, суводь’ и др.¹⁴ Картографический подход позволяет раскрыть еще один разворот в мотивировке «женских» топонимов – привязка их к объектам с боковым, окраинным расположением. Особенно наглядно эта особенность просматривается в именовании небольших озер, расположенных около русла реки или сбоку, с краю от более крупных озер, как на представленной карте территории Средней Карелии (рис. 4), где озера *Akkajärvi* и *Akanjärvi* иллюстрируют такую ситуацию. Во множестве подобных примеров визуализирован тот же метафорический образ бабы, возникший в результате переосмысления ее «нематриальной, боковой» по сравнению с мужской роли в патриархальном обществе.

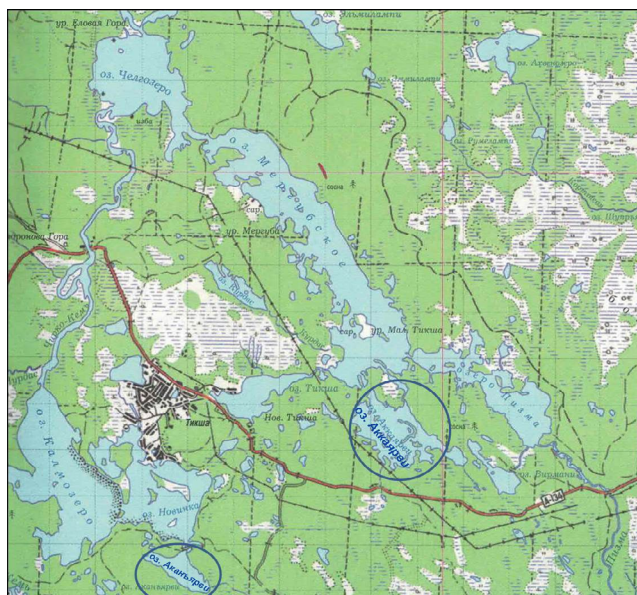
Предположим еще один возможный мотив появления «бабьих» топонимов, просматривающийся в именовании целого ряда камней, луд и маленьких островков: *Akan/kivi* ‘Бабий камень’, *Akan/luoto* ‘Бабья луда’, *Akan/suari* ‘Бабий остров’ в собственно карельском языковом ареале. Народная традиция объясняет происхождение топонимов тем, что муж в наказание оставил на ночь / неделю / навсегда на камне, луде или острове свою сварливую жену. Вероятно, это одна из реминисценций

¹¹ Älgu: Saamelaiskielten etymologinen tietokanta. Kotimaisten kielten keskus. URL: <http://kaino.kotus.fi/älgu/index.php> (дата обращения: 20.01.2025).

¹² Suomalainen paikannimikirja. Päätoimittaja Sirkka Paikkala. Helsinki: Karttakeskus; 2007. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 146). S. 307.

¹³ Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. С. 95.

¹⁴ Suomen murteiden sanakirja. Osa 1. Päätoimittaja Tuomo Tuomi. Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus; Valtion painatuskeskus; 1985. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 36). S. 211–213.

Р и с. 4. Топооснова *Akka-* (*Akan-*) в именовании озер, расположенных на краю локальной озерной системы

Fig. 4. The toponymic stem *Akka-* (*Akan-*) in the names of lakes located on the edge of the local lake system

Источник: Атлас: Карелия. Центральная часть. Масштаб: в 1 см 1 км. М.: Арбалет; 2005.

Source: [Atlas: Karelia. Central part. Scale: 1 cm in 1 km]. Moscow; 2005.

известного сказочного сюжета о строптивой жене и ее укрощении¹⁵. Реальная же основа номинации может быть обусловлена расположением островков или луд в местах, где образуется обратное течение или завихрение течения, обычно перспективных для рыбалки, т. е. реализован тот же образ, который представлен народным термином *akan/virta* ‘обратное течение, суводь’ [13]. Картографирование, проводимое в ходе сбора полевых материалов в селах на восточном побережье Белого моря, позволяет предполагать подобный мотив и в именовании некоторых местных «бабьих» гидронимов. Так, место под порогом *Lambilivo* (с. Панозеро Кемского района) именуется *Akankorva*, букв. ‘бабье ухо’, и характеризуется образующимся здесь завихрением воды. Залив *Бабгуба* < кар. *Akanlakši* в обширной Кемской губе Белого моря помечает место, до которого доходит приливная морская вода во время ежесуточных приливов, а затем вместе с отливом уходит обратно. Отличительная особенность небольшого озера с названием *Бабье Море* на о. Лудейном в Кандалакшской губе Белого моря, рядом с берегом острова, состоит в том, что во время прилива в него попадает морская вода, уходящая в отлив. Другое *Бабье Море* – довольно обширный, закрытый на входе большим о. Великим морской залив Кандалакшской губы, своего рода озеро, которое соединяется с морем через два порожистых пролива у разных концов острова. При этом вход в Бабье Море и выход из него через эти мелкие, узкие проливы регулируется приливами и отливами. Два раза в сутки направление течения воды меняется на противоположное, образуя заметный по силе ток в связи с узким порожистым рельефом. Народная интерпретация связывает происхождение названий данных «морей» с тем, что в этих местах рыбачили женщины-поморки¹⁶. Но значительная продуктивность топоосновы *Akka-* в прибрежной топонимии (названия рек, морских заливов, мысов) Белого моря наводит на мысль о том, что за ней может стоять и характерное для этих мест колебание воды в отливы и приливы (обратное течение), играющее заметную роль в жизни побережья.

¹⁵ Сравнительный указатель сюжетов: восточнославянская сказка. Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука; 1979. С. 226–227.

¹⁶ Сент-Илер К.К. Отчет об экскурсии на Белое море студентов естественников Юрьевского университета летом 1908 года. Юрьев: Тип. К. Маттисена; 1908. 67 с.

Заключение

Картографирование материалов, составляющих локальную микросистему, дает возможность увидеть некоторые ее внутренние связи, поскольку номинирование происходит, как правило, в локальном пространстве, с учетом смежных топонимов. В этом контексте привлечение к сбору топонимии топографических карт, а также нанесение на карту полевых данных позволяет реконструировать саму ситуацию номинации. В частности, отчетливо выявляется маршрутное видение и стоящее за ним маршрутное освоение пространства. Картографирование также способно отразить локальный аспект языковой мены, оно включает в себе большой потенциал для этимологической расшифровки топонимов, поэтому при всей трудоемкости и организационных сложностях опыт сплошного картографирования было бы полезно распространить на другие топонимические экспедиции.

Кроме того, картографирование имеет выход в практическую плоскость, а именно в коррекцию ошибочного написания топонимов в официальных источниках – на картах, в справочниках, дорожных указателях. Эта проблема остро стоит во всех национальных регионах страны. Наконец, топонимические карты локальных ареалов сами по себе представляют значительную ценность, сохраняющую память о традиционных территориях проживания и их использовании.

Исследования будут продолжены в рамках системы «ТопКар – Топонимия Карелии», которая позволяет осуществлять точную привязку названий к топографической карте и отражать их место в локальной топонимической системе отдельных поселений или других пространственно ограниченных комплексов. Сплошное картографирование создает мощный ресурс для исследования номинации и этимологии топонимов. Оно найдет применение и в решении задач историко-культурного содержания.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Кар. – карельский язык; саам. – саамский язык.

ABBREVIATIONS

Kar. – Karelian language; Saam. – Sami language.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гордова Ю.Ю., Герцен О.А., Герцен А.А., Костовска С.К. Применение картографических методов в топонимике (история вопроса и современные исследования). *ИнтерКарто. ИнтерГИС*. 2021;27(4):520–537. <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2021-4-27-520-536>
2. Кабинина Н.В. Народная топонимическая геометрия (на материале названий озер Архангельской области). *Вопросы ономастики*. 2013;(2):60–90. <https://elibrary.ru/item.asp?id=21026436>
3. Соболев А.И. Географические подходы к изучению гидронимии: потапонимы Юго-Восточного Обонежья в сопоставлении со смежными ареалами. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2024;20(2):252–294. <https://doi.org/10.30842/alp23065737202252294>
4. Герцен А.А. Старинные карты Северного Причерноморья и картографический подход в решении историко-географических задач. В: *Природа и общество: социоприродное взаимодействие во всемирно-историческом процессе*. 2020;(43):13–25. https://doi.org/10.29003/m1940.s-n_history_2020_43/13-25
5. Дмитриев А.В. Структурирование топонимических данных в свете разработки историко-топонимического словаря Западной Ингерманландии. *Linguistica Uralica*. 2020;56(4):241–257. <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2020.4.01>
6. Анкудинов И.Ю. О локализации топонимов новгородских поземельных актов XII–XV вв. В: *Ономастика Поволжья: мат-лы XVII Междунар. науч. конф. Великий Новгород; 2019*. С. 118–120. <https://elibrary.ru/mzamjib>
7. Кузнецова Р.С., Сенатор С.А. Опыт составления топонимической карты Среднего Поволжья по материалам экспедиции П. С. Палласа 1768–1769 гг. *Вопросы ономастики*. 2021;18(2):237–259. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.2.028
8. Кукушкин К.В., Селин А.А., Саблин И.В. Опыт использования инструментария геоинформационного подхода на примере Русско-шведской границы, установленной по результатам Столбовского мира 1617 г. *Альманах северо-европейских и балтийских исследований*. 2017;(2):228–235. <https://doi.org/10.15393/j103.art.2017.762>
9. Kuzmin D. Vianan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki: Unigrafia Oy; 2014. 346 s. URL: <https://helda.helsinki.fi/items/9023207d-2def-4241-a076-ca2672f3a5b1/full> (дата обращения: 20.01.2025).

10. Макарова А.А. К вопросу о картографировании этнолокальных групп Белозерья по ономастическим данным. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки.* 2017;19(4):63–83. <https://doi.org/10.15826/izv2.2017.19.4.064>
11. Захарова Е.В., Кузьмин Д.В., Муллонен И.И., Шибанова Н.Л. Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте. М.; 2018. 272 с.
12. Mallat K. Naiset rajalla. Kyöpelä, Nainen, Naara(s), Neitsyt, Morsian, Akka ja Ämmä Suomen paikannimisissä. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 1122. Helsinki; 2007. 232 s.
13. Муллонен И.И. Мотивация vs ремотивация как источник этнокультурной информации (на материале топонимии Карелии). *Вопросы ономастики.* 2019;16(3):61–77. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.031

Информация об авторе:

Муллонен Ирма Ивановна, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор, ведущий научный сотрудник топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), главный научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5279-4880>, SPIN-код: 3231-5653, irma.mullonen@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 22.08.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 17.10.2025.

REFERENCES

1. Gordova, Yu.Yu., Herzen O.A., Herzen A.A., Kostovska S.K. Usage of Cartographic Methods in Place-Name Study (History of the Problem and Actual Research). *InterCarto. InterGIS.* 2021;27(4):520–537. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2021-4-27-520-536>
2. Kabinina N.V. Popular Toponymic Geometry (with Reference to Lake Names of Arkhangelsk Region). *Problems of Onomastics.* 2013;(2):60–90. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=21026436>
3. Sobolev A.I. Geographical Approaches to the Study of Hydronymy: Potamononyms of Southeastern Lake Onega Region in Comparison with Adjacent Areas. *Acta Linguistica Petropolitana.* 2024;20(2):252–294. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30842/alp23065737202252294>
4. Herzen A.A. Old Maps of the Northern Black Sea Region and the Cartographic Approach in Solving Historic-Geographical Tasks. In: Nature and Society: Socio-Natural Interaction in the World-Historical Process. 2020;(43):13–25. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.29003/m1940.s-n_history_2020_43/13-25
5. Dmitrijev A.V. Analysis of Place Names for the Historical Toponymic Dictionary of West Ingermanland. *Linguistica Uralica.* 2020;56(4):241–257. (In Russ., abstract in Eng.) <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2020.4.01>
6. Ankudinov I.Yu. Localization of Toponyms of XII–XV Centuries Novgorod Land Acts. In: [Onomastics of the Volga region: Proceedings of the XVII International Scientific Conference]. Veliky Novgorod; 2019. P. 118–120. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/mzamjib>
7. Kuznetsova R.S., Senator S.A. Creating a Toponymic Map of the Middle Volga Region Based on the Materials of the P. S. Pallas Expedition of 1768–1769. *Problems of Onomastics.* 2021;18(2):237–259. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.2.028
8. Kukushkin K.V., Selin A.A., Sablin I.V. Geoinformatic Techniques Application on the Example of the Russian-Swedish Border Drawn According to the 1617 Treaty of Stolbovo. *Nordic and Baltic Studies Review.* 2017;(2):228–235. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15393/103.art.2017.762>
9. Kuzmin D. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki: Unigrafia Oy; 2014. 346 s. (In Finn.) Available at: <https://helda.helsinki.fi/items/9023207d-2def-4241-a076-ca2672f3a5b1/full> (accessed 20.01.2025).
10. Makarova A.A. On the Mapping of Local Ethnic Groups in Belozerye with Reference to Onomastic Data. *Izvestia. Ural Federal University. Ser. 2: Humanities and Arts.* 2017;19(4):63–83. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15826/izv2.2017.19.4.064>
11. Zakharova E.V., Kuzmin D.V., Mullonen I.I., Shibanova N.L. [Toponymic Models of Karelia in the Spatio-Temporal Context]. Moscow; 2018. 272 p. (In Russ.)
12. Mallat K. Naiset rajalla. Kyöpelä, Nainen, Naara(s), Neitsyt, Morsian, Akka ja Ämmä Suomen paikannimisissä. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 1122. Helsinki; 2007. 232 s. (In Finn.)
13. Mullonen I.I. Motivation vs Remotivation as a Source of Ethnocultural Information (Based on Place Names of Karelia). *Problems of Onomastics.* 2019;16(3):61–77. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.031

Information about the author:

Irma I. Mullonen, Dr.Sci. (Philol.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor, and Lead Researcher of the Toponymic Laboratory, Department of Russian Language, General Linguistics, and Speech Communication, Ural Federal University (19 Mira St., Yekaterinburg 620002, Russian Federation), Chief Researcher of the Ethnology Sector, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5279-4880>, SPIN-code: 3231-5653, irma.mullonen@mail.ru

Author has read and approved the final manuscript.

Submitted 22.08.2025; revised 06.10.2025; accepted 17.10.2025.

ТОПОНИМИКА И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ TOPONYMY AND DIALECTOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.442-453><https://elibrary.ru/hvpnl1>

УДК / UDC 81'342:821.511.131

Оригинальная статья / Original article

Проблема локализации южной границы среднеижских говоров удмуртского языка: фонетико-диалектологический анализ

В. В. Елышев

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения РАН,
г. Ижевск, Российская Федерация
elyshev.vladimir2016@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена малоизученностью срединных говоров удмуртского языка в удмуртской диалектологии, а также активной ассимиляцией и нивелированием диалектных особенностей рассматриваемого языка в современных условиях. В связи с этим особую значимость приобретают задачи комплексного исследования диалектных пространств, в том числе по определению границ срединных говоров. Четкое выделение ареала их распространения позволяет не только описывать и сравнивать диалектные идиомы, но и реконструировать лингвистические и исторические процессы, характерные для удмуртского языка. Цель исследования – определить южную границу среднеижских говоров, расположенных в переходной зоне между срединными говорами и южным диалектом удмуртского языка, путем выявления их фонетико-морфологических особенностей.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили диалектологические тексты, собранные автором статьи и студентами Удмуртского государственного университета в девяти населенных пунктах Малопургинского района Удмуртской Республики. В качестве методологической основы работы выступили синхронно-описательный, сравнительно-сопоставительный, слухоаналитический методы, которые позволили зафиксировать и системно описать исследуемые говоры в их современном состоянии, а также провести их сопоставление с другими диалектами удмуртского языка. При сборе диалектологического материала использовался метод включенного наблюдения, обеспечивший получение репрезентативных данных за счет фиксации спонтанной речи носителей в естественной среде.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ диалектного материала показал, что говоры исследуемого языкового ареала в целом имеют схожую фонетическую систему. Тем не менее выявлено, что в говорах дд. Аксакшур, Баграш-Бигра, Гожня и Курегово существуют специфические языковые явления, отличающие их от других говоров (например, функционирование гортанного смычного согласного, озвончение согласных), позволяющие относить их к южному диалекту удмуртского языка и провести южную границу среднеижских говоров через дд. Байситово, Миндерово, Кечур и Кулаево.

Заключение. Автором впервые в удмуртском языкознании научно обоснована южная граница среднеижских говоров. Уточнение границ их распространения позволит продолжить дальнейшее комплексное исследование. Статья вносит вклад в изучение удмуртской диалектологии, а также в общую теорию пермского языкознания.

Ключевые слова: удмуртская диалектология, срединные говоры, южная граница среднеижских говоров, фонетические особенности срединных говоров удмуртского языка

© Елышев В. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Елышев В.В. Проблема локализации южной границы среднеижских говоров удмуртского языка: фонетико-диалектологический анализ. *Финно-угорский мир*. 2025;17(4):442–453. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.442-453>

The Problem of Localizing the Southern Border of the Middle Izh Dialects of the Udmurt Language: Phonetic and Dialectological Analysis

V. V. Elyshev

*Udmurt Federal Research Center of the
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russian Federation
elyshev.vladimir2016@yandex.ru*

Abstract

Introduction. The relevance of this study is determined by the limited scholarly attention given to the transitional dialects of the Udmurt language within Udmurt dialectology, coupled with the ongoing processes of assimilation and the levelling of dialectal features under contemporary conditions. Consequently, the task of conducting a comprehensive investigation of dialectal zones, including the delineation of the boundaries of these transitional dialects, is of paramount importance. The precise demarcation of their geographical distribution is essential not only for the description and comparison of dialectal idioms but also for the reconstruction of linguistic and historical processes characteristic of the Udmurt language. The aim of this research is to determine the southern boundary of the Middle Izh dialects, situated within the transitional area between the central dialects and the southern dialect of the Udmurt language, through the identification of their distinct phonetic and morphological features.

Materials and Methods. The empirical foundation of this study is comprised of dialectological texts collected by the author and by students of Udmurt State University across nine settlements in the Malopurginsky District of the Udmurt Republic. The methodological framework of the research incorporates synchronic-descriptive, comparative, and auditory-analytical methods. These approaches enabled the systematic recording and description of the dialects under investigation in their contemporary state, as well as a comparative analysis with other dialects of the Udmurt language. The collection of dialectological material was conducted utilizing the method of participant observation, which ensured the acquisition of representative data through the recording of speakers' spontaneous speech in a naturalistic setting.

Results and Discussion. The analysis of dialectal data revealed that the vernaculars within the studied linguistic area generally possess a similar phonological system. However, it was established that the vernaculars of the villages of Aksakshur, Bagrash-Bigra, Gozhnya, and Kuregovo exhibit specific linguistic phenomena – such as the presence of a glottal stop and consonant voicing – which distinguish them from other dialects. These features provide a basis for their classification within the Southern dialect of the Udmurt language and allow for the demarcation of the southern boundary of the Middle Izh sub-dialects through the villages of Baysitovo, Minderovo, Kechur, and Kulaevo.

Conclusion. The author presents the first scientifically grounded delineation of the southern boundary of the Middle Izh dialects within Udmurt linguistics. This refinement of their geographical distribution provides a foundation for subsequent comprehensive study. The article constitutes a significant contribution to the field of Udmurt dialectology and, more broadly, to the general theory of Permic linguistics.

Keywords: Udmurt dialectology, Middle Izh subdialects, border of Middle Izh subdialects, phonetic features of the middle dialects of the Udmurt language

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Elyshev V.V. The Problem of Localizing the Southern Border of the Middle Izh Dialects of the Udmurt Language: Phonetic and Dialectological Analysis. *Finno-Ugric World*. 2025;17(4):442–453. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.442-453>

Введение

Согласно современной классификации, в удмуртском языковом пространстве выделяют три наречия: северное с нижнечепецким, среднечепецким и верхнечепецким диалектами; южное с собственно южным и периферийно-южными диалектами;

и бесермянское. При этом в последнее время бесермянское наречие некоторые исследователи рассматривают в качестве отдельного языка [1; 2]. Между северным и южным наречиями расположены срединные говоры, которые подразделяются на пять диалектов: среднезападный, средневосточный, водзимоныинско-омгинский, нылгинский, среднеижский¹.

Актуальность исследования обусловлена малоизученностью срединных говоров в целом и среднеижских в частности, тогда как процесс утраты срединными говорами своего диалектного различия – явление объективное и динамичное. Как подчеркивают исследователи устной разговорной речи, в настоящее время диалекты подвергаются активной ассимиляции, что ведет к сужению их функционирования и постепенной утрате языкового своеобразия [3; 4]. Следовательно, существенной становится проблема фиксации диалектных особенностей отдельных говоров исследуемого языка.

Целью статьи является определение южной границы среднеижских говоров удмуртского языка, территория распространения которых охватывает Малопургинский, Завьяловский районы, а также южную часть Воткинского района Удмуртской Республики.

Обзор литературы

Срединные говоры удмуртского языка являлись объектом исследования ученых на всех этапах развития удмуртской диалектологии. Так, первое теоретическое описание удмуртских диалектов представлено в работе Ф. Й. Видеманна². Опираясь на лексику переводных Евангелий 1847 г., автор выделяет в удмуртском языке «казанский», «глазовский», «малмыжский», «сарапульский» и «оренбургский» диалекты. Срединные говоры в работе ученого обозначены как малмыжский диалект. Несмотря на то, что автор не дает подробных сведений о фонетических и морфологических особенностях выделенных им диалектов, представленная им классификация является первым научным опытом систематизации разновидностей удмуртского разговорного языка.

Образцы речи удмуртов, проживающих в срединных районах современной Удмуртской Республики, впервые в полевых условиях зафиксировал финский ученый Т. Г. Аминофф³. Результатом диалектологической экспедиции стала работа «*Wotjakilaisia kielinäytteitä*». Среднеижские говоры исследователем не зафиксированы, однако имеются материалы, записанные в с. Якшур-Бодья, входящем в ареал распространения средневосточных говоров. Тексты Т. Г. Аминоффа отражают многие фонетические и морфологические черты, характерные для срединных говоров удмуртского языка, например:

а) чрезмерное функционирование аффрикат: *kudžojezleš* ‘у хозяина’, *lyčkálozy* ‘украдут’, *odžy* ‘так’, *udž* ‘работа’;

б) оформление деепричастия на -ку с помощью суффикса -кы: *tečakuzu* ‘перепрыгивая’, *siyukuzu* ‘кушая’;

в) выпадение конечной гласной основы инфинитива глаголов I спряжения: *sinu* ‘есть, кушать’, *ötnu* ‘звать’, *karnu* ‘делать’; *potnu* ‘выходить’ и т. д.

Полноценные текстовые записи, репрезентирующие среднеижские говоры, впервые представлены в публикации Б. Мункачи «*Votják népköltészeti hagyományok*»⁴. Во время экспедиции к удмуртам 1885 г. исследователю удалось собрать значительный фольклорно-диалектологический материал в дд. Вуж Ёумья, Диньтэм и Вуко-Чудзя

¹ Максимов С.А. Комментарий к картам «Диалектное членение удмуртского языка» и «Принадлежность опорных пунктов к территориальным диалектам». В: Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. 1. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика»; 2009. С. 39.

² Widemann F.J. Zur Dialectenkunde der wotjakischen Sprache. In: Mélanges Russes tirés du Bulletin Historico-Philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Peterbourg, III. St.-Péterbourg; 1858. S. 533–555.

³ Aminoff T.G. Wotjakilaisia kielinäytteitä. In: JSFOu; 1886. I. P. 32–55.

⁴ Munkácsi B. Wotják népköltészeti hagyományok. Budapest; 1887. 335 l.

Сарапульского уезда (сегодня дд. Новый Сентег, Диньтэм-Бодья и Шабердино Завьяловского района Удмуртской Республики). В отличие от публикации Т. Г. Аминоффа, в записях Б. Мункачи указаны имена информантов. В целом его текстовые записи отражают аналогичные явления, которые представлены в работах Т. Г. Аминоффа.

Образцы речи удмуртов также представлены в работах Ю. Вихманна, вышедших в 1893 и 1901 гг.⁵ Срединные говоры представлены записями, собранными в д. Чужьялово от информанта Степана Михайлова. В текстах исследователя отражены следующие отдельные языковые явления, свойственные срединным говорам:

а) избыточное употребление аффрикат: *puṭṣki* ‘нутро’, *lu:ṭṣkalē* ‘украдите’, *paled'ž* ‘рябина’;

в) выпадение конечной гласной основы инфинитива: *keḷni* ‘ночевать’, *šini* ‘есть, кушать’, *kižni* ‘сеять’;

г) выпадение гласной *-ы-* в деепричастиях на *-ca*: *oṣsa* ‘повесив’, *potsa* ‘выйдя’, *kossa* ‘попросив’;

д) показатель элатива на *-ис'*: *bisiis* ‘с поля’, *kiziš* ‘с ели’.

Лексика удмуртских диалектов представлена в сравнительном словаре Т. К. Борисова «Удмурт кыллюкам»⁶. В предисловии к изданию дается краткое, но содержательное описание системы диалектов. Ученый выделяет в удмуртском языке три наречия: северное, срединное и южное, каждое из которых делится на более мелкие единицы – говоры. Так, по мнению исследователя, срединное наречие, распространенное до лесных массивов Яганского, Ильинского и Можгинского лесничеств и до р. Вятки, имеет в своем составе ижевский и верхне-кильмезский говоры.

С 1935 г. в удмуртском языкознании наметился новый метод исследования диалектов – лингвогеографический, который берет свое начало с публикации С. П. Жуйковым Диалектологической карты удмуртского языка⁷. В удмуртском языковом пространстве исследователь выделяет три диалекта: северный, средний и южный. Срединные говоры он делит на шесть языковых ареалов: к первому отнесены говоры окрестностей Сюмси, Селты и Старые-Зятцы; ко второму – говоры якшурбодьинских удмуртов; к третьему – тыловайских; четвертому – шарканских; пятому – говоры малопургинских, завьяловских, нылгинских и ижевских удмуртов; шестому – вавожских и нылгинских удмуртов.

Отдельные ареалы распространения срединных говоров описаны в диссертационных исследованиях ученых. С. К. Бушмакин представил подробную характеристику фонетико-морфологического строя говора удмуртов, проживающих на восточной территории Якшур-Бодьинского и Шарканского районов Удмуртии⁸. Б. Ш. Загуляева продемонстрировала комплексное описание говоров, распространенных на территории Селтинского и Сюмсинского районов Удмуртской Республики⁹.

Несмотря на наличие исследований, посвященных изучению отдельных ареалов распространения срединных говоров (например, средневосточных, прикильмезских), на сегодняшний день в удмуртской лингвистике отсутствуют обобщающие труды по среднеижским говорам, отражающие фонетико-морфологические особенности и описывающие границы их распространения.

⁵ Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Helsingfors; 1901. 134 s.; Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors; 1893. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. 199 s.

⁶ Борисов Т.К. Удмурт кыллюкам. АН СССР, УрО, Удм. ин-т. ИЯЛ, Удм. отделение Всесоюз. фонда культуры. Ижевск; 1991. 384 с.

⁷ Жуйков С.П. Удмурт АССР-ысь удмуртъёслэн интыен-интыен вераськемзэс возыматон карта (Диалектологическая карта удмуртского языка). Свердловск; 1935.

⁸ Бушмакин С.К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тарту; 1971. 28 с.

⁹ Загуляева Б.Ш. Прикильмезские говоры удмуртского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тарту; 1980. 16 с.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили авторские полевые записи 2024 г., а также материалы, собранные во время диалектологических практик студентами института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета в дд. Аксакшур (5 информантов от 65 до 81 года), Байситово (4 информанта от 64 до 77 лет), Баграш-Бигра (4 информанта от 62 до 75 лет), Гожня (4 информанта от 74 до 82 лет), Кечур (2 информанта 70 и 72 лет) Кулаево (4 информанта от 66 до 81 года), Курегово (4 информанта от 64 до 79 лет), Малая Бодья (4 информанта от 65 до 83 лет), Миндерово (7 информантов от 63 до 81 года), Сизяшур (4 информанта от 66 до 79 лет). Все респонденты были проинформированы об участии в исследовании. Указанные населенные пункты расположены в южной и центральной части Малопургинского района Удмуртской Республики, их выбор обусловлен тем, что именно данная языковая зона является переходной от срединных говоров к южным диалектам. В частности, диалектометрическое исследование удмуртских диалектов, основанное на лексических данных Диалектологического атласа удмуртского языка¹⁰, показывает, что говор д. Аксакшур ближе к срединным говорам, а говоры дд. Гожня и Баграш-Бигра относятся к южному диалекту [5].

В работе использован комплекс исследовательских методов: синхронно-описательный, сравнительно-сопоставительный, которые помогли записать и системно проанализировать языковые явления и выявить их специфику; во время полевых исследований широко использовался метод включенного наблюдения и применялись различные техники сбора диалектных материалов: анкетирование, цифровая запись, интервьюирование. Для анализа и научной интерпретации диалектных особенностей отдельных говоров использовался слухоаналитический метод исследования устной речи.

Результаты исследования и их обсуждение

Вокализм. Количественный состав гласных фонем в удмуртских диалектах варьируется от 6 до 10 единиц. В исследуемом нами диалектном пространстве функционируют 7 гласных: *и, ы, у, э, ё, о, а*. По нашим наблюдениям, фонемы акустически и артикуляционно ничем не отличаются от соответствующих фонем удмуртского литературного языка.

Среди наиболее распространенных явлений в области вокализма в описываемых говорах представлены следующие:

1. Корреспонденция гласных. Среди них выделяются:

1.1 Корреспонденция гласных *и // ы*. В срединных говорах, так же как в нижнечепецком диалекте и южном диалектном ареале, при соседстве с велярным согласным перед *й* или между *ж, ш* и последующим палатальным употребляется гласный *ы*, тогда как в среднечепецком и верхнечепецком диалектах наличествует гласный *и*, например: сч., вч. *ишка* // сред., южн., нч. *ычка* [6]. В исследуемой нами диалектной зоне указанный вид корреспонденции представлен следующим образом:

акс., байс., б-бигр., гожн., кеч., кур., м.бод. *гынэ* // минд., сиз. *гинэ*: акс. *кы-тын гынэ ой вал* 'где **только** не был'; байс. *йылыз гынэ* '**только** верхушка'; б-бигр. *с'ион понна гынэ* '**только** ради еды'; виш. *вишур гинэ шуил'лам* 'Вишуром **только** называли'; гож. *пичимэмэй гынэ шуком вал* 'Пичи мамеем (букв. Маленькой бабушкой) **лишь** называли'; кеч. *кык гоштэтэс гынэ* '**всего** две записи'; кул. *пичи гынэ мучйосты* '**даже** маленькие горочки'; кур. *лыззыса гынэ нуком* '**только** считая, несли'; м.бод. *уйин гынэ пота на* '**только** ночью появляется'; минд. *вит' арэс гинэ* '**только** пять лет'; сиз. *н'ыл' клас гинэ* '**только** четыре класса';

¹⁰ Насибуллин Р.Ш., Максимов С.А., Семенов В.Г., Отставнова Г.В. Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. 1. Ижевск; 2009. 260 с.

акс., байс., б.-бигр., гожд., кеч., кул., кур., м.бод., минд., сиз. *ычка-* (*ышка-*) // *ишка-*: акс. *ожойэ-з-а ма-р-а ышка* ‘травку, что ли, рвет’; байс. *турынэз ычкэ* ‘траву **сры-вает**’; б.-бигр. *ышкалтыса куштэлэ* ‘**оторвите** да выбросьте’; гожд. *ас'тэос ик, ой, ы-шкэлтэ* ‘сами, ой, **вырвите**’; кеч. *с'ас'ка ышкалти* ‘цветок **оторвала**’; кул. *ачиз ик ычкэлтэ* ини ‘сам и **отрывает**’; кур. *эн ы-шкэлтэ* ‘не **вырывайте**’; м.бод. *ычкалтыса поттис'ком вал* ‘**сорвав**, выносили’; минд. *пин'ыным ышкэлтса бас'то* ‘зубами **вырвав**, возмун’; сиз. *эн ышка* ‘не **вырывай**’.

Причины возникновения данного типа корреспонденции гласных в удмуртском языке до настоящего времени не выяснены. В. К. Кельмаков выдвигает гипотезу о том, что междialeктная корреспонденция гласных *ы* // *и* (*ь*) могла быть рефлексом более ранней праудмуртской фонемы *ə, которая, утрачиваясь, заместила в северной диалектной зоне гласным *ы*, в южной – *и*, в татышлинском, красноуфимском, кукморском сохранилась без изменения¹¹.

1.2 Корреспонденция гласных *ы* // *и*. В северном наречии и в прилегающих к ним срединных говорах перед палатальными согласными в корневых морфемах употребляется гласный *ы* (*пыз* ‘мука’), в то время как в южном наречии наличествует *и* (*пиз* ‘мука’). Примеры корреспонденции гласных *ы* // *и*:

байс., кеч., кул., м.бод., минд., сиз. *быз'э* // акс., б.-бигр., гожд., кур. *биз'э* ‘бежит, выходит замуж’: акс. *губэчти биз'ылэ* ‘по погребу **бега**ет’; байс. *быз'ылис'ком но шутком* ‘**бега**ем и играем’; б.-бигр. *ушакэ биз'из* ‘за Ушакова **вышла** замуж’; гожд. *өз би-з'ылэ* ни ‘больше не **бегали**’; кеч. *быз'эмэ ук по-ты вал* ‘**замуж** я еще не хотела’; кул. *быс'са бэртко ини* ‘**бегом** иду домой уже’; кур. *пургала биз'эмын* ‘в Пургу **вышла** замуж’; м.бод. *зор улти быз'ыло* ‘под дождем **бегают**’; минд. *мынам быс'ко но бэртэм потэ* ‘**выхожу** замуж, и домой хочется’; сиз. *пинал быз'ымтэ ныл* ‘**незамужняя** девушка’;

байс., кеч., кул., м.бод., сиз. *тыс'* // акс., б.-бигр., гожд., кур., минд., *тис'* ‘зернышко’: акс. *зарни тис'о* ‘с золотыми **зернышками**’; байс. *тыс'сэ с'ио* ‘**зернышки** едят’; б.-бигр. *бас'тыса ти-с'алэ* ‘возьмите и **облущите**’; гожд. *тис'эз ус'э* ‘**зерно** падает’; кеч. *йу-тыс'* араны ‘**хлеб** жать’; кул. *бакчаис'тызы тыс'йоссы* ‘**зерна** из их огорода’; кур. *тис'но мукэт оломар* ‘**зерно** и много разного’; м.бод. *йу-тыс'* нуллыса ‘**зерно** возя’; минд. *тис'сэ с'ио* ‘**зернышки** едят’; сиз. *тыс'* ‘**зерно**’.

В рассматриваемой диалектной зоне корреспонденция гласных *ы* // *и* также наблюдается в следующих падежных маркерах:

а) суффикс элатива (исходный падеж). В удмуртском литературном языке, а также в северном наречии показатель элатива выражается через суффикс *-ыс'*. Для большинства исследуемых нами говоров этому суффиксу соответствует *-ис'*:

кеч., сиз. *-ыс'* // акс., байс., б.-бигр., гожд., кул., кур., м.бод., минд., *-ис'*: акс. *кы-тис'* *шэт'тэм* ‘откуда **нашел**’; байс. *арихиви-с'-а ма-р-а шэт'тэм* ‘в архиве, что ли, **нашел**’; б.-бигр. *сундуки-с'* *лушкас'кил'л'ам* ‘из **сундука** украли’; гожд. *шаис'н'э-мырээз но исаны уг йа-ра* ‘из **могилы** ничего брать нельзя’; кеч. *магазинь-с' бас'тэмын* ‘в **магазине** (букв. из магазина) куплены’; кул. *кышинойэ пуныгуртис'* ‘жена из **Пуныгурта**’; кур. *колхоз бусиис'* ‘из колхозного **поля**’; м.бод. *кот'куд базарис'* ‘из каждого **рынка**’; минд. *миндэр гуртис'* ‘из деревни Миндерова’; сиз. *базарыс'* *чэбэр кышэт* ‘с **базара** красивый платок’;

б) суффикс эгрессива (отдалительный падеж): кеч., сиз. *-ыс'эн* // акс., байс., б.-бигр., гожд., кул., кур., м.бод., минд. *-ис'эн*: акс. *дас кык арэсис'эн* ‘с двенадцати **лет**’; байс. *бөд'д'а-пуросис'эн* *кө-н'а ис'кэм со?* ‘из **Бодья-Пура** сколько километров?’; б.-бигр. *чэп-ца ис'эн* *игра пала* ‘от **Чепцы** к **Игре**’; гожд. *удугучин шайвылис'эн* ‘с **кладбища**

¹¹ Кельмаков В.К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 2. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет»; 2004. 395 с.

в Удугучине'; кеч. *отыс'эн* *ик тодматки* 'там и познакомилась'; кул. *отис'эн*, *ачит тоткот* 'оттуда, сам знаешь'; кур. *н'ыл'дон н'ыл'ис'эн* *н'ыл'дон сиз'ым ароз* 'с сорок четвертого до сорок седьмого года'; м.бод. *со тырис'эн* 'с тех пор'; минд. *гурт пумис'эн* 'с конца деревни'; сиз. *капказ'ис'эн* *пруд дороз* 'со двора до пруда';

в) иллатив (входный падеж). Корреспонденция гласных *ы* // *и* в суффиксе иллатива наблюдается преимущественно в речи носителей диалектного языка старшего поколения (от 50 лет). Под воздействием согласного *-й-* предшествующий ему корневой гласный звук *-ы-* подвергается регрессивной ассимиляции: сиз. *-ы-йэ* // акс., байс., б.-бигр., гожд., кеч., кул., кур., м.бод., минд. *-и-йэ*: акс. *ныллэн чыртийаз* 'на шею девочке'; байс. *кисийас* *кизэ понэм* 'руки в карман положил'; б.-бигр. *мукэт интийэ* *потны* 'перейти на другую территорию'; гожд. *чыртийаз* *ошса* 'на шею повесив'; кул. *пöртнас'кис' интийэ* 'в мистическое место'; кур. *бусийэ* *поттыны* 'на поле вывести'; м.бод. *кыцийам* *кэ мар кэ* 'если где-то что-то'; минд. *чыртийас*, *пэ*, *гозы понны косо* 'на шею веревку, говорит, завязать заставляють'; сиз. *чыртыаад* *от по ны* 'на шею не накинул';

г) аблатив (творительный падеж). Аналогичная трансформация пресуффиксального гласного *-ы-* в гласный *-и-* под ассимилятивным воздействием согласного *-й-* происходит в существительных творительного падежа: б.-бигр., гожд., м.бод., минд., сиз. *-ы-йэн* // акс., байс., кеч., кул., кур. *-и-йэн*: акс. *гозийэн* *думэмын* 'веревкой привязан'; байс. *боди'эн* *пыкйамын* 'палкой подперто'; б.-бигр. *жэз'эк тылыйэн* 'гусиным крылом'; гожд. *пил'ис'кэм тус'тыйэн* 'с разбитой тарелкой'; кеч. *көжийэн* *шым* 'суп с горохом'; кул. *гози'ийэныз* *валчэ* 'вместе с веревкой'; кур. *пижнийэн* *кутком вал* 'на силок (букв. с силком) ловили'; м.бод. *пун'ыйэн* *йуны* 'из ложки (букв. с ложкой) пить'; минд. *гозийэн*, *пэ*, *пукэ* 'с веревкой, мол, сидит'; сиз. *толалтэ дөд'ыйэн* 'зимой на саях (букв. с саями)';

д) локатив (местный падеж). Пресуффиксальный гласный *-ы-* в существительных местного падежа в некоторых описываемых говорах также переходит в гласный *-и-*: б.-бигр., гожд., сиз. *-ы-йын* (*-ы-ын*) // акс., байс., кеч., кул., кур., м.бод., минд. *-и-йын* (*-и-ын*): акс. *с'урийын* 'на жерди'; байс. *пэрво-й гуртмы* *вылэм чал'ди'ын* 'деревня в начале была у речки Чальды'; б.-бигр. *со вал бусыын* 'это было на поле'; гожд. *лымыын* *пылас'ко* 'в снегу купаются'; кеч. *чыртийас* *поно* 'на шею подвешивают', кул. *тус'тиын* 'в тарелке'; кур. *гурэз'лэн* *выжийаз* *ик* 'прямо у подножия горы'; м.бод. *со интийын* 'на его месте'; минд. *вöс'ас'кон интийын* 'на месте молений'; сиз. *со интыын* 'на том месте'.

Согласно исследованиям В. К. Кельмакова, гласный *ы* в корневых морфемах является первичным как перед велярными, так и перед палатальными согласными. Функционирование гласного *и* вместо *ы* в корневых морфемах – явление позднее, относящееся, предположительно, к праудмуртскому периоду (X–XVII вв.), поскольку ранние письменные памятники XVIII в. уже отмечают *и* вместо первичного *ы*¹²: *имь* 'рот', *нилонь* 'горло', *чирты* 'шея'¹³, *nil'-don* 'сорок'¹⁴.

1.3 Корреспонденция гласных *у* // *ы*. В исследуемых говорах она функционирует в суффиксальной морфеме деепричастий с временным значением, которая представлена в удмуртских диалектах двумя алломорфами: *-ку* и *-кы*. Говоры в функционировании данных алломорфов имеют некоторое различие: минд., сиз. *-ку* // акс., байс., б.-бигр., гожд., кеч., кул., кур., м.бод. *-кы*: акс. *корка* *пырыкызы* 'при входе в дом'; байс. *аз'ло* *кырыкыс* 'раньше, когда прорывало (плотину)'; б.-бигр. *ватис'кыкызы*

¹² Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии: учеб. пособие. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет»; 2006. 386 с.

¹³ Паллас П.С. Сравнительные словари всёхъ языковъ и нарѣчій. Ч. 1. Санктпетербургъ: Типографія Шнора; 1787. 411 с.

¹⁴ Miller G.F. Sammlung russischer Geschichte. Vol. 1. Saint Petersburg; 1758. S. 654.

ис, пэ, поно ‘когда хоронят, дескать, камень кладут (на могилу)’; гожд. *гурэ тыл поныкыз* ‘в печке огонь разжигая’; кеч. *ужаны потыкым* ‘когда выходил на работу’; кул. *первой турнакыгэс* ‘примерно во время первого покоса’; кур. *с’уан’чиос лыктыкызы, пырыкузы* ‘во время приезда и входа гостей со стороны жениха’; м.бод. *кэмэс йуаны вэтыкмы* ‘когда невесту сватать ходили’; минд. *душэс пизэ бас’тыку* ‘когда коршун гусенка (букв. дитя) забирает’; сиз. *раскула’чиват’ карыкузы*. ‘когда раскулачивали’.

В нижнечепецком диалекте северного наречия в указанной функции как единственно возможный используется формант *-кы*: *ужакы* ‘во время работы’, *с’удыкы* ‘во время кормления’ [7]. Вариант *-кы* также распространен в говорах южного диалекта. В бесермянском наречии встречаются оба варианта *-ку* и *-кы* (имеет вид *-кь*): *ужаку ~ ужакь* ‘работая’ [8].

Причина возникновения данной корреспонденции выяснена не до конца. По мнению Д. В. Бубриха, в допермскую эпоху деепричастия имели форму на *(ы)кы-к*, *(ы)кэ-к*: *вэтыкы-к*, *вэтыкэ-к* ‘во время хождения’. В общепермский период произошло падение конечных согласных, поэтому деепричастия образовывались при помощи суффиксов *-ыкэ*, *-ыкы* (ср. сунд. *вэтыкы* ‘во время хождения’). Форма деепричастия на *-ку*, возможно, является более поздним образованием и берет свое начало от вопросительного слова *ку?* ‘когда?’: *вытыку* ‘во время хождения’¹⁵.

2. Синкопа – фонетическое явление, характеризующееся выпадением звука или группы звуков внутри слова, особенно в положении между смычными¹⁶. В исследуемых говорах синкопа наблюдается в следующих случаях:

2.1 В глаголах настоящего и прошедшего времени 1-го, 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа I спряжения происходит выпадение группы звуков на *-иск-*: акс. *пичи дырйамы шутком вал* ‘в детстве мы играли’; байс. *чапас шуком вал* ‘чапас (лапта) называли’; б-бигр. *мон шуко* ‘я говорю’; гожд. *вэтком вал* ‘ходили’; кеч. *тотко тацэ учырээз но* ‘помню такой случай’; кул. *эскэрком но оццы ик мынком ни вал* ‘проверяли и туда шли’; кур. *норма кэ тырмыткод* ‘если норму выполняешь’; м.бод. *мон ук то-ткы* ‘я не знаю’; минд. *кунэ вэтком* ‘в гости ходили’; сиз. *тон ачид но тоткод* ‘ты и сама знаешь’.

Суффикс *-иск-*, по мнению Б. А. Серебренникова, возник поздно, и в образовании этой формы принял участие финно-угорский суффикс *-šk*: ср. фин. *nuole-ske-le* ‘лизать’, кольско-лапл. *kul-sk-ynty* ‘прислушиваться’¹⁷. К. Е. Майтинская возводит элемент *-к* суффикса *-šk*, который употреблялся для указания настоящего времени, к прафинно-угорской общности [9]. Согласно исследованиям, в древнеудмуртском языке настоящее время по форме было близко к языком коми – различие наблюдалось в огласовке основы (*о* вместо *а*). Например, глагол 1-го лица единственного числа *мынйсько* ‘иду’ имел вид *тупо* в удмуртском языке, *тупа* – в коми. Архаичная форма настоящего времени в современном удмуртском языке начала функционировать в значении будущего времени: *мыно* ‘пойду’. «Для построения новой формы настоящего времени удмуртский язык воспользовался не основным суффиксом, а частным – специфическим значением многократного суффикса *-šk*», который в древнеудмуртском языке обозначал длительное, обычно совершаемое действие¹⁸.

2.2 Выпадение гласного *-ы-* наблюдается:

а) в инфинитивных формах глагола, перед показателем суффикса инфинитива *-ны*: акс. *маза ик улны вылымтэ* ‘жить не спокойно было’; байс. *парс’ с’удны* ‘свиней

¹⁵ Бубрих Д.В. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком). Ижевск: Удмуртгосиздат; 1948. 110 с.

¹⁶ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия; 1966. 608 с.

¹⁷ Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во Акад. наук СССР; 1963. 391 с.

¹⁸ Там же.

кормить'; б.-бигр. *тодмо карны* 'знаменитым сделать'; гожд. *потоно на вал шудны* 'приходилось еще выходить поиграть'; кеч. *чош карны* 'свести (букв. вместе сделать)'; кул. *бэртны потим* 'домой идти собрались'; кур. *бэртны косиз* 'воротиться заставила'; м.бод. *вутэк улны* 'без воды жить'; минд. *сур йуны* 'пить пиво'; сиз. *кыын сүз'ны* луэ 'рукой достать можно'. Подобное явление также зафиксировано в верхнечепецком диалекте северноудмуртского наречия [10];

б) перед суффиксом в деепричастиях на *-са, -тэк, -ку, -тозь*: акс. *школаи с' бэртса* 'вернувшись из школы'; байс. *зар гынэ бёртса* 'сильно плача'; *кыццы карны тоттэк* 'не зная, куда девать'; б.-бигр. *ос кыл'ы ус'са* 'не выпал (букв. остался не выпавшим)'; гожд. *мэмэт кулса* 'со смертью матери'; *вэднаса куштэм* 'заколдовал, бросила'; кеч. *шу'мнотса вэрас'ком* 'радостно говорим'; кул. *быс'са бэртко* 'бегом иду'; кур. *таз'ы ошса* 'так повесив'; кул. *кыццы кэ мынку* 'отправляясь куда-то'; м.бод. *со с'оры аэзэм карса* 'нам подражая'; минд. *одиг аз'ын жэуатса* 'в одном месте зажигая'; сиз. *бёртса пуккот* 'сидишь, плача'; *мылпонтэк* *но мынны пришло с'* 'без желания пришлось идти'.

2.3 Выпадение корневого гласного *-а-* происходит:

а) во множественном числе существительных в гождинском и куреговском говорах: гожд. *Со вэс' спра фкос с'о'йаса...* 'Он всегда ходил, справки раздавая ...'; кур. *Такоссы* *бадзым с'уройэс' вал, ворттылком вал соос вылын* 'Бараны у них с большими рогами были, (мы) катались на них';

б) в аккумулятиве баграш-бигринского, гождинского и малободьинского говоров: б.-бигр. *Тээ куз'мазы, ужйоссэ с'урс т'амыс'с'у у'мыстон т'амыс арын чил'нам* *вылэм со, и со ужэзэ вил'ис' таццы бэрыктизы* 'Это подарили, свои работы в тысяча восемьсот девяносто восьмом году она вязала, и ее работы обратно сюда вернули'; гожд. *Бэртса, лидэз лэс'ко* 'Вернувшись, Лиду отправляла'; м.бод. *Пичи ул'чээ аз'ло сад'овой шуны туртто* *вылэм – та ул'чаын туш трос сад'о с' будо* *вылэм* 'Короткую улицу Садовой хотели назвать – на этой улице много садов было'; минд. *Чошэн потты вал сэ* 'Вместе вытащили бы это';

в) в иллативе (входный падеж) происходит выпадение конечного корневого гласного *-а-* / *-о-* и согласного *-й-*, элемента суффикса входного падежа *-йэ-*, в гождинском, кулаевском, куреговском, миндеровском и сизяшурском говорах: гожд. *Т'урмэ со дас с'из'ым арэскын кула' карса с'уриз*. 'В тюрьму он в семнадцать лет попал, раскулачили его'; кул. *Школэ* *но вэтко ни-а мэдак вал?* 'В школу ходила ли я уже?'; кур. *Заго'зэрнэ кот' ну, кот' кэл'ты* 'Хоть в заготовительный пункт зерна неси, хоть оставляй'; минд. *Одиг аз'ын жэуатса, ул'ча куза кошко вал аз'ло – кык ул'чэ* 'В одном месте зажигая, по улице шли раньше – в две улицы'; сиз. *Война куткэм бэрэ ик, д'ад'аймэс войнэ бас'то* 'С началом войны отца на войну берут'.

Консонантизм. Система согласных исследуемых срединных говоров представлена 30 фонемами: *б, в, г, д, д', ж, жс, з, з', э, й, к, л, л', м, н, н', п, р, с, с', т, т', ф, х, ц, ч, ч', ш, ш'*.

Фонетические явления в области гласных в данной диалектной зоне в целом имеют схожий характер, но наряду с этим имеются некоторые существенные различия.

Для баграш-бигринского, гождинского и частично аксакшурского говоров характерно озвончение согласных: акс. *Со быдза чыпэтийос татын вылил'л'ам* 'Такие большие плотины здесь были'; б.-бигр. *Соослэн гурдзы кылдэмын, нэ, с'урс куат'с'у кыс' с'из'ымэ ти арын* 'Их деревня основана, мол, в тысяча шестьсот двадцать седьмом году'; гожд. *Ва'йэ али, с'о'тэ ал'и зарн'и ныдо* *молоддэс* 'Принесите сейчас, дайте сейчас **молоток** с золотой ручкой'.

Кроме указанной особенности, для аксакшурского, баграш-бигринского, гождинского и куреговского говоров характерно замещение гласных *э, д, к, л, т* гортанным

смычным согласным (гамзой [ʔ]): акс. *Сэрэ купан'ча н'у'мы ван'* 'Потом у нас есть **лог** Купанча'; *Мынам кӧй чыртийэ ӓз'э'лэн кат' кыстис'кэ, мугоры нош уг но ырзэ* 'Моя жирная шея как у **гуся** тянется, а тело не двигается с места'; б.-бигр. *Ну, ворскэм нуналэ али ча'лас'ком ук, ужэ кошкэ ни ко'пак ӓуч ил'и англ'и* 'Ну, на дне рождения сейчас **замечаем**, уже идет совсем русская или английская (песня)'; *Ворцкэмын вал с'урс у'мыс с'у дас арын* 'Родился в тысяча **девятьсот** десятом году'; гожн. *вэс' со оди'* нунал *вылэм тин'и*, *вэ'с'а'лы* быдэ, *арлы* быдэ, *с'из'ым апрэл'э* 'Всегда он в **один** день был, **всегда**, каждый год, седьмого апреля'; *И вӧс' н'эргээ вэ'ло вал* 'И на малое моление **ходили**'; кур. *Войнайын кура'ӓим ми, война вакыт* 'На войне **страдали** мы, во время войны'; *Паска дырйа но шу'ны маза ӧй вал, рээ' акило иван уйылса вэ'лэ вал* 'Даже во время Пасхи **играть** нельзя было, Акило Иван **гонялся** за нами'.

Аксакшурский, баграш-бигринский, гожнинский, куреговский и миндеровский говоры отличаются от других описываемых нами говором функционированием возвратных глаголов, где суффикс возвратного залога имеет такой же вид, как и в удмуртском литературном языке – *-ськ(ы)-* / *-ск(ы)-*. В остальных говорах возвратные глаголы образуются при помощи усеченного суффикса *-к(ы)-* (*<-ськ(ы)-* / *-ск(ы)-*): акс. *Мон аксак гуртын ворскэмын кэ, тан'и бырдаммы со, отын туш трос ошмэсьос* 'Я в Аксакшуре **родилась**, вот Бырдам у нас это, там очень много родников'; байс. *Оз'ы аткыло ылэм* 'Так **показывались** они'; б.-бигр. *Нош кӧн'а кэ улса, та интыэ мукэт палйосыс' но вуылыны кускылызы* 'Через некоторое время на это место из других мест **начали** приходить'; гожн. *Мэмэй-йосмы кошко кэ, ми рээ' шудны кускис'ком вал* 'Если мамы уходили, мы играть **начинали**'; кеч. *Отыс'эн ик тодматки куспалэным* 'Там и **познакомилась** с мужем'; кул. *Валэ ган'-ган' пуныгурт пала мынны куткиз* 'Лошадь спокойно пошла в сторону Пуныгурта'; кур. *Оти потыкус курашкайэ'з ӓсуцкэм валлан' йырис'тыз* 'Когда выходил, его фуражка **слетела** с головы'; м.бод. *Кытиыт кэ суткис кэ, суткэм интыдэ н'имтэм чин'ыйэн котыртоно* 'Если обожжешься, обожженное место безымянным пальцем надо обвести'; минд. *Со бэрыцкэ, курэкнузэс пил'э* 'Он **поворачивается** и разбивает яйцо'; сиз. *Зӧггэс мэд аткоз шуса, тросгэс ӓустарийэс пунко вал* 'Чтобы (волосы) **казались** толще, больше лоскутков заплетала'.

Заключение

Итак, южная граница среднеижских говоров проходит через дд. Байситово, Миндерово, Кечур и Кулаево Малопургинского района Удмуртской Республики.

Говоры дд. Аксакшур, Баграш-Бигра, Гожня и Курегово Малопургинского района следует отнести к южноудмуртскому диалекту, поскольку их объединяют языковые черты, явно отличающие их от срединных говоров, например: озвончение гласных, корреспонденция гласных *ы* // *и* в корневых морфемах, функционирование гортанного смычного согласного, употребление носителями суффикса возвратного значения на *-ськ(ы)-* / *-ск(ы)-*.

Проведенное исследования позволяет определить южную границу среднеижских говоров на основе фонетических и частично фонетико-морфологических особенностей региональных вариантов удмуртского языка.

В перспективе необходимо определить северную границу исследуемого ареала, что позволит провести дальнейшее комплексное описание диалектной системы среднеижских говоров удмуртского языка.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Акс. – говор д. Аксакшур; байс. – говор д. Байситово; б-бигр. – говор д. Баграш-Бигра; вч. – верхнечепецкий диалект; гожн. – говор д. Гожня; кеч. – говор д. Кечур; кольско-лапл. – язык кольских саамов; кул. – говор д. Кулаево; кур. – говор д. Курегово; м.бод. – говор д. Малая Бодья; минд. – говор д. Миндерово; нч. – нижнечепецкий диалект удмуртского языка; сиз. – говор д. Сизяшур; сред. – срединные говоры удмуртского языка; сч. – среднечепецкий диалект; фин. – финский язык; южн. – южный диалект удмуртского языка.

ABBREVIATIONS

Aks. – subdialect of the village of Aksakshur; Bais. – subdialect of the village of Baisitovo; B-Bigr. – subdialect of the village of Bagrash-Bigra; VCh. – Upper Chepetsk dialect; Ghozh. – subdialect of the village of Ghozhny; Kech. – subdialect of the village of Kechur; Kola-Lapl. – language of the Kola Sami; Kul. – subdialect of the village of Kulayev; Kur. – subdialect of the village of Kuregovo; M.Bod. – subdialect of the village of Malaya Bodya; Mind. – subdialect of the village of Minderovo; NCh. – Lower Chepetsk dialect of the Udmurt language; Siz. – subdialect of the village of Sizyashur; Sred. – Central subdialects of the Udmurt language; SCh. – Middle Chepetsk dialect; Fin. – Finnish language; Yuzh. – Southern dialect of the Udmurt language.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов В.А. О перспективах развития письменности на бесермянском языке. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2025;19(1):18–32. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2025-19-1-18-32>
2. Максимов С.А. Бесермянско-коми изоглоссы как свидетельство былых контактов между народами. *Linguistica Uralica*. 2025;(2):89–105. <https://doi.org/10.3176/lu.2025.2.02>
3. Сажина С.А. Верхнекамское наречие коми-пермяцкого языка: особенности вокализма. *Вестник угроведения*. 2024;14(3):489–497. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-3-489-497>
4. Кондратьева Н.В., Соколова О.Л. Динамические процессы в фонетической системе современных диалектов удмуртского языка (на материале срединных говоров). *Финно-угорский мир*. 2019;11(4):391–402. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.04.391-402>
5. Архангельский Т.А. Применение диалектометрического метода к классификации удмуртских диалектов. *Урало-алтайские исследования*. 2021;(2):7–20. <https://www.elibrary.ru/ttgddm>
6. Карпова Л.Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние: моногр. Ижевск: МарШак; 2020. 563 с.
7. Карпова Л.Л., Люкина Н.М. Бесермянские языковые черты в северноудмуртских диалектах. *Вестник удмуртского университета. Сер.: История и филология*. 2023;33(6):1267–1279. <https://www.elibrary.ru/ygtdaw>
8. Карпова Л.Л., Люкина Н.М. О некоторых северноудмуртских морфологических особенностях в языке бесермян. *Казанская наука*. 2025;(2):281–284. <https://www.elibrary.ru/kxdjye>
9. Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Книжный дом «Либриком»; 2016. 264 с.
10. Карпова Л.Л. Фонетические маркеры верхнечепецкого диалекта удмуртского языка. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2023;17(4):462–473. <https://www.elibrary.ru/zsxscyq>

Информация об авторе:

Елышев Владимир Валерьевич, аспирант Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (426034, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3482-5944>, SPIN-код: 3970-9260, elyshev.vladimir2016@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 01.08.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 14.10.2025.

REFERENCES

1. Ivanov V.A. On the Prospects of Writing in the Beserman Language. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2025;19(1):18–32. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2025-19-1-18-32>
2. Maksimov S.A. Besermyan-Komi Isoglosses as Evidence for Past Contacts between Peoples. *Linguistica Uralica*. 2025;(2):89–105. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.3176/lu.2025.2.02>
3. Sazhina S.A. Upper Kama Dialect of the Komi-Permyak Language: Peculiarities of Vocalism. *Bulletin of Ugric Studies*. 2024;14(3):489–497. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-3-489-497>
4. Kondratieva N.V., Sokolova O.L. Dynamic Processes in the Phonetic System of Present-Day Dialects of Udmurt (on the Material of Central Dialects). *Finno-Ugric World*. 2019;11(4):391–402. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.04.391-402>
5. Arkhangelskiy T.A. Application of Dialectometric Method to the Classification of Udmurt Dialects. *Ural-Altaic Studies*. 2021;(2):7–20. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/ttggdm>
6. Karpova L.L. [Dialects of the Northern Dialect of the Udmurt Language: Formation and Current State: Monograph]. Izhevsk; 2020. (In Russ.)
7. Karpova L.L., Lyukina N.M. Besermyan Language Characteristics in Northern Udmurt Dialects. *Bulletin of Udmurt University. Ser.: History and Philology*. 2023;33(6):1267–1279. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/ygtdaw>
8. Karpova L.L., Lyukina N.M. [On some Northern Udmurt Morphological Features in the Besermyan Language]. *Kazanskaya nauka*. 2025;(2):281–284. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/kxdjye>
9. Maytinskaya K.E. [Historical and Comparative Morphology of the Finno-Ugric Languages]. Moscow; 2016. 264 p. (In Russ.)
10. Karpova L.L. Phonetic Markers of the Upper Cheptsä Dialect of the Udmurt Language. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2023;17(4):462–473. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/zsxcyq>

Information about the author:

Vladimir V. Elyshev, Postgraduate Student of the Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (4 Lomonosova St., Izhevsk 426034, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3482-5944>, SPIN-code: 3970-9260, elyshev.vladimir2016@yandex.ru

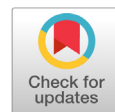
The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 01.08.2025; revised 06.10.2025; accepted 14.10.2025.

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ HISTORY, ETHNOGRAPHY, ARCHEOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.454-469><https://elibrary.ru/fjdbjb>

УДК / UDC 94:2-725

Оригинальная статья / Original article

Формирование духовной вертикали в процессе институционализации священнослужителей марийской традиционной религии в XX–XXI вв.

Р. А. Саберов^{1,2} ✉, Р. В. Шиженский^{3,4}¹ *Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», г. Москва, Российская Федерация*² *Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, г. Нижний Новгород, Российская Федерация*³ *Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*⁴ *Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Нижний Новгород, Российская Федерация*✉ saberow@yandex.ru

Аннотация

Введение. Организационное и правовое оформление системы управления марийской традиционной религией, начавшееся в XX в., приобрело легитимный статус в начале XXI в. с созданием Централизованной религиозной организации Марийской Традиционной Религии Республики Марий Эл. Ключевой проблемой исследования является отсутствие в научном дискурсе юридических и полевых источников, отражающих эволюционные механизмы формирования организационной структуры этнорелигии мари в рассматриваемый период. Знание этих механизмов необходимо для сохранения культурной идентичности, обеспечения правовой защищенности руководителей молений, выработки эффективных моделей управления и адаптации традиционных практик к современным социальным и законодательным реалиям. Цель исследования – определить вектор развития организационно-правовых форм института священнослужителей марийской традиционной религии в XXI в.

Материалы и методы. Исследование основано на архивных, полевых этнографических материалах, а также учредительных документах централизованной организации и местных общин марийской традиционной религии. В ходе работы авторы опирались на принципы историзма, цивилизационного и системного подходов, источниковедческий анализ документального материала, герменевтический метод и метод кейс-стади, что позволило определить особенности развития института служителей культа традиционной религии мари в изучаемый период.

Результаты исследования и их обсуждение. Активизация процесса возрождения марийской традиционной религии в 1990-е гг. сопровождалась становлением институциональной структуры и иерархической системы священнослужителей. К концу второго десятилетия XXI в. сформировалась устойчивая многоуровневая система иерархии, включающая юридическое оформление статуса священнослужителей и механизмы взаимодействия с государственными институтами. В настоящее время продолжается поиск правовых моделей для поддержания и легитимации деятельности служителей культа местных религиозных общин этнорелигии мари. Полученные данные свидетельствуют об исторической преемственности в эволюции марийской этнической традиции и ее организационно-правовых форм в соответствии с задачами гармоничного выстраивания государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации.

© Саберов Р. А., Шиженский Р. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. С началом XXI в. в процессе возрождения марийской традиционной религии в Республике Марий Эл наблюдается значительное укрепление институциональных структур и организационных компонентов этнорелигиозной системы мари. К концу 2010-х гг. была сформирована устойчивая иерархия уровней деятельности священнослужителей. Процесс институционализации обусловлен не только юридическим оформлением статуса служителей культа, но и созданием административного аппарата Централизованного религиозного объединения Марийской Традиционной Религии Республики Марий Эл. Данные меры способствовали структуризации религиозной системы, повышению ее легитимности и эффективности в реализации религиозных функций. Полученные результаты могут быть полезны для выстраивания государственно-конфессиональных отношений на уровне субъектов Российской Федерации, а также способны послужить отправной точкой для расширения географии поиска новых источников по рассматриваемой проблематике.

Ключевые слова: марийская традиционная религия, служитель культа, иерархия священнослужителей, религиозная организация, организационно-правовое оформление

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Саберов Р.А., Шиженский Р.В. Формирование духовной вертикали в процессе институционализации священнослужителей марийской традиционной религии в XX–XXI вв. *Финно-угорский мир*. 2025;17(4):454–469. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.454-469>

The Formation of a Spiritual Hierarchy in the Process of Institutionalization of Clergy in the Mari Traditional Religion (20th–21st Centuries)

R. A. Saberov ^{a, b} , R. V. Shizhensky ^{c, d}

^a National University of Science and Technology “MISIS”,
Moscow, Russian Federation

^b Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

^c Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation

^d Nizhny Novgorod branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

 saberow@yandex.ru

Abstract

Introduction. The organizational and legal formalization of the Mari Traditional Religion’s administrative system, which began in the 20th century, achieved legitimate status in the early 21st century with the establishment of the Centralized Religious Organization of the Mari Traditional Religion in the Republic of Mari El. A key research problem is the absence in scholarly discourse of both legal and field-based sources that reflect the evolutionary mechanisms behind the formation of the Mari ethnic religion’s organizational structure during this period. Understanding these mechanisms is essential for preserving cultural identity, ensuring the legal protection of prayer leaders, developing effective governance models, and adapting traditional practices to contemporary social and legislative realities. The aim of this study is to define the trajectory of development for the organizational and legal forms of the Mari traditional priesthood in the 21st century.

Materials and Methods. This study is based on archival records, field ethnographical materials, as well as the foundational documents of centralized organizations and local communities of the Mari traditional religion. In their work, the authors employed the principles of historicism, civilizational and systemic approaches, source analysis of documentary materials, the hermeneutic method, and the case-study method. This methodological framework enabled the identification of the specific characteristics in the development of the institution of clergy within the Mari traditional religion during the period under investigation.

Results and Discussion. The revival of the Mari traditional religion in the 1990s was accompanied by the establishment of an institutional structure and a hierarchical system of clergy. By the end of the second decade of the 21st century, a stable, multi-level hierarchical system had taken shape. This system includes the legal formalization of the clergy’s status and mechanisms for interaction with state institutions. Currently, the search continues for legal models to support and legitimize the activities of clergy serving local religious communities

within the Mari ethno-religion. The findings indicate a historical continuity in the evolution of the Mari ethnic tradition and its organizational-legal forms, aligned with the objectives of harmonizing state-confessional relations in the Russian Federation.

Conclusion. Since the beginning of the 21st century, the revival of the Mari Traditional Religion in the Republic of Mari El has been characterized by a significant strengthening of its institutional structures and organizational components. By the end of the 2010s, a stable hierarchy of clerical activity had been established. This process of institutionalization is attributed not only to the legal formalization of the clergy's status but also to the creation of an administrative apparatus within the Centralized Religious Association of the Mari Traditional Religion in the Republic of Mari El. These developments have contributed to a more structured religious system, enhancing its legitimacy and efficacy in performing religious functions. The findings of this study can inform the development of state-confessional relations at the level of constituent entities of the Russian Federation. Furthermore, they may serve as a starting point for expanding the geographical scope of research in search of new primary sources on this subject.

Keywords: Mari traditional religion, religious minister, hierarchy of religious ministers, religious organization, legal registration

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Sabarov R.A., Shizhensky R.V. The Formation of a Spiritual Hierarchy in the Process of Institutionalization of Clergy in the Mari Traditional Religion (20th–21st Centuries). *Finnno-Ugric World*. 2025;17(4):454–469. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.454-469>

Введение

Изучение развития марийской традиционной религии в XVIII – начале XXI в. включает в себя анализ вопросов, связанных со спецификой деятельности служителей культа, а также иерархией священнослужителей. В статье на основе архивных, полевых этнографических материалов рассматривается вопрос о закреплении социального и юридического статуса за марийским служителем культа – картом, онаен.

Генезис процесса юридического признания связан с революционными движениями 1917 г. и сохраняет актуальность в религиозных и правовых реалиях современной России (отметим, что процесс неоднократно приостанавливался в связи с фундаментальными последствиями важнейших исторических событий). Он проходил в три этапа:

I этап: в 1917 г. Первый Всероссийский Съезд Мари начал документальную фиксацию восходящего реформирования системы управления марийской традиционной религией;

II этап: в 1946 г. была предпринята попытка легализации марийского языческого культа наравне с прочими религиозными пережитками народов Советского Союза;

III этап: в 2007 г. в Уставе Централизованной религиозной организации Марийской Традиционной Религии Республики Марий Эл (ЦРО МТР РМЭ) произошло правовое закрепление иерархии и статусов «священства».

Процесс юридического закрепления статуса служителей культа этнорелигии мари в должной мере еще не освещен в исследовательских публикациях. Введение в научный оборот актуального полевого материала может позволить лучше понять современные тенденции развития организационной системы этнорелигии мари.

Целью статьи является определение тенденций в процессе закрепления юридического статуса священнослужителей марийской традиционной религии в XXI в. Территориальные рамки полевых исследований не выходят за границы Республики Марий Эл, вместе с тем анализ развития рассматриваемой проблемы охватывает Татарстан и Башкортостан.

В работе впервые публикуются полевые материалы Р. А. Сабарова по представленной проблематике, раскрывающие развитие института служителей культа этнорелигии мари в 2020-х гг., а также приводятся ранее не опубликованные сведения из Устава Централизованной религиозной организации Марийской Традиционной Религии Республики Марий Эл.

Исследование выполнялось на базе Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина в рамках подготовки Р. А. Саберовым диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4 – этнология, антропология и этнография (исторические науки), посвященной теме определения особенностей развития института жречества этнорелигии мари Среднего Поволжья в XVIII–XXI вв. и являющейся частью общей программы по сравнительному изучению институциональных форм жречества современного славянского язычества и этнических религий народов России (научный руководитель – доктор философских наук Р. В. Шиженский).

Обзор литературы

Развитие и современное состояние марийской традиционной религии остается актуальной темой российской историографии¹ [1; 2], при этом значительная часть работ посвящена изучению этнолингвистических особенностей народных верований, проблемам сохранения автохтонной религиозности и передачи мифологического знания в пространствах городского и деревенского социумов. К примеру, М. В. Куцаева, опираясь на полевые материалы, собранные в ходе социолингвистического обследования марийской диаспоры Московского региона, отмечает наличие в регионе марийцев «двоеверов» (православие – этническая религия), часть которых связывают автохтонный компонент своего религиозного мировоззрения с детскими воспоминаниями, фигурами старших родственников, а православный компонент – с обстоятельствами скорее внешнего плана, чем с внутрисемейными [3]. Работая над схожей тематикой по определению степени влияния монотеистических религий на этнические верования мари, ученые Р. Р. Садилов и А. С. Иликаев пришли к выводу об отсутствии прямой аналогии между этнической религией и народным христианством у восточных славян или исламо-христианским синкретизмом [4]. Такой подход еще больше актуализирует исследования по вопросам сохранения этнорелигиозной идентичности мари в разных регионах России. И. Л. Поздеев, анализируя собранные в деревнях полевые материалы, отмечает, что первостепенной задачей, стоящей в настоящее время перед удмуртскими марийцами, является сохранение этнокультурной самобытности и целостности [5].

Полученные исследователями выводы фиксируют схожесть проблем городской и деревенской части марийского социума, находящегося за пределами этнорелигиозной «ойкумены». Важно отметить, что трансляция этнокультурного наследия в настоящее время происходит по разным каналам, в том числе через современную живопись, музыку и кино [6]. Несмотря на наличие научного дискурса по вопросам, связанным с этническими верованиями мари, количество исследований, посвященных оформлению института служителей культа в XX–XXI вв., весьма незначительно [7; 8].

Г. Е. Шкалина в своей монографии детально исследует феномен марийского шаманизма, проводя комплексный анализ мировоззренческой специфики фигуры «юзо». Работа этнолога вносит существенный вклад в понимание специфики проактивного воздействия духовных лиц на верующих и религиозного сознания в традиции [9].

Вопросы развития автохтонной религиозной системы также детально исследуются в научной литературе. В ряде исследований подчеркивается, что шаманизм, более характерный для неземледельческих обществ, у марийского народа мог сохраниться частично вследствие раннего перехода к пашенному земледелию. Приводится оригинальная версия структуры управления религиозной общиной марийцев, в которой

¹ Тойдыбекова Л. Марийская языческая вера и этническое самосознание. Joensuu: Joensuun yliopistopaino; 1997. 397 с.

карты являются «приобщенными» (выборными руководителями молений) [10]. Так, динамику развития организационной структуры марийской традиционной религии на рубеже XX–XXI вв. представил в своей работе Э. В. Чемышев. Исследование позволяет понять специфику становления системы управления религиозными общинами марийской традиционной религии «от религиозно-культурологического, общественно-религиозного до чисто религиозного объединения к концу указанного периода, преодолевая внутренние разногласия» [11].

На основе полевых материалов, собранных в республиках Марий Эл и Башкортостан, были рассмотрены мифологические представления современных картов и зафиксированы основные каналы передачи сакрального знания внутри традиции марийских служителей культа [12].

В свою очередь, В. А. Егоровым актуализирован процесс становления марийской традиционной религии в общероссийском масштабе [13]. Отмечается уникальность религиозной ситуации в республике Марий Эл, где наряду с православием и исламом мирно существует традиционная религия, играющая значимую роль в сохранении культурных традиций мари. А. В. Бирюков изучил деятельность действующих в 2022 г. местных религиозных общин и установил примерную численность состоящих в организации служителей культа (более 100)².

Проблемное поле, связанное с институтом марийского жречества, нашло отражение в работах финских и венгерских ученых. Общим в подходах европейских коллег к изучаемому вопросу является анализ деятельности служителей культа этнорелигии мари через призму шаманизма [14; 15]. Отметим, что такое сопоставление является дискуссионным. По мнению Н. С. Попова, параллелизм между традиционным шаманизмом и «шаманизмом мари» возможен лишь на ранних этапах марийского этногенеза. Традиционная религиозность как новый мировоззренческий базис марийцев, актуализируемый с момента распада СССР и отказа от атеистической идеологии, проанализирована в работах С. Люерман. Автор ставит под сомнение секулярность советского периода: советская реальность была основана на ритуале, что сближает ее с религиозными сообществами [16; 17].

Несмотря на многостороннее изучение марийской традиционной религии, институт жречества по-прежнему требует тщательного анализа, особенно в условиях его современного развития. Отметим, актуальность темы нового жречества подтверждается исследованиями как в рамках финно-угорской этнической традиции, так и в общероссийском религиозном масштабе³ [18; 19].

Материалы и методы

Объектом исследования выступают организационные аспекты деятельности акторов этнорелигии мари, предметом – иерархия и юридический статус служителей культа в рассматриваемый период.

Исследование базируется на авторских полевых этнографических материалах (экспедиции проводились в Куженерском районе Республики Марий Эл), учредительных документах ЦРО МТР РМЭ. При сборе полевого материала посредством метода интервьюирования в качестве информантов выступили служители культа марийской традиционной религии разного статуса. По мнению авторов, представленная выборка может позволить приблизиться к общей характеристике священнослужителей

² Бирюков А.В. Централизованная религиозная организация Марийской Традиционной Религии Республики Марий Эл на современном этапе: результаты и перспективы развития. В: Марийская Традиционная Религия: история и современность: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной Году культурного наследия народов России. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; 2022. С. 472.

³ Шиженский Р. «И отец, и брат, и князь». Почему становятся язычниками в XXI веке [Электронный ресурс]. *Заповедник*. URL: https://zapovednik.space/material/i_otets_i_brat_i_knyaz (дата обращения: 13.08.2025).

этнорелигии в Республике Марий Эл. Все респонденты были проинформированы об участии в исследовании. Анализ полученных материалов позволяет зафиксировать действующий статус служителей культа, а также попытаться определить тенденции в развитии духовной вертикали этнорелигии мари.

В ходе работы авторы опирались на принцип историзма, цивилизационный и системный подходы, источниковедческий анализ документального материала. Использовались общенаучные (анализ, синтез, сравнение) и специальные методы. Применение герменевтического метода при анализе полевого материала во взаимосвязи с другими источниками позволило соотнести тексты интервью с общим контекстом описываемых в них событий, особенно по вопросам складывания и текущего уровня развития иерархии священнослужителей этнорелигии мари. С помощью метода кейс-стади был выделен и проанализирован отдельный элемент этнической религиозной системы мари – жречество в Республике Марий Эл в его современном состоянии. Такой подход, на наш взгляд, позволил более эффективно сформулировать вопросы интервью и получить глубокую информацию о латентных процессах и ранее не описанных механизмах складывания организационной структуры марийской традиционной религии.

Результаты исследования и их обсуждение

В конце XIX – начале XX в. традиционная форма организации марийского жречества представляла собой открытый социальный институт, имеющий двухуровневую структуру: совет стариков (старейшин) на локальной территории, определявший место и время проведения моления, характеристики приношения в священной роще, и служители культа карты, руководившие сакральной частью молений. При этом наличия централизованных форм организации автохтонной религии мари на большой территории (например, на уровне губернии) и закрепления жреческого статуса в этот период не наблюдалось. Толчок для активного развития традиционной религии мари в XX в. дали революционные события 1917 г. Необходимость в организации движения мари привела к появлению «Марий ушем», или «Обществ мари». Этнограф, лингвист, общественный деятель В. М. Васильев организовал «Черемисскую (Марийскую) секцию»⁴.

На 7-м заседании Первого Всероссийского Съезда Мари, состоявшемся 23 июля 1917 г., было принято постановление, согласно которому у «духовной организации мари» появилась официальная иерархия: 1) молитвенная община, куда входили жители нескольких селений; 2) Районное духовное правление мари (уезд); 3) Губернское духовное правление мари; 4) Центральное духовное правление, которое занималось религиозными вопросами мари по всей России⁵.

Центральное духовное правление – высший орган религиозной системы мари, устанавливающий сроки молений, выбирающий и обустривающий место для ритуалов, определяющий размер взносов на покупку жертвенных животных для паствы. Членами Правления выбирались четыре священнослужителя (онаен), а в случае отсутствия такого количества жрецов – два представителя духовенства и два светских лица, владеющих знаниями автохтонных обрядов и молитв. Также этот орган был высшей судебной инстанцией для верующих и служителей культа. Определялось, что жрецы должны быть «трезвые, некурящие и не увлекающиеся какими-либо удовольствиями, а искренними работниками для блага народа, чтобы таким образом были примером для других». В случае недовольства жрецами на них можно было подать жалобу в Центральное духовное правление⁶.

⁴ Сануков К.Н. Пробуждение. В: Первый Всероссийский Съезд Мари: протоколы и мат-лы. Йошкар-Ола; 2006. С. 3.

⁵ Протокол заседания 23 июля 1917 г. в г. Бирске Уфимской губернии. Заседание 7-е. В: Первый Всероссийский Съезд Мари: протоколы и материалы. Йошкар-Ола; 2006. С. 35–36.

⁶ Там же. С. 35, 38.

Члены Районного духовного правления мари имели право обсуждать вопросы, касающиеся уездов и губернии, наравне с представителями иных конфессий. Губернское духовное правление занималось «а) обсуждением чисто правового положения духовенства мари, б) установлением времени праздников, в) утверждением духовных лиц мари в их должности»⁷.

Также, согласно принятому постановлению, представители религии мари наделялись равными правами и «жалованием» со священнослужителями другой веры. Устанавливалось, что средства на содержание духовных лиц должна выделять религиозная община.

Подобные попытки трансформации многовековой жреческой традиции свидетельствуют о формировании следующих тенденций оформления юридического статуса и полномочий религиозных представителей мари: определение официальной иерархии, утверждение в должности, описание прав и обязанностей, вознаграждение, наделение представителей духовенства светскими полномочиями. Духовенство должно было принимать участие в местных государственных делах, заниматься ведением записи актов гражданского состояния (рождения, бракосочетания, развода, смерти)⁸.

Вместе с тем обозначенная инициатива шла вразрез с общественно-политическим курсом советского государства, поэтому съезды марийцев прекратились в конце 1918 г., а возобновили свое существование только в 1992 г. – тогда прошел III Съезд народа мари. «Марий Ушем» возродилось в 1990 г. (действует и в настоящее время – *Авт.*)⁹.

Возвращение к вопросу о закреплении особого статуса марийской традиционной религии происходит после завершения Великой Отечественной войны. В докладной записке заместителю председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгину «Об особенностях религиозного движения в Марийской АССР» от 28 мая 1946 г. председатель Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР Д. С. Полянский прямо указывает на тенденции, возникающие в кругах руководства Марийской АССР: «Имеется точка зрения о возможности легализации молений, о признании их проявлениями национальных особенностей народа мари. При этом указанные работники предполагают необходимым выдавать специальные разрешения на моления с присутствием на них представителей местной власти; свести до минимума убой скота и птицы во время молений; соответствующим образом “корректировать” выступления картов на молениях в плане призыва верующих к добросовестному выполнению государственных заданий; признать определенный круг картов служителями культа; принимать от верующих марийцев различные приношения (деньги, холст, шерсть, овчина и пр.) в фонд государства и т. д. Иначе говоря, фактически речь идет об узаконении остатков марийского языческого культа наравне с православным, мусульманским, сектантским и другими»¹⁰. Отметим, что данный вопрос рассматривался на совместном заседании Советов по делам религиозных культов и по делам Русской Православной Церкви, по итогам которого оба органа пришли к выводу о невозможности официальной легализации марийского языческого культа наравне с прочими религиозными культами¹¹.

Происходившие в XX столетии политические и социальные изменения внесли существенный вклад в процесс трансформации жреческой традиции. Это проявилось в попытках установления административной иерархии этнорелигии мари, официального статуса служителей культа с четким определением требований, предъявляемых

⁷ Протокол заседания 23 июля 1917 г. в г. Бирске Уфимской губернии. Заседание 7-е. В: Первый Всероссийский Съезд Мари: протоколы и материалы. Йошкар-Ола; 2006. С. 36.

⁸ Там же. С. 36–39.

⁹ Сануков К.Н. Пробуждение. С. 5.

¹⁰ Государственный архив республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. П-1. Оп. 6. Д. 93. Л. 173.

¹¹ Там же.

к кандидатам на эту «должность», и функционалом духовного лица. Однако этим планам не суждено было сбыться в годы советской власти, но вместе с тем они послужили толчком для последующего развития традиционной религии мари в конце XX – начале XXI в.

Лидерство в объединении представителей автохтонной религии мариЙцев с 2007 г. принадлежит вновь образованной Централизованной религиозной организации Марийской Традиционной Религии Республики Марий Эл¹². Верховным духовным лидером мариЙцев республики начиная с 1998 г. является А. И. Таныгин.

До 1 апреля 2017 г. ЦРО МТР РМЭ состояла из двух отделов. Первый – Совет старейшин – объединял руководителей молений и отвечал за религиозную составляющую деятельности организации; второй отдел – Совет Общин – исполнял административные функции. Число участников Советов не было постоянным и зависело от того, сколько в общинном представительстве человек (в среднем 20), которые обладали решающим правом голоса на ежегодных итоговых собраниях¹³. Отметим, что система организации схожа с ее историческими предшественниками XIX в. Например, тот же Совет стариков принимал решения за сновидца при его отсутствии.

1 апреля 2017 г. в Йошкар-Оле состоялось собрание глав и председателей местных религиозных общин марийской традиционной религии, где было принято решение об изменении структуры организации, вследствие чего появилось более четкое разделение религиозных и светских функций. Появилось Центральное духовное правление Марийской Традиционной Религии, на которое возложили административные, юридические и финансовые задачи: организацию молений, сотрудничество с органами госвласти, решение юридических проблем и вопросов¹⁴. Возглавил этот орган В. Ф. Смирнов, ранее бывший главой Общины Марийской Традиционной Религии «Марий кумалтыш» г. Йошкар-Олы Республики Марий Эл. С 2020 г. ЦРО МТР РМЭ руководит А. В. Бирюков, одновременно возглавляя вышеупомянутую Местную религиозную организацию. Подчеркнем, что, согласно Уставу ЦРО МТР РМЭ (пункты 4.1, 4.2.7) в редакции 2020 г., в структуре организации выделяются: Собрание Общин, Духовный совет, Правление, Ревизионная комиссия; к руководству относятся Глава организации, Верховный карт (избираемые на Собрании Общин)¹⁵.

К предметам ведения Духовного совета, являющегося постоянным коллегиальным органом ЦРО, относятся «вопросы религиозной жизни, вероисповедания, вероучения, религиозной практики Марийской Традиционной Религии» (пункт 4.3.1)¹⁶. В состав членов Духовного совета, согласно Уставу ЦРО МТР РМЭ (пункт 4.3.2), входят священнослужители, выдвинутые зарегистрированными местными религиозными организациями в лице их представителей (минимальное представительство – два делегата от каждой местной религиозной организации). В полномочия Духовного Совета входят вопросы «о возложении или снятии духовного сана Карта (священника) Марийской Традиционной Религии, о запрете или разрешении осуществлять деятельность Карта (священника) Марийской Традиционной Религии» (пункт 4.3.6)¹⁷.

Руководителем и председателем Духовного совета с момента его создания и по настоящее время является Верховный духовный лидер мари Республики Марий Эл, Верховный карт А. И. Таныгин.

¹² Полевые материалы автора (далее – ПМА) 2012–2013 гг.: марийский карт, заместитель Верховного карта А. И. Рукавишников, 1950 г. р., пос. Куженер Куженерского района Республики Марий Эл.

¹³ Там же.

¹⁴ Верховный карт мариЙцев РТ: «Раньше в деревнях на одной половине жили православные, а на другой – некрещеные» [Электронный ресурс]. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/61317-obschina-mariyskih-yazychnikov-vybrali-sebe-predsdatelya-cro> (дата обращения: 13.03.2018).

¹⁵ Устав Централизованной религиозной организации Марийской Традиционной Религии Республики Марий Эл, протокол Собрания Общин от 5 сентября 2020 г. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 6.

¹⁷ Там же. Л. 6.

По состоянию на 2024 г. данное разделение сохраняется, о чем свидетельствуют сами служители культа. В частности, онаен А. И. Рукавишников отмечает: «Важно учитывать, что в Централизованной религиозной организации закрепилось деление вопросов на хозяйственные и духовные. Александр Иванович Таныгин ведет духовные. Как тогда (решение о данном организационно-функциональном разделении было принято в 2017 г. – *Авт.*) сложилось данное деление, так оно и прижилось»¹⁸. (Здесь и далее в статье все ответы респондентов приводятся без изменений, с сохранением авторской стилистики и грамматики – *Ред.*). Представленный тезис подтверждается и действующей редакцией Устава ЦРО МТР РМЭ¹⁹.

В августе 2020 г. была зарегистрирована Централизованная религиозная организация Марийской Традиционной Религии Республики Башкортостан, главой которой с 2023 г. по настоящее время является Е. А. Семенов. Верховным картот был избран Г. П. Пастиев.

А. И. Рукавишников отмечает, что традиционная религия мари активно развивается в регионах Российской Федерации с компактным проживанием марийцев не только в Марий Эл и Башкирии («Сегодня в Башкирии тоже есть Централизованная религиозная организация и главный карт, все как у нас. Если я правильно помню, сейчас в Башкортостане семь общин. “Борются” между общинами за условное первенство, соревновательность у них в крови»), но и в республиках Татарстан и Удмуртия, Свердловской области, менее масштабно и фрагментарно – в Нижегородской области²⁰.

В 2021 г. со стороны руководителей ЦРО МТР Республики Марий Эл предпринимались определенные действия для получения для марийской традиционной религии федерального статуса общероссийского религиозного движения, создания межрегиональной организации. Для легитимизации такого положения необходимо было соответствующее решение Министерства юстиций Российской Федерации. Положительное решение принято не было [13].

В настоящее время статус священнослужителя, Верховного карта и другие институциональные характеристики, механизмы их закрепления, уровень полномочий определены учредительными документами централизованной и местной религиозной организации марийской традиционной религии: Уставом ЦРО МТР РМЭ, протоколом Собрания Общин от 5 сентября 2020 г. и Уставом Местной религиозной организации Марийской Традиционной Религии «Община Марийской Традиционной Религии “Марий кумалтыш”» той административно-территориальной единицы, в которой она зарегистрирована.

Согласно Уставу ЦРО МТР (пункт 4.6.1), высшим духовным лицом, священнослужителем является Верховный Карт (Тўн Онаен, Тўн Карт), который в рамках исполнения своих обязанностей осуществляет «руководство работой Духовного совета, координирует работу и взаимодействие священнослужителей Марийской Традиционной Религии, участвует в выработке решений, высказывает свою официальную позицию по вопросам деятельности ЦРО»²¹. Срок полномочий Верховного карта – пожизненный. В случае возникновения причин, делающих невозможным исполнение обязанностей лицом, занимающим эту должность (уход из жизни, нахождение под судом и др.), Духовный совет обязан под председательством старейшего его представителя избрать Местоблюстителя Престола Верховного карта и назначить дату и срок проведения процедуры избрания нового духовного лидера (пункт 4.6.2)²².

¹⁸ ПМА 2012–2013 гг.: марийский карт, заместитель Верховного карта А. И. Рукавишников, 1950 г. р., пос. Куженер Куженерского района Республики Марий Эл.

¹⁹ Устав Централизованной религиозной организации Марийской Традиционной Религии Республики Марий Эл, протокол Собрания Общин от 5 сентября 2020 г. Л. 5.

²⁰ ПМА 2024 г.: марийский карт, заместитель Верховного карта А. И. Рукавишников, 1950 г. р., Куженерский район Республики Марий Эл.

²¹ Устав Централизованной религиозной организации Марийской Традиционной Религии республики Марий Эл, протокол Собрания Общин от 5 сентября 2020 г. Л. 8–9.

²² Там же. Л. 9.

В пункте 5 Устава Местной религиозной организации также прописан ряд критериев, предъявляемых к служителям культа: «верующий, получивший божественное благословение, пользующийся общественным доверием и признанием его религиозных знаний, способностей и заслуг перед верующими в организации и проведении ритуалов и молений». Устав также определяет официальные «титуты» представителей религиозного культа: «онаенг, карт (карт кутыза)», порядок утверждения на «должность» священнослужителя и его смещения с «поста»²³. Отметим, что в предъявляемых к избираемому требованиях можно выделить «перекрестные» социальные и сакральные критерии (например, «пользующийся общественным доверием и признанием» – «получивший божественное благословение»).

В свою очередь, Устав ЦРО МТР РМЭ закрепляет требования, предъявляемые к человеку, входящему в сан карта: «Священнослужителем Организации является священнослужитель, пользующийся общественным доверием, признанием его религиозных знаний, способностей и заслуг перед верующими в его местной религиозной организации, кандидатура которого утверждена Духовным советом». Устав ЦРО МТР также предусматривает механизмы лишения титула священнослужителя в случае утраты доверия решением Собрания Общин (пункт 5.6)²⁴. Такой механизм в определенной степени позволяет обеспечить систему сдержек и противовесов между структурами ЦРО МТР (светскими и духовными), поскольку Собрание Общин состоит из делегатов от местных религиозных общин (руководитель общины и священнослужитель или иные уполномоченные лица) – пункт 4.2.2²⁵. Предусмотрена и система ежегодной отчетности картов Верховному карту (о своей работе и выполнении поручений, поставленных задач) – пункт 5.4²⁶.

Анализ учредительных документов позволяет сделать вывод о значительном продвижении мари в вопросах легитимации священнослужителей в XXI в., вместе с тем принятие статусов и иерархии, закрепленных в документах в среде адептов этнорелигии мари, может иметь достаточно длительный характер и неопределенный ряд авторских интерпретаций.

Одним из важнейших звеньев типологизации духовных лидеров мари является специфика иерархии служителей культа не только на юридическом уровне, но и при непосредственном отправлении культа. По словам респондента Рукавишникова, «клир» мариийской этнорелигии состоит из трех уровней.

На первом – Верховый карт (Тўн онаен), первосвященник, который занимается основополагающими вопросами моления (порядок, организация, чтение молитв, контроль ритуальной трапезы). Вторая ступень иерархической лестницы отдана «рядовым священникам» – картам. Третья – учо, помощникам, которые занимались разведением и поддержанием костров. Отдельно от общей системы существуют также казначеи, которые занимаются исключительно финансовыми вопросами.

В отношении количества и функций помощников служителя культа мариийский карт Л. И. Горинов отмечает: «Их может быть сколько угодно, но обычно, чтобы не мешать друг другу, семь человек (нечетное число). Их называют “учо”. Они отвечают за приготовление ритуальной пищи, поддержание огня, за соблюдение необходимых обрядов в допустимых для них пределах. Как правило, помощников меняют редко. Они также помогают карту на обряде, связанном с проверкой угодности богам приносимой жертвы. Надо отметить, что у нас все делается с ориентиром на нечетные

²³ Проект устава Местной религиозной организации Мариийской Традиционной Религии «Община Мариийской Традиционной Религии «Мариий кумалтыш» Республики Мариий Эл [Электронный ресурс]. URL: <https://mariuver.info/rus/soc/relig/pagan/registracija.html> (дата обращения: 13.08.2019).

²⁴ Устав Централизованной религиозной организации Мариийской Традиционной Религии Республики Мариий Эл, протокол Собрания Общин от 5 сентября 2020 г. Л. 10.

²⁵ Там же. Л. 5.

²⁶ Там же. Л. 10.

числа. Допустим, количество досок на столе, стоящем перед священным деревом, может быть 3, 5, 7, 9, 11 и так далее. Раньше мне приходилось наблюдать во многих местах беседки, где располагаются казначеи (лица, ответственные за финансовую сторону обряда, к примеру, принимающие денежные требы – *Авт.*), были четырехугольные. В этом году (2013 г. – *Авт.*) мы сделали пятиугольную беседку. Это связано с древним мари́йским календарем, в котором было только пять дней. Сегодня это так же отождествляется с количеством ритуальных костров – пять»²⁷. Последние исследования в отношении использования дефиниций «жертва», «жертвоприношение» применительно к этнорелигии мари указывают на отсутствие в религиозной картине мира данных понятий [20].

В настоящее время существует и административная структура в составе ЦРО МТР РМЭ – Совет старейшин, который включает в себя в качестве представителей священнослужителей из разных общин. В силу этого фактора вторая ступень иерархии, несмотря на ее неизменность, имеет определенное расширение, о чем свидетельствует служитель культа А. И. Рукавишников: «Все осталось так же. Главный карт – Районный главный карт – Глава общины (он может совмещать со статусом главного районного карта, как у меня в Куженере, в Сернуре также, в Мари-Турке уже отдельно, в Параньге тоже отдельно) – карты»²⁸. Подчеркнем, что в Уставе ЦРО МТР статусы «районный священнослужитель», «главный карт общины» не установлены, вместе с тем, согласно пункту 5.3, «священнослужителю ЦРО МТР может быть определен территориальный округ его ответственности за состояние духовной работы среди верующих»²⁹.

Следует также учесть, что в функционально-административном плане на верхнем уровне может выделяться позиция «заместитель Верховного карта». Такое деление присутствует, например, в Централизованной религиозной организации Мари́йской Традиционной Религии Республики Башкортостан. Обязанности заместителя Верховного карта по перспективному развитию мари́йской религии выполняет карт Краснокамского района Республики Башкортостан В. И. Исаков³⁰. Позицию заместителя выделяет и Верховный карт мари Республики Мари́й Эл А. И. Таныгин: «У меня есть заместители, курирующие различные вопросы»³¹. Отметим, что Устав ЦРО МТР РМЭ должность заместителя Верховного карта не устанавливает.

Между тем иерархия среди представителей мари́йского духовенства традиционной религии является условной³². Показательны в этом отношении примеры, которые приводят и другие информанты: «Институт служителей культа имеет открытую структуру. Есть Верховный карт и карты общин, эта система прослеживается довольно четко. Но если имеется служитель культа возрастом выше, к примеру, мне 70 лет, а другому 80 лет, то его слово для меня является законом. Я обязательно должен учитывать его мнение, подчиняться ему. Даже на собраниях Совета картов наиболее старший служитель культа имеет больший вес, к примеру, я имею право одного голоса, а старший три. Такой принцип принят у мари́йцев испокон веку»³³; «Институт

²⁷ ПМА 2013 г.: карт д. Ирмарь Л. И. Горинов, 1955 г. р., д. Нурсола Куженерского района Республики Мари́й Эл.

²⁸ ПМА 2024 г.: мари́йский карт, заместитель Верховного карта А. И. Рукавишников, 1950 г. р., Куженерский район Республики Мари́й Эл.

²⁹ Устав Централизованной религиозной организации Мари́йской Традиционной Религии республики Мари́й Эл, протокол Собрания Общин от 5 сентября 2020 г. Л. 10.

³⁰ Абукаева Л.А. Предисловие. В: Мари́йская Традиционная Религия: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной Году культурного наследия народов России. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; 2022. С. 8.

³¹ ПМА 2013 г.: Верховный карт республики Мари́й Эл А. И. Таныгин, 1943 г. р., д. Нурсола Куженерского района Республики Мари́й Эл.

³² ПМА 2012–2013 гг.: мари́йский карт, заместитель Верховного карта А. И. Рукавишников, 1950 г. р., пос. Куженер Куженерского района Республики Мари́й Эл.

³³ ПМА 2013 г.: Верховный карт республики Мари́й Эл А. И. Таныгин, 1943 г. р., д. Нурсола Куженерского района Республики Мари́й Эл.

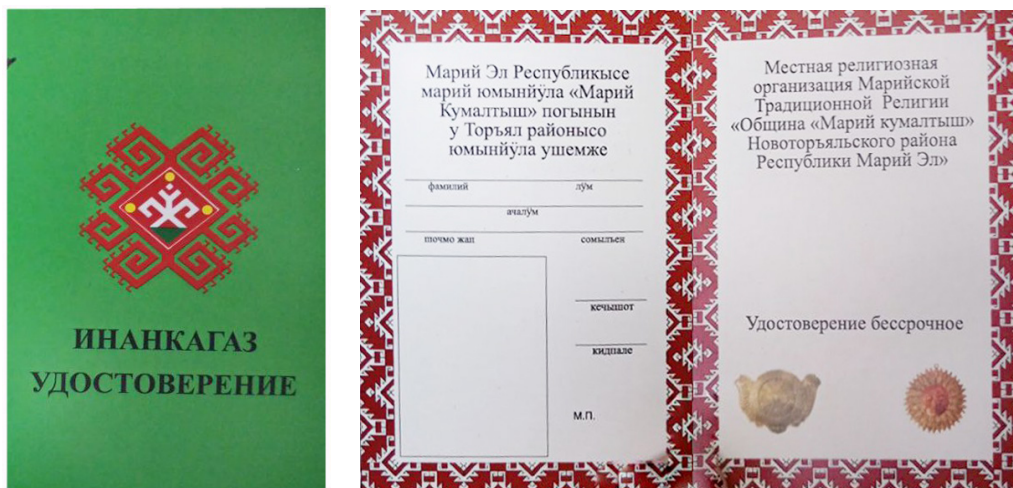
картов представляет собой открытую структуру, свободную, было бы желание. Мы стараемся помогать человеку, выбравшему путь служителя культа»³⁴.

Факт того, что механизмы легитимации священнослужителей на юридическом уровне закреплены Уставом ЦРО МТР РМЭ, подтверждает введение удостоверения служителей культа мари местной религиозной организации Марийской Традиционной Религии, имеющего бессрочный характер (в соответствии со сложившейся традицией срока полномочий карта). А. И. Рукавишников при демонстрации бланка отмечает: «Это один из образцов удостоверения (рис. 1). Сейчас большинство общин удостоверение такого образца делает. Это удостоверение дается только карту. Пожалуй, это в какой-то степени документ, то есть статус юридический появляется потихоньку. То есть юридический статус поднимается. Есть определенные процедуры посвящения в служители культа»³⁵. В удостоверении указываются: местная религиозная организация Марийской Традиционной Религии, Община «Марий кумалтыш» района, выдавшего документ, ФИО получателя, дата рождения, статус («ранг») служителя культа «сомылъен» (в переводе с марийского – «жрец», букв. *сомыл* ‘дело’ + *ен* ‘человек’), дата вручения удостоверения «кечышот» и подпись «кишпале», указано место проставления печати.

Внутреннее разграничение статусов священнослужителей, проводящих моление, отчасти может производиться визуально. Головной убор марийского карта, одновременно являющегося главой общины, может содержать отличительную эмблему. Остальные атрибуты традиционного облачения священнослужителя и сегодня остаются без изменений.

В настоящее время можно провести сразу несколько градаций священнослужителей: по официальному положению в религиозной организации марийской традиционной религии (согласно учредительным документам ЦРО МТР РМЭ), по вхождению в определенный уровень управления религиозными вопросами марийской традиционной религии (например, заместитель Верховного карта), по разделению обязанностей при проведении молений.

Так, иерархия священнослужителей, закрепленная Уставом ЦРО МТР Республики Марий Эл, включает всего два уровня: Верховный карт (Түн онаен, Түн карт) мари республики и карт(ы) (онаен) местных религиозных общин.

Р и с. 1. Удостоверение марийского карта. Автор изображения Р. А. Саберов
F i g. 1. The Mari priest passport. Image by R. A. Sabarov

³⁴ ПМА 2013 г.: карт д. Ирмарь Л. И. Горинов, 1955 г. р., д. Нурсола Куженерского района Республики Марий Эл.

³⁵ ПМА 2024 г.: марийский карт, заместитель Верховного карта А. И. Рукавишников, 1950 г. р., Куженерский район Республики Марий Эл.

В отличие от указанной официальной иерархии служителей культа, структура, уточняемая нами в ходе полевых исследований, соответствует запросам современности, отвечает на вызовы времени и решает задачи, возникающие в процессе бытования марийской традиционной религии. Соответственно, неофициальное «иерархическое древо» священнослужителей более пространно и вариативно по своей структуре (рис. 2).

Высшее положение занимают Верховный карт мари Республики Марий Эл, глава Духовного совета ЦРО МТР РМЭ (по состоянию на март 2025 – А. И. Таныгин), Верховные карты мари в регионах: в Республике Татарстан – О. А. Третьяков (Почетный председатель Региональной общественной организации «Национально-культурная автономия марийцев Республики Татарстан»), в Республике Башкортостан – Г. П. Пастиев. По данным авторов, в настоящее время в Республике Татарстан отсутствуют зарегистрированные местные общины и централизованная религиозная организация марийской традиционной религии.

Назначение заместителей по различным направлениям деятельности происходит в соответствии с решением Верховного карта, однако заместителей может и не быть.

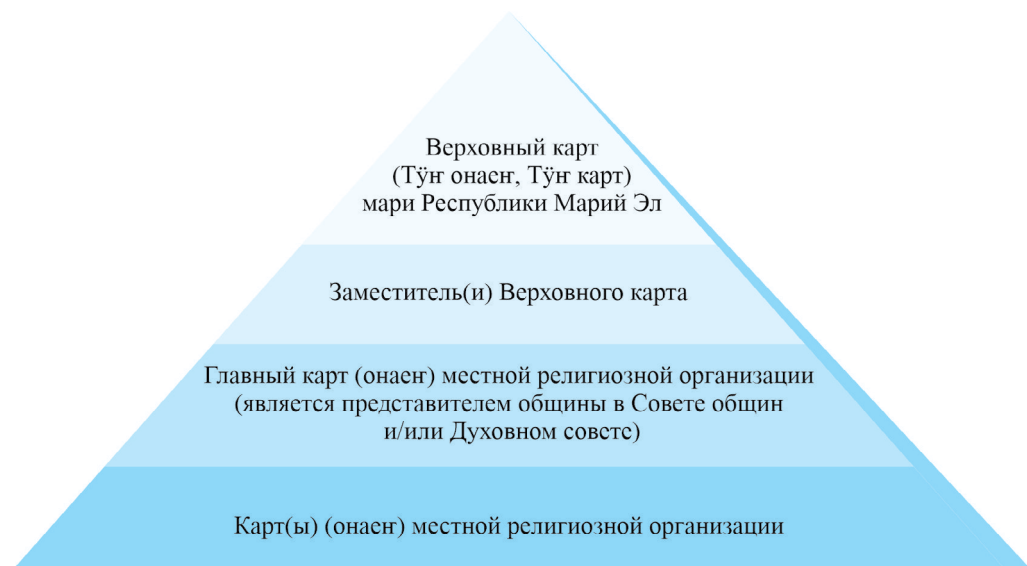
На следующем уровне находятся служители культа общин местных религиозных организаций марийской традиционной религии в районах. Они имеют право совмещать духовный статус с административным (глава общины), представлять интересы местной организации в Духовном совете ЦРО МТР РМЭ.

Далее следуют священнослужители местных религиозных организаций (общин).

Наиболее многочисленный «низовой ранг» служителей культа (в основном работающих с паствой) представлен духовными лидерами, не обладающими официальным титулом и удостоверением, но в полной мере отвечающими критериям, предъявляемым верующими к священнослужителям этнорелигии мари. Установление количества представителей данного уровня иерархии в настоящее время не представляется возможным.

Заключение

С началом процесса возрождения марийской традиционной религии в 1990-е гг., оформления ее официального статуса начинают укрепляться и организационные составляющие религиозной системы – сообщества священнослужителей. Постепенно на

Р и с. 2. Организационная иерархия служителей культа (онаен, картов) марийской традиционной религии

F i g. 2. The Organizational Hierarchy of the priests (onaen, kartov) in the Mari Traditional Religion

Источник: составлено автором.

Source: Compiled by the author.

верхнем организационном уровне складывается определенная иерархия служителей культа мари, действующая в рамках многовековой этнической мировоззренческой традиции.

К концу второго десятилетия XXI в. сложилась устойчивая система вертикального и горизонтального уровней функционирования священнослужителей марийской традиционной религии. Это связано и с юридическим оформлением статуса служителей культа, и с созданием административного корпуса ЦРО МТР РМЭ, в том числе обеспечивающего взаимодействие с государственными органами власти (яркий пример – вхождение Верховного карта мари Республики Марий Эл А. И. Таныгина в состав Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Главе Республики Марий Эл, такие Советы действуют и на уровне муниципальных районов и городских округов).

Собранные в ходе проведения исследования полевые материалы по вопросам развития института служителей культа марийской традиционной религии в первой четверти XXI в. (часть из которых впервые вводится в научный оборот), а также учредительные документы ЦРО МТР РМЭ свидетельствуют, с одной стороны, об исторической преемственности этнической традиции, с другой – об эволюции организационных форм этнорелигии мари в соответствии с задачами государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации.

Результаты исследования могут позволить лучше понять специфику развития марийской традиционной религии, что даст возможность повысить уровень межнационального и межконфессионального согласия в российском социуме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абукаева Л.А. Концептосфера марийской этнической религии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; 2024. 364 с.
2. Алыбина Т.И. Трансформация марийской религиозной традиции в постсоветский период: дисс. ... докт. философии (этнологии). Тарту; 2017. 219 с.
3. Куцаева М.В. Православно-языческий синкретизм в религиозной жизни марийской диаспоры московского региона. *Живая старина*. 2023;(1):46–50. <https://www.elibrary.ru/vytzla>
4. Садиков Р.Р., Иликаев А.С. К проблеме дефиниции религиозных систем финно-угорских народов Поволжья. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2023;17(3):408–418. <https://www.elibrary.ru/fuzhno>
5. Поздеев И.Л. Марийцы Удмуртии: факторы сохранения традиционной культуры в современных условиях. *Научный диалог*. 2021;(12):380–395. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-12-380-395>
6. Егоров В.А. Марийская традиционная религия и современное искусство. *Личность. Культура. Общество*. 2024;26(1–2):71–78. <https://www.elibrary.ru/dlikcb>
7. Саберов Р.А. Поиск вектора развития института служителей культа марийской традиционной религии в 1950–1960-е гг. (по материалам Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории). *Финно-угорский мир*. 2025;17(1):90–98. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.090-098>
8. Шиженский Р.В., Саберов Р.А. К вопросу об особенностях функционала религиозных лидеров современного язычества: русско-марийские параллели. *Казанская наука*. 2015;(9):61–63. <https://www.elibrary.ru/umeuyj>
9. Шкалина Г.Е. Священный мир марийский. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство; 2019. 303 с.
10. Попов Н.С. К вопросу о становлении и развитии традиционной марийской религии. *Финно-угроведение*. 2020;(61):148–157. <https://www.elibrary.ru/rcowjv>
11. Чемышев Э.В. Традиционные марийские верования на рубеже XX–XXI вв. *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2021;(1):109–119. <https://www.elibrary.ru/zmwygh>
12. Устьянцев Г.Ю. Религиозно-мифологические представления марийского жречества: боги, души и иные миры. *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2025;8(2):10–30. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2025-8-2-10-30>
13. Егоров В.А. Автохтонная марийская традиционная религия как возможная общероссийская традиционная религия. В кн.: *Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования: моногр.* Под ред. Р. В. Шиженского. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта; 2023. С. 40–54. <https://www.elibrary.ru/zyjnuw>
14. Хоппал М. Шаманы – культуры – знаки. Тарту: Научное изд-во ЭЛМ; 2015. 240 с.
15. Харва У. Верования и мифология народов Северной Евразии. М.: Клуб Касталия; 2022. 354 с.
16. Luerhmann S. Recycling Cultural Construction: Desecularisation in Postsoviet Mari El. *Religion, State & Society*. 2005;33(1): 35–56. <https://doi.org/10.1080/0963749042000330857>

17. Luerhmann S. A Dual Struggle of Images on Russia's Middle Volga: Icon Veneration in the Face of Protestant and Pagan Critique. In: Ch. Hann, H. Goltz (eds) *Eastern Christians in Anthropological Perspective*. Berkeley: University of California Press; 2010. P. 56–78.
18. Хвастунова Ю.В. Современное тенгрианство (на примере версии тенгрианства В. А. Сата в Республике Алтай). *Colloquium Heptaplomeres*. 2018;(5):33–43. <https://www.elibrary.ru/vrvbog>
19. Катаева Е.Ю., Никитина О.Н. Удмуртское язычество на территории республики конца 20 – начала 21 вв. В: Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Вып. IV. Красноярск: Инновационный центр развития образования и науки; 2017. С. 14–19. <https://www.elibrary.ru/zxlqtf>
20. Абукаева Л.А. Молитвенные обращения приверженцев марийской этнической религии: формы и смыслы. *Финно-угорский мир*. 2025;17(2):140–151. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.02.140-151>

Информация об авторах:

Саберов Рушан Анвярович, старший преподаватель кафедры социальных наук и технологий Национального исследовательского технологического университета «МИСИС» (119049, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 4, стр. 1), старший преподаватель кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1502-3718>, SPIN-код: 3600-9212, saberow@yandex.ru

Шиженский Роман Витальевич, доктор философских наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра религиозных и этнополитических исследований Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (196605, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д. 10, лит. А), руководитель научно-исследовательской лаборатории этнорелигиозных исследований Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС (603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 46), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8765-2241>, SPIN-код 8358-7337, heit@inbox.ru

Вклад авторов:

Р. А. Саберов – формулирование идеи исследования, целей и задач; разработка методологии исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; создание и подготовка рукописи: написание черновика, включая перевод на иностранный язык; создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации; визуализация результатов исследования и полученных данных.

Р. В. Шиженский – формулирование идеи исследования, целей и задач; контроль, лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации; проверка воспроизводимости результатов исследования в рамках задач работы.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 11.08.2025; одобрена после рецензирования 29.09.2025; принята к публикации 03.10.2025.

REFERENCES

1. Abukaeva L.A. [The Conceptosphere of the Mari Ethnic Religion]. Yoshkar-Ola; 2024. 364 p. (In Russ.)
2. Alybina T. I. [Transformation of the Mari Religious Tradition in the Post-Soviet Period: Dissertation ... Dr.Sci. (Philos.)]. Tartu; 2017. 219 p. (In Russ.)
3. Kutsaeva M.V. [Orthodox Pagan Syncretism in the Religious Life of the Mari Diaspora of the Moscow Region]. *Zhivaya starina*. 2023;(1):46–50. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/vytzla>
4. Sadikov R.R., Ilikaev A.S. On Issue of Defining Religious Systems of Finno-Ugric Peoples of Volga Region. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2023;17(3):408–418. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/fuzhno>
5. Pozdeev I.L. Mari of Udmurtia: Factors of Preserving Traditional Culture in Modern Conditions. *Nauchnyi dialog*. 2021;(12):380–395. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-12-380-395>
6. Egorov V.A. [Mari Traditional Religion and Modern Art]. *Personality. Culture. Society*. 2024;26(1–2):71–78. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/dlikcb>
7. Saberov R.A. Exploring the Developmental Trajectory of the Institution of Clergy in the Mari Traditional Religion in the 1950s–1960s (Based on Materials from the Mari Research Institute of Language, Literature, and History). *Finno-Ugric World*. 2025;17(1):90–98. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.090-098>
8. Shizhensky R.V., Saberov R.A. [On the Question of the Functional Features of Religious Leaders of Modern Paganism: Russian-Mari Parallels]. *Kazanskaya nauka*. 2015;(9):61–63. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/umeuyj>

9. Shkalina G.E. [The Sacred World of the Mari]. Yoshkar-Ola; 2019. 303 p. (In Russ.)
10. Popov N.S. To the Question of Formation and Development of Mari Traditional Religion. *Finno-Ugrovedenie*. 2020;(61):148–157. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/rcowjv>
11. Chemyshev E.V. Traditional Mari Beliefs at the Turn of the XX–XXI Centuries. *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2021;(1):109–119. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/zmwgyh>
12. Ustyantsev H.Yu. Religious and Mythological Beliefs of the Mari Priesthood. Gods, Souls and Other Worlds. *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*. 2025;8(2):10–30. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2025-8-2-10-30>
13. Egorov V.A. Autochthonous Mari Traditional Religion as a Possible All-Russian Traditional Religion. In: Shizhensky R.V. (ed) [Paganism in Modern Russia: Experience of Interdisciplinary Research]. Kaliningrad; 2023. P. 40–54. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/zyjnuv>
14. Hoppal M. [Shamans – Cultures – Signs]. Tartu; 2015. 240 p. (In Russ.)
15. Harva W. [Beliefs and Mythology of the Peoples of Northern Eurasia]. Moscow; 2022. 354 p. (In Russ.)
16. Luerhmann S. Recycling Cultural Construction: Desecularisation in Postsoviet Mari El. *Religion, State & Society*. 2005;33(1): 35–56. <https://doi.org/10.1080/0963749042000330857>
17. Luerhmann S. A Dual Struggle of Images on Russia's Middle Volga: Icon Veneration in the Face of Protestant and Pagan Critique. In: Ch. Hann, H. Goltz (eds) *Eastern Christians in Anthropological Perspective*. Berkeley: University of California Press; 2010. P. 56–78.
18. Khvastunova Yu.V. [Modern Tengrianism (on the Example of V. A. Sat's Version of Tengrianism in the Altai Republic)]. *Colloquium Heptaplomeres*. 2018;(5):33–43. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/vrvbog>
19. Kataeva E.Yu., Nikitina O.N. [Udmurt Paganism in the Republic of the Late 20th and Early 21st Centuries]. In: [Humanities: Issues and Development Trends: Collection of Scientific Papers Based on the Results of the International Scientific and Practical Conference]. Issue IV. Krasnoyarsk; 2017. P. 14–19. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/zxlqtf>
20. Abukayeva L.A. The Prayer Invocations of Adherents of the Mari Ethnic Religion: Forms and Meanings. *Finno-Ugric World*. 2025;17(2):140–151. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.02.140-151>

Information about the authors:

Rushan A. Saberov, Senior Lecturer of the Departments of Social Sciences and Technologies, National University of Science and Technology “MISIS” (bld. 1, 4 Leninsky Prospekt, Moscow 119049, Russian Federation), Departments of Russian History and Auxiliary Historical Disciplines, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (1 Ulyanova St., Nizhny Novgorod 603005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1502-3718>, SPIN-code: 3600-9212, saberow@yandex.ru

Roman V. Shizhensky, Dr.Sci. (Philos.), Chief Scientific Officer of the Scientific Research Center for Religious Studies and Ethnopolitical Studies, Pushkin Leningrad State University (bld. A, 10 Petersburg highway, St. Petersburg 196605, Russian Federation), Head of the Research Laboratory of Ethno-Religious Research, Nizhny Novgorod branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (46 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod 603950, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8765-2241>, SPIN-code: 8358-7337, heit@inbox.ru

Authors' contribution:

R. A. Saberov – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; development of methodology; conducting a research and investigation process, specifically performing the data; preparation and creation of the published work, specifically writing the initial draft (including substantive translation); preparation and creation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision – including pre- or post-publication stages; presentation of the published work, specifically data visualization.

R. V. Shizhensky – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; oversight and leadership responsibility for the research activity planning and execution, including mentorship external to the core team; conducting a research and investigation process, specifically performing the data; preparation and creation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision – including pre- or post-publication stages; verification, whether as a part of the activity or separate, of the reproducibility of results and other research outputs and other research outputs.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 11.08.2025; revised 29.09.2025; accepted 03.10.2025.

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ HISTORY, ETHNOGRAPHY, ARCHEOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.470-480><https://elibrary.ru/eigcto>

УДК / UDC 94:316.36

Оригинальная статья / Original article

Законодательное и обычно-правовое регулирование браков и разводов у язычников Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Ш. Н. Исянгулов*Уфимский федеральный исследовательский центр РАН,
г. Уфа, Российская Федерация
isangul-schamil@mail.ru*

Аннотация

Введение. В современный период в условиях кризиса института семьи и брака отмечается усиление правового регулирования бракосочетаний и разводов. В связи с этим растет научный интерес к изучению регламентации семейно-брачных отношений со стороны Российского государства в прошлые столетия, в том числе у различных этноконфессиональных групп населения. В данном контексте исследование регулирования брачных и бракоразводных процессов у язычников Уфимской губернии в пореформенный период имеет большое значение – оно во многом позволяет показать не только динамику отечественного законодательства и семейно-брачных обычаев язычников края, но и выявить особенности процесса интеграции части финно-угорских народов в Российское государство. Цель исследования – изучить регулирование бракосочетаний и разводов у язычников Уфимской (до 1865 г. – Оренбургской) губернии в законодательстве Российской империи и обычном праве во второй половине XIX – начале XX в.

Материалы и методы. Статья подготовлена на основе впервые вводимых в научный оборот неопубликованных документов центральных и местных учреждений: департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, канцелярии генерал-губернатора, губернского правления, а также с привлечением Свода законов Российской империи, Полного собрания законов Российской империи. В работе применены такие методы исследования, как историко-генетический, историко-юридический, хронологический, позволившие показать динамику в законодательном регулировании браков и разводов у язычников Уфимской губернии в рассматриваемый период и изменения, произошедшие в обычно-правовой практике данной сферы. На основе сравнительно-исторического метода демонстрируется особый статус язычников в отличие от других конфессий.

Результаты исследования и их обсуждение. Выявлена главенствующая роль обычно-правовых норм в регулировании браков и разводов у язычников, в законодательном плане семейно-брачные отношения язычников Уфимской губернии в пореформенный период регулировались относительно слабо: регламентировался лишь возраст вступления в первый брак юношей и девушек. Вхождение язычников в состав Башкирского войска в 1855 г. предполагало жесткий контроль за их семейной жизнью. В частности, именно военное начальство в кантонный период управления (1855–1865 гг.) давало разрешение на развод, в это же время начался переход к правовому регулированию семейно-брачных отношений у язычников края. В пореформенный период разводы, по предписанию генерал-губернатора, должны были решаться на сельском сходе. На практике решения о разводе при согласии обеих сторон принимал суд стариков, при несогласии – сельский сход. В правовом отношении вплоть до 1917 г. браки и разводы у язычников Уфимской губернии не регулировались: бракосочетание и бракоразводный процесс в основном

© Исянгулов Ш. Н., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

регламентировались не законами, а местными подзаконными актами, часто противоречащими официальному праву. Вмешательство государства в сферу семейно-брачных отношений оставалось минимальным. **Заключение.** Сделанные автором выводы глубже раскрывают политико-правовое положение язычников Уфимской губернии в Российской империи с середины XIX по начало XX в., показывают динамику законодательства и обычно-правовой практики в области семейно-брачных отношений у язычников края. Полученные результаты способствуют дальнейшему изучению политики в отношении семьи и брака у финно-угорских народов края и страны.

Ключевые слова: язычники Уфимской губернии, брачно-семейные отношения, правовое регулирование браков и разводов, марийцы, удмурты

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Исянгулов Ш.Н. Законодательное и обычно-правовое регулирование браков и разводов у язычников Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в. *Финно-угорский мир.* 2025;17(4):470–480. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.470-480>

Statutory and Customary Law in Governing Marriage and Divorce among Pagan Populations in the Ufa Province from the Mid-19th to the Early 20th Century

Sh. N. Isyangulov

*Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Ufa, Russian Federation
isangul-schamil@mail.ru*

Abstract

Introduction. In the contemporary context, characterized by a crisis of the institutions of family and marriage, there has been a corresponding intensification of legal governance concerning matrimony and dissolution. This trend has spurred growing scholarly interest in the historical regulation of familial and marital relations by the Russian state in previous centuries, including its application among diverse ethno-confessional populations. Within this framework, an examination of the regulation of marital and divorce proceedings among the pagan communities of the Ufa province during the post-reform period is of considerable significance. Such an investigation offers critical insights not only into the evolution of domestic legislation and local pagan matrimonial customs but also helps to elucidate the distinctive features of the integration process of certain Finno-Ugric peoples into the imperial state structure. The aim of this study is to examine the regulation of marriage and divorce among the pagan population of the Ufa province (before 1865, the Orenburg province) through both imperial Russian legislation and customary law during the late imperial period (second half of the 19th and early 20th centuries).

Materials and Methods. This article is based on previously unpublished documents from central and local institutions, specifically, the Department of Spiritual Affairs of Foreign Faiths of the Ministry of Internal Affairs, the Office of the Governor-General, and the Provincial Administration, which are being introduced into scholarly discourse for the first time. The research also draws upon the Code of Laws of the Russian Empire and the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The study employs research methods such as the historical-genetic, historical-legal, and chronological approaches, which have made it possible to demonstrate the dynamics of the legislative regulation of marriages and divorces among pagans in the Ufa province from the second half of the 19th to the early 20th century, as well as the changes that occurred in the customary legal practices of this sphere. The comparative-historical method was used to illustrate the differences between the status of pagans and that of other confessions.

Results and Discussion. The predominant role of customary law norms in regulating marriage and divorce among pagans has been identified. From a legislative standpoint, the marital and family relations of pagans in the Ufa Province during the post-reform period were regulated relatively weakly: only the age for entering a first marriage for young men and women was subject to regulation. The incorporation of pagans into the Bashkir Host in 1855 implied strict control over their family life. In particular, it was the military command during the cantonal period of administration (1855–1865) that granted permission for divorce. This period also marked the beginning of the transition to legal regulation of marital and family relations among the local pagans. During the post-reform period, divorces, by order of the Governor-General, were to be decided

at a village assembly. In practice, decisions on divorce, with the consent of both parties, were made by a council of elders; in the absence of such consent, the matter was resolved by the village assembly. In legal terms, until 1917, the marriages and divorces of pagans in the Ufa Province remained unregulated by statute: matrimony and divorce proceedings were primarily governed not by laws, but by local by-laws, which often contradicted official law. State intervention in the sphere of marital and family relations remained minimal.

Conclusion. The author's conclusions provide a more profound insight into the politico-legal status of pagans in the Ufa Governorate within the Russian Empire from the mid-19th to the early 20th century, revealing the dynamics of legislation and customary legal practices in the sphere of family and marital relations among the local pagan population. The obtained results contribute to the further study of policy regarding family and marriage among the Finno-Ugric peoples of the region and the country.

Keywords: Pagans of Ufa province, marriage and family relations, legal regulation of marriage and divorce, Mari, Udmurts

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Isyangulov Sh.N. Statutory and Customary Law in Governing Marriage and Divorce among Pagan Populations in the Ufa Province from the Mid-19th to the Early 20th Century. *Finno-Ugric World*. 2025;17(4):470–480. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.470-480>

Введение

В настоящее время в Российской Федерации проводится активная государственная политика по защите семьи, материнства и детства, традиционных семейных ценностей. В условиях противостояния западным ценностным установкам усиливается роль законодательства в регулировании семейно-брачных отношений, положение семьи и брака в современном обществе требует большей поддержки и внимания со стороны государства. В связи с этим наблюдается рост научного интереса к законодательному и обычно-правовому регулированию брачно-семейных отношений в России, в том числе в дореволюционный период. До 1917 г. данная сфера находилась под жестким контролем со стороны государства и церкви. В исследованиях, посвященных имперскому семейному праву или дореволюционной семье, подробно рассмотрена регламентация бракосочетаний и разводов у православного, мусульманского и иного населения, однако отдельные конфессиональные группы, в том числе язычники, в данном контексте остаются малоизученными. Язычники, будучи сторонниками традиционных религиозных верований, относились к категории населения, чья семейная жизнь до 1917 г. находилась в сфере правового регулирования в крайне незначительной степени. Уровень влияния российского законодательства, роль обычно-правовых норм в семейно-брачной сфере языческого населения Уфимской губернии недостаточно разработаны в научной литературе.

Цель исследования – изучение законодательного и обычно-правового регулирования брачных и бракоразводных процессов у язычников Уфимской (до 1865 г. – Оренбургской) губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Обзор литературы

Дореволюционные исследователи значительное внимание уделяли брачно-семейным обычаям язычников Уфимской губернии. Ценные сведения содержатся в работах В. М. Черемшанского, И. М. Казанцева, И. Н. Смирнова, В. И. Филоненко, У. Холмберга и др., в которых можно обнаружить данные о роли общины, суда стариков (шаригатчиков) в брачных и бракоразводных делах у язычников. В частности, суд стариков производил развод, определял возможность женитьбы младшего брата на вдове старшего. Также ученые обращали внимание на такие специфичные явления, как распространенность полигамии, умыканий, левирата, сорората, ранних

браков у юношей и поздних – у девушек и др.¹ Однако в дореволюционных работах практически нет информации о регулировании браков и разводов у язычников на законодательном уровне.

В этнографических работах советского и постсоветского периодов прежде всего изучались традиционные семейные обряды и обычаи. Вопросы регулирования бракосочетаний и разводов в обычном праве язычников также получили определенное освещение. В первую очередь отмечалась роль общины в семейных делах².

В последние годы исследователи вновь обратили внимание на особенности бракосочетаний и разводов у язычников Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в. [1; 2]³. Так, работы Д. Н. Миграновой по брачности язычников основаны на обработке метрических книг [3–5]. Ряд авторов освещает этнографические особенности обычно-правового регулирования браков и разводов у финно-угорских народов, в том числе и у язычников [6–8]. В постсоветский период увидели свет работы, посвященные анализу брачно-семейного законодательства Российской империи [9], однако в них язычникам уделяется недостаточное внимание. По мнению современных исследователей, язычество в Российской империи «почти совсем не регулировалось государством»⁴ [10; 11]. Таким образом, вопросы вмешательства государства в брачно-семейную сферу языческого населения, в том числе Уфимской губернии, в пореформенный период остаются малоизученными.

В настоящей статье рассматривается регулирование бракосочетаний и разводов у язычников Уфимской губернии в законодательстве Российской империи и обычном праве во второй половине XIX – начале XX в. Для достижения данной цели необходимо изучить законодательство, регулирующее бракосочетания и разводы у язычников Уфимской губернии; исследовать локальное своеобразие брачных и бракоразводных обычаев язычников.

Материалы и методы

В качестве источников в работе использованы Свод законов Российской империи, Полное собрание законов Российской империи, неопубликованные циркуляры, предписания центральных учреждений: департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, рапорты местных органов – канцелярии генерал-губернатора, губернского правления и др.

Комплекс источников, касающийся брачно-семейной сферы язычников, отложился в архивах за вторую половину 1850-х – первую половину 1860-х гг., когда с 1855 по 1865 г. тептяри⁵ входили в состав Башкирского войска⁶. В этот период семейная

¹ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа: Тип. Оренбургского губернского правления; 1859. С. 189–191; Казанцев И.М. Описание башкирцев. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза»; 1866. С. 73–76; Смирнов И.Н. Черемисы: историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Имп. ун-та; 1889. С. 121–145; Смирнов И.Н. Вотяки: историко-этнографический очерк. В: Известия Общества ареологии, истории и этнографии при Имп. Казанском ун-те. Т. 8, вып. 2. Казань: Тип. Имп. ун-та; 1890. С. 128–172; Мендиаров Г. О черемисах Уфимской губернии. *Этнографическое обозрение*. 1894;(3):34–53; Филоненко В. Погребальные и свадебные обряды черемис Уфимской губернии. *Вестник Оренбургского учебного округа*. 1912;(2):36–42; Садиков Р.Р., Хафиз К.Х. Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга). Уфа: Институт этнологических исследований УНЦ РАН; 2010. С. 79–82; Свадебные обряды марийцев: сб. мат-лов. Сост. О. А. Калинина. Йошкар-Ола; 2021. С. 361–382.

² Никитина Г.А. Сельская община – бускель – в пореформенный период (1861–1900 гг.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН; 1993. 160 с.; Шитова С. Марийцы. В кн.: Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа: Гилем; 2002. С. 371.

³ Садиков Р.Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). Уфа: Первая типография; 2016. 276 с.

⁴ Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. Пер. с англ. Н. Мишаковой, М. Долбилова, Е. Зуевой и авт. М.: Новое литературное обозрение; 2012. С. 20.

⁵ Тептяри – особая сословная группа, куда входили марийцы и удмурты-язычники.

⁶ В 1798–1865 гг. для башкир и мишарей в Оренбургской губернии и ряде соседних губерний существовала кантонная (военная) форма управления, было создано Башкиро-мещеряцкое войско, преобразованное в 1855 г. в Башкирское войско. В том же году на военное положение были переведены и тептяри.

жизнь населения, переведенного на военное положение, находилась под жестким административным контролем. В связи с этим потребовалось определенное изучение семейно-брачных отношений у тептярей-язычников. Следующий комплекс архивных источников относится к середине 1880-х гг., когда обнаружились правовые пробелы в семейно-брачном законодательстве Российской империи относительно язычников. Ряд центральных учреждений, прежде всего Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД, а также Уфимское губернское правление, обсуждал необходимость юридического регулирования бракосочетаний и разводов у язычников. Данные документы впервые вводятся в научный оборот.

В исследовании используются специальные исторические методы: историко-юридический, историко-генетический, хронологический, позволившие проследить изменения в регулировании браков и разводов у язычников края в законодательстве и обычно-правовой практике с середины XIX по начало XX в.; сравнительно-исторический, применение которого предполагает сравнение язычников с положением других конфессий; а также универсальные методы (анализ, синтез, обобщение и др.).

Результаты исследования и их обсуждение

В дореволюционный период в Уфимской (до 1865 г. – Оренбургской) губернии традиционную языческую веру сохраняли прежде всего марийцы и удмурты, а также незначительное число чувашей. По материалам Всеобщей переписи 1897 г., 98,5 % населения, придерживающегося остальных нехристианских исповеданий в Уфимской губернии, составляли представители финно-угорских народов, в том числе марийцы – 77,2 %, удмурты – 21,3 %. Более 85 % язычников проживало в Бирском уезде (83,7 тыс. чел.). В Белебеевском, Мензелинском, Стерлитамакском и Уфимском уездах большинство язычников также составляли марийцы. В Златоустовском уезде язычников не было⁷. В 1886 г. в губернии насчитывалось 92,9 тыс. чел. язычников (4,8 % от всего населения), к началу 1915 г. – 134,5 тыс. (4,1 %) ⁸. По удельному весу язычников во всем населении Уфимская губерния занимала уникальное положение, являясь самым языческим регионом в Европе⁹.

Как известно, семейно-брачные отношения в дореволюционный период в Российской империи регламентировались нормативными актами, вошедшими в первую книгу X тома Свода законов «Законы гражданские». Их изучение и анализ позволяет сделать вывод о том, что они намного меньше касались языческого населения, чем представителей других конфессий. В частности, ст. 90 вышеуказанной книги звучала так: «Каждому племени и народу, не выключая и язычников, дозволяется вступать в брак по правилам их закона или по принятым обычаям, без участия в том гражданского начальства или Христианского духовного правительства»¹⁰. Таким образом, брак у язычников регламентировался их традиционными обычаями и обрядами.

В 1855 г. языческое население Оренбургской губернии, относившееся к сословию тептярей, вошло в Башкирское войско. Генерал-губернатор Оренбургской губернии в своем отчете императору за 1855 г. предлагал для язычников распространить ст. 93 «Законов гражданских» издания 1842 г. (ст. 91 издания 1857 г. и последующих лет), запрещающую вступать в брак мусульманам и евреям до достижения женихом 18, а невестой 16 лет. Александр II на данном пункте отчета поставил вопрос: «Что по сему представленного предполагается решить?» Кроме распространения действия ст. 93 на

⁷ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XLV: Уфимская губерния. Тетрадь 2. СПб.: Тип. М. Д. Ломковского; 1904. С. 44–57.

⁸ Обзор Уфимской губернии за 1886 год. Уфа: Тип. губернского правления; 1887. С. 23; Обзор Уфимской губернии за 1914 год. Уфа: Губернская Электрическая типография; 1916. С. 8.

⁹ История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Уфа: Гилем; 2007. Т. 2. С. 41.

¹⁰ Свод законов Российской империи (в издании 1857 года). Т. X. Ч. I. Законы гражданские. СПб.: Тип. II отделения Собственной его императорского величества канцелярии; 1857. С. 18.

язычников, генерал-губернатор для определения возраста брачующихся предполагал также введение метрических книг для данной категории населения¹¹. Метрические книги действительно были введены в 1857 г.¹² [1], однако в законодательстве никаких изменений по поводу брачного возраста и вообще бракосочетания у язычников Уфимской губернии вплоть до 1917 г. не появилось. Очевидно, власть в данной сфере руководствовалась ст. 3 «Законов гражданских». Несмотря на то, что она была помещена в первой главе, касающейся лиц православного исповедания, пункт 3б подтверждал, что возрастные ограничения брачного возраста (18 для жениха и 16 для невесты) касались практически всего населения империи, за исключением «природных жителей» Закавказья¹³. Об этом, в частности, свидетельствует и рапорт командующего Башкирским войском Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору от апреля 1864 г.¹⁴ [4].

В кантонный период управления (1798–1865 гг.) семейная жизнь башкир и мишарей, мусульман по вероисповеданию, находилась под жестким контролем военных властей: юртовых старшин, кантонных начальников, попечителей, наконец, командующего Башкирским войском. Прежде всего он давал специальные разрешения мусульманам на полигамные бракосочетания [2]. Можно предположить, что такие же разрешения на полигамные браки давало военное начальство с 1855 г. и язычникам, однако документов, подтверждающих это, не обнаружено. Известно, что допускаемые традицией многоженство и развод сами язычники считали исконно народными обычаями, отличающими их в первую очередь от православного населения и служащими, по мнению самих язычников, определенным препятствием для перехода в православие¹⁵.

Брачные обычаи язычников к середине XIX в. кратко могут быть охарактеризованы следующим образом: 1) у марийцев и удмуртов имело место многоженство, но оно было мало распространено; 2) браки между кровными родственниками (экзогамия) не допускались; 3) иногда встречалась женитьба «на двух родных сестрах не только после смерти одной из них, но и при жизни обеих» (сорорат и сороральная полигиния); 4) бытовал левират: женитьба младшего брата на вдове старшего, старший же брат не мог жениться на вдове младшего; 5) браки совершались «без всяких религиозных обрядов»; 6) существовала плата за невесту (калым)¹⁶. Эти обычаи сохранились и в пореформенный период¹⁷.

Таким образом, бракосочетания у язычников Оренбургской (Уфимской) губернии имперским законодательством практически не регламентировались, они совершались согласно традиционным народным обычаям и обрядам.

Несколько иная ситуация складывалась в сфере бракоразводов. С переходом тептярей на военное положение (с 1855 по 1865 г.) контроль за процессом разводов у язычников губернии осуществлялся юртовыми старшинами и попечителями кантонов. С введением «Положения о башкирах» от 14 мая 1863 г. бракоразводные дела решал сельский сход, при имущественных спорах разводящихся – волостной суд и общие судебные места¹⁸. При этом, согласно «Положению о башкирах», данного права у сельского схода не было¹⁹, разрешение на решение бракоразводных дел у язычников ему дал Оренбургский и Самарский генерал-губернатор А. П. Безак²⁰.

¹¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 515. Оп. 8. Д. 1826. Л. 1–2; РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 570. Л. 1.

¹² Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13016. Л. 2.

¹³ Свод законов Российской империи (в издании 1857 года). Т. X. Ч. I. Законы гражданские. С. 1.

¹⁴ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13016. Л. 3 об.

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 570. Л. 5 об.

¹⁶ Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее – ОГАОО). Ф. Ф-167. Оп. 1. Д. 34. Л. 3 об., 7; РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 570. Л. 5 об.; НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13016. Л. 2–2 об.

¹⁷ Смирнов И.Н. Черемисы: историко-этнографический очерк. С. 121–145; Смирнов И.Н. Вотяки: историко-этнографический очерк. С. 128–172.

¹⁸ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13016. Л. 4 об. – 5.

¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVIII. Отделение 1. 1863 г. Ч. 2. Ст. 39622. СПб.: Тип. II отделения собственной его императорского величества канцелярии; 1866. С. 447.

²⁰ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13016. Л. 6.

На практике в разных уездах губернии ситуация с разводами складывалась неодинаково. Наиболее архаичные обычаи бракоразводов в 1880-е гг. были зафиксированы в населенных пунктах Бирского уезда, входящих в первый полицейский стан. Здесь в случае, если инициатором развода являлся муж, он мог прогнать жену из дома и объявлял об этом однообщественникам. Было возможно, что в таком случае муж уже считался разведенным. Жена, «пожелавшая развода», тайно уходила от мужа к родителям. С тех пор супруги считались в разводе²¹. Никаких специфических обрядов религиозного характера не существовало, влияние общины и соседей ощущалось слабо.

В Белебеевском, Бирском, Мензелинском, Стерлитамакском уездах губернии первоначально дело разбирали старики (медиаторы) – по три человека с каждой стороны; обычно присутствовал и сельский староста. Старики пытались примирить супругов. Во втором стане Бирского уезда сельский староста в состав третейского суда из шести человек вводил еще одного. Этот суд выносил решение о разводе, определял, в каком размере и когда муж должен вернуть приданое жене, а жена с родственниками – выплаченный за нее калым мужу, также суд постановлял, с кем должны остаться дети. Во втором и четвертом станах этого же уезда при отсутствии согласия мужа на развод (если инициатором являлась жена), она уходила от мужа ни с чем. Если же в аналогичной ситуации развод требовал муж, то он должен был предоставить ей отдельную квартиру и содержать за свой счет. В данном случае он имел право жениться на другой, но бывшая жена выйти замуж не могла. Сыновья оставались с отцом, дочери – с матерью²².

В Белебеевском уезде суд стариков предоставлял право несогласной стороне взять в виде вознаграждения имущество супруга – инициатора развода. Нередкими были случаи, когда инициатор развода оставлял все имущество супругу, при этом у мужа могли остаться дочери, а у жены – сыновья. Развод оформлялся в письменном виде, с подписями не только разводящихся, но и судей, а также сельского старосты. При этом сельский сход дело не рассматривал²³. По нашему мнению, в данном случае языческий обычай испытал очевидное влияние шариата – мусульманского права. Как известно, у мусульман при разводе по инициативе жены она выплачивала мужу вознаграждение из своего имущества²⁴. Однако у язычников Белебеевского уезда не только жена оставляла мужу все свое имущество, но и наоборот, муж отдавал жене свою собственность, чего не было у мусульман края.

При несогласии одного из супругов на развод дело обычно передавалось на решение сельского схода. В Уфимском уезде и пятом стане Бирского уезда суд стариков не получил распространения, здесь дело с самого начала бракоразводного процесса вел сельский сход. Если сельское общество состояло из лиц разного вероисповедания, то обычно на сельском сходе принимали участие только язычники. Более того, в третьем стане Бирского уезда в многонациональных общинах сельские сходы собирались только однонациональные. Так, если разводящиеся – марийцы, то на сельском сходе принимали участие только язычники-марийцы, а язычники-удмурты (однообщественники) не участвовали, как и наоборот²⁵. В Мензелинском уезде решение сельского схода о разводе считалось окончательным и обжалованию не подлежало²⁶.

Ритуал расторжения брака у марийцев середины XIX в. заключался в символическом разрыве полотенца на две части. Согласно этнографическим описаниям, разводящихся

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 642. Л. 16–16 об.

²² Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 642. Л. 14–19 об.

²³ Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 642. Л. 15 об. – 16.

²⁴ Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом (XVIII – первая половина XIX в.). Уфа: Китап; 1997. С. 72.

²⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 642. Л. 14–14 об., 15, 18, 19.

²⁶ Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 642. Л. 15.

супругов ставили спинами друг к другу, после чего посредник (медиатор) разрывал полотенце, которое они держали; «при этом разводящиеся должны толкнуть ногами друг друга и разойтись, не оглядываясь, в разные стороны». У удмуртов-язычников обычай был иным: медиатор разрывал полотенце без дополнительных действий супругов²⁷.

В 1880-е гг. в Уфимском уезде после решения сельского схода один из жителей давал в руки супругов концы полотенца и разрезал его ножом пополам²⁸. В Мензелинском уезде после постановления суда «посредников» обряд развода исполняло «местное духовное лицо», «разрывая на две части полотенце», одна часть которого отдавалась мужу, другая – жене. Развод записывался в метрическую книгу²⁹.

После объявления развода жена, согласно обычаю удмуртов-язычников, не могла войти в дом бывшего мужа, а ее имущество при медиаторах выбрасывалось на улицу³⁰.

Таким образом, у язычников Уфимской губернии в пореформенный период бракоразвод производился с небольшими местными отклонениями по двум сценариям: 1) если оба супруга были согласны на развод, то его рассматривал третейский суд (суд стариков); 2) если развод инициировал только один из супругов, то его рассматривал сельский сход. При имущественных спорах дело могло дойти до волостного суда и общих судебных мест.

Уфимский уездный исправник доносил, что «расторжение браков у язычников бывает очень редко, почему и определенных правил ими не выработано»³¹. Разнообразие народных обычаев, касающихся бракоразвода, отсутствие «правил» порядка расторжения браков у язычников в имперском законодательстве вызывали затруднения в повседневной деятельности местных властей. В силу этого в 1885 г. уфимский губернатор обратился в департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД за разъяснениями. В столице слабо разбирались в особенностях языческого вероисповедания у марийцев и удмуртов губернии. По мнению департамента, ст. 90 «Законов гражданских» (вступление в брак по местным обычаям без участия гражданских властей) вполне разумно распространить и на другие семейные дела, в данном случае на бракоразводы. Так как у других язычников, в частности у буддистов (ламаистов), брачно-семейные дела решало высшее духовное лицо – лама (согласно ст. 1260 ч. 1 т. 11 «Свода законов»), то департамент склонялся к распространению этой практики и на язычников Уфимской губернии. Учитывая, что по «Положению о башкирах» от 1863 г. сельскому сходу не было предоставлено право решения бракоразводных дел, департамент посчитал, что распоряжение Оренбургского и Самарского генерал-губернатора А. П. Безака от 1864 г. «лишено достаточного законного основания». В связи с этим Министерство внутренних дел высказалось так: «дела о расторжении браков между язычниками подлежат ведению духовенства без всякого участия в разрешении оных как гражданского начальства, так и сельских сходов»³². Однако МВД не учло, что у язычников губернии духовенство как таковое практически отсутствовало³³.

Согласно источникам, и в конце XIX в. бракоразводные дела у язычников по-прежнему рассматривал суд стариков (шаригатчиков), а не представители духовенства³⁴. Брачно-семейные отношения язычников решались на основе традиционных обычаев в рамках общины. Данная ситуация в начале XX в. начала

²⁷ ОГАОО. Ф. Ф-167. Оп. 1. Д. 34. Л. 4, 7.

²⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 642. Л. 14–14 об.

²⁹ Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 642. Л. 14 об. – 15.

³⁰ ОГАОО. Ф. Ф-167. Оп. 1. Д. 34. Л. 7.

³¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 642. Л. 14 об.

³² Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 642. Л. 5–6 об.

³³ Там же. Ф. 796. Оп. 205. Д. 570. Л. 1 об. – 2.

³⁴ Садилов Р.Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). С. 256–258.

вызывать у современников определенные опасения. Так, один из корреспондентов газеты «Уфимские губернские ведомости» в 1905 г. признавался, что брачные и бракоразводные дела у язычников находятся в «хаотическом» состоянии. Он отмечал, что у язычников Уфимской губернии в семейно-брачной сфере «нет никаких руководящих данных», в отличие от мусульман, придерживающихся шариата. Типичными случаями при разводе у язычников, по мнению корреспондента с инициалами Л. Ч., были следующие: если оба согласны на развод, «супруги удаляются в другую избу, а шаригатчики, обсудив мотивы развода, приступают к разделу имущества между супругами, причем каждая сторона отстаивает свои интересы и очень часто шаригатчики доходят до такого азарта, что вступают между собой в драку, тогда сельский староста разгоняет всех» и дело об имуществе поступает на разрешение волостного суда. В случае же несогласия мужа на развод, жена уходит к «деревенскому начальнику» или сотскому, «который обязан заботиться о ее пропитании, помещает ее сегодня к одному домохозяину, завтра к другому и т. д., пока черед не дойдет опять до первого». Переход «мирской вдовы» от одного дома к другому продолжался нередко достаточно долгое время, «наконец, общество, тяготясь этой лишней обузой, выходит из терпения и начинает требовать от мужа развода, грозит возложить на него убытки по содержанию его жены и в заключение составляет приговор о разводе». Были возможны случаи неподчинения мужа решению сельского схода. Тогда жена оказывалась в еще худшем положении: спасалась бегством без средств к существованию и без детей. Дело в том, заключал корреспондент, что «право схода не санкционировано законом, а потому условий и может быть не признано». По его мнению, вновь учрежденная Государственная Дума в своей деятельности должна была обратить внимание на пробелы в законодательстве семейно-брачной сферы у марийцев и удмуртов Уфимской губернии: «Необходимо изменить и упорядочить ненормальную постановку бракоразводных дел язычников»³⁵. Однако Государственная Дума вплоть до 1917 г. не внесла в данную область никаких изменений [7; 8].

Таким образом, брачные и бракоразводные дела у язычников Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в. в правовом отношении оставались недостаточно регламентированными. В законодательстве бракосочетание у язычников регулировалось не специальными, а лишь общими для нескольких исповеданий статьями, а разводы – только местными подзаконными актами, нередко противоречащими общеимперским юридическим нормам. В целом семейно-брачные отношения у язычников строились согласно народным обычаям и обрядам.

Заключение

Семейно-брачные дела у язычников Оренбургской (затем – Уфимской) губернии слабо регулировались имперским законодательством. Вопрос контроля над данной сферой возник после того, как тептяри-язычники в 1855 г. вошли в состав Башкирского войска и стали на короткое время военным сословием. Семейная жизнь башкир и мишарей (мусульман по вероисповеданию) в кантонный период управления находилась под жестким контролем военных властей. Общие для всех правовые нормы, касающиеся возраста жениха и невесты (что потребовало введения метрических книг), распространились и на язычников. В целом и в кантонный, и в пореформенный период браки у них совершались согласно народным обычаям и традициям.

В кантонный период разрешение на развод язычникам предоставляло военное начальство, впоследствии эти компетенции перешли к сельскому сходу, что было определено не законом, а предписанием Оренбургского генерал-губернатора. На практике в 1860–1880-е гг. бракоразводные дела у язычников рассматривал либо

³⁵ Л.Ч. Не забудьте о язычниках. *Уфимские губернские ведомости*. 1905;(211):2–3.

суд стариков (если оба супруга были согласны на развод), либо сельский сход (если один из супругов был против), при спорных случаях – волостной суд и общие судебные учреждения. В середине 1880-х гг. была предпринята попытка правового урегулирования разводов у язычников, однако решение департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД о передаче рассмотрения бракоразводного процесса язычников духовенству не было удачным и не могло быть исполнено. Вплоть до 1917 г. разводы по-прежнему производились решениями суда стариков и сельского схода. Между тем право сельского схода на решение дела о разводе супругов так и не было санкционированным и являлось таким образом незаконным.

В силу редкости и спорного характера разводы у язычников (в отличие от бракосочетаний) Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в. регулировались региональными подзаконными актами. Отмечалось возрастание степени вмешательства сельского схода и сельской администрации в бракоразводные дела. Процесс регламентации семейно-брачных отношений у язычников края со стороны государства, активизировавшийся в 1850-е гг., до 1917 г. не был завершен и оставался нерешенным.

Таким образом, исследование динамики законодательства в области семейно-брачных отношений у язычников края и обычно-правовой практики позволяет углубить научные знания и представления об уровне интеграции данной части финно-угорских народов в Российское государство во второй половине XIX – начале XX в., а также полнее раскрыть особенности политико-правового положения язычников Уфимской губернии в Российской империи в рассматриваемый период. Результаты исследования могут быть применены при дальнейшем изучении развития семьи и брака у финно-угорских народов страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исянгулов Ш.Н. Разводы у язычников Уфимской губернии в пореформенный период. *Проблемы востоковедения*. 2022;(2):27–34. <https://doi.org/10.24412/2223-0564-2022-2-27-34>
2. Исянгулов Ш.Н. Полигамные браки мусульман и язычников в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX века. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2024;(4):157–168. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.52.11>
3. Мигранова Д.Н. Брачные союзы тептярей-язычников Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: анализ возрастной динамики. *Проблемы востоковедения*. 2024;(4):55–62. <https://doi.org/10.24412/2223-0564-2024-4-55-62>
4. Мигранова Д.Н. Введение метрических книг среди языческого населения Оренбургской губернии. *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*. 2024;52(3):21–29. <https://doi.org/10.24412/1728-5283-2024-3-21-29>
5. Мигранова Д.Н. Сезонная динамика брачности и рождаемости языческого населения Оренбургской губернии в первой половине XIX века по материалам метрических книг. *Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология*. 2025;35(1):65–72. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2025-35-1-65-72>
6. Аминов И.И., Дедюхин К.Г., Усиевич А.Р. Правовое регулирование семейно-брачных отношений удмуртов в Российской империи. *Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право*. 2015;25(5):78–85. <https://elibrary.ru/umnaiib>
7. Сушкова Ю.Н. Брачно-семейные обычаи финно-угорских народов Поволжья: юридико-антропологический анализ (конец XIX – начало XX в.). *Финно-угорский мир*. 2022;14(1):87–99. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.014.2022.01.87-99>
8. Михайлова-Енькка Е.В. Обычаи развода у чувашей и финно-угорских народов Волго-Уралья по источникам XVI–XIX вв.: этнографический аспект. *Кунсткамера*. 2024;(3):189–206. URL: <https://clck.ru/3PR3YK> (дата обращения: 22.02.2025).
9. Гончаров Ю.М. Регламентация расторжения брака по российскому законодательству XIX – начала XX в. *Алтайский юридический вестник*. 2018;(1):13–18. <https://elibrary.ru/xptsjv>
10. Амбарцумов И.В. Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX – начало XX века). *Христианское чтение*. 2013;(1):39–113. <https://elibrary.ru/rudeir>
11. Амбарцумов И.В. Вопрос о межконфессиональных браках в правительстве Столыпина, Святейшем Синоде и Государственной Думе (1906–1909). *Гуманитарный научный вестник*. 2017;(1):4–23. <https://elibrary.ru/xvneiz>

Информация об авторе:

Исянгулов Шамиль Наилевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (450054, Российская Федерация, г. Уфа, пр-т. Октября, 71), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5691-5566>, SPIN-код: 4515-4143, isangul-schamil@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 26.05.2025; одобрена после рецензирования 25.08.2025; принята к публикации 01.09.2025.

REFERENCES

1. Isyngulov Sh.N. Divorces among Pagans of the Ufa Province in the Post-Reform Period. *The Problems of Oriental Studies*. 2022;(2):27–34. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2223-0564-2022-2-27-34>
2. Isyngulov Sh.N. Polygamous Marriages of Muslims and Pagans in Ufa Province in the Second Half of the XIX – Early XX Century. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*. 2024;(4):157–168. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.52.11>
3. Migranova D.N. Marriage Unions of Pagan Teptyars of the Ufa Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Analysis of Age Dynamics. *The Problems of Oriental Studies*. 2024;(4):55–62. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2223-0564-2024-4-55-62>
4. Migranova D.N. The Introduction of Metric Books among the Pagan Population of the Orenburg Province. *Herald of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*. 2024;52(3):21–29. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/1728-5283-2024-3-21-29>
5. Migranova D.N. Seasonal Dynamics of Marriage and Birth Rates of the Pagan Population of the Orenburg Province in the First Half of the 19th Century According to Metric Books. *Bulletin of Udmurt University. Ser.: History and Philology*. 2025;35(1):65–72. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2025-35-1-65-72>
6. Aminov I.I., Dedyukhin K.G., Usievich A.R. Legal Regulation of Family and Marital Relations in Udmurtia during the Period of Russian Empire. *Bulletin of Udmurt University. Ser.: Economics and Law*. 2015;25(5):78–85. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/umnaib>
7. Sushkova Iu.N. Marriage and Family Customs of the Finno-Ugric Peoples of the Volga Region: Legal and Anthropological Analysis (Late XIX – Early XX Century). *Finno-Ugric World*. 2022;14(1):87–99. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.014.2022.01.87-99>
8. Mikhailova-En'kka E. Divorce Customs of the Chuvash and Finno-Ugric Peoples of the Volga-Ural Region According to the Sources of the 16th–19th Centuries: Ethnographic Aspect. *Kunstkamera*. 2024;(3):189–206. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3PR3YK> (accessed 22.02.2025).
9. Goncharov Yu.M. The Reglamentation of Divorce According to the Russian Legislation of the XIXth – the Beginning of the XXth Centuries. *Altai Law Journal*. 2018;(1):13–18. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/xptsjv>
10. Ambartsumov I.V. [Problems and Conflicts of Marriage Law in the Russian Empire (Late 19th – Early 20th Century)]. *Christian Reading*. 2013;(1):39–113. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rudeir>
11. Ambartsumov I.V. The Issue of Interfaith Marriages in Stolypin's Government, the Holy Synod and the State Duma (1906–1909). *Humanitarian Scientific Bulletin*. 2017;(1):4–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/xvneiz>

Information about the author:

Shamil N. Isyngulov, Cand.Sci. (Hist.), Senior Researcher of the Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (71 Oktyabrya Prospekt, Ufa 450054, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5691-5566>, SPIN-code: 4515-4143, isangul-schamil@mail.ru

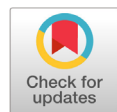
Author has read and approved the final manuscript.

Submitted 26.05.2025; revised 25.08.2025; accepted 01.09.2025.

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ HISTORY, ETHNOGRAPHY, ARCHEOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.481-495><https://elibrary.ru/vqtuus>

УДК / UDC 81'37:821.511.131

Оригинальная статья / Original article

Удмуртский обрядовый пояс «зар» и его трехчастная композиция: проблемы семантики

Л. А. Молчанова

Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Российская Федерация
lusmolchan@mail.ru

Аннотация

Введение. Процесс глобализации в современном быстроменяющемся мире неизбежно ведет к утрате этнического своеобразия, уникальных черт каждой культуры. В связи с этим обращение к национальным традициям, культурным ценностям приобретает особую значимость. В статье рассматривается семантика трехчастной композиции удмуртского обрядового пояса «зар». Основное внимание уделено социальным процессам, которые нашли отражение в мифологических сюжетах и народном творчестве, в том числе и в так называемом «полотняном фольклоре» – узорах традиционной вышивки. Цель исследования – анализ семантики вышитой композиции обрядового пояса «зар».

Материалы и методы. Традиционный костюм и его орнаментация имеют знаковую природу, поэтому в работе применен семиотический подход, который предполагает три аспекта исследования: синтактику, прагматику и семантику. Использован историко-генетический метод, позволивший исследовать явление в его историческом развитии, а также методы эстетической антропологии, которая изучает смыслообразующие функции искусства.

Результаты исследования и их обсуждение. Трехчастная композиция с центральным женским персонажем представляет собой одну из фундаментальных орнаментальных схем в традиционном декоративно-прикладном искусстве. В данной схеме центральную фигуру обрамляют две второстепенные, расположенные по обе стороны. Для выявления глубинной семантики этой композиции автор обращается к истокам человеческой истории, периоду зарождения и формирования архетипов, которые легли в основу универсальных мифологических, сказочных и орнаментальных сюжетов. В работе рассмотрены этапы становления дуально-родовой организации как первой формы человеческого сообщества. Именно эта «социальная материя» находит свое отражение в символике трехчастной композиции.

Заключение. Сделанные автором выводы вносят вклад в развитие теоретических основ изучения орнамента как семиотической системы. Материалы исследования могут быть использованы при разработке спецкурсов по этнографии и традиционному искусству удмуртов в учебных заведениях, при создании музейных экспозиций и разработке современного костюма в этническом стиле.

Ключевые слова: орнамент, традиция, глубинная семантика, социальная материя, архетип, тотемизм, мифология

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Молчанова Л.А. Удмуртский обрядовый пояс «зар» и его трехчастная композиция: проблемы семантики. *Финно-угорский мир*. 2025;17(4):481–495. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.481-495>

© Молчанова Л. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The Udmurt Ritual Belt “Zar” and Its Tripartite Composition: A Semantic Inquiry

L. A. Molchanova

*Udmurt State University,
Izhevsk, Russian Federation
lusmolchan@mail.ru*

Abstract

Introduction. In the contemporary, rapidly changing world, the process of globalisation inevitably leads to the erosion of ethnic distinctiveness and the unique features of individual cultures. Consequently, the examination of national traditions and cultural values acquires particular significance. This article examines the semantics of the tripartite composition of the Udmurt ritual belt, known as the “zar”. Primary focus is given to the social processes reflected in mythological narratives and folk art, including so-called “textile folklore” – the patterns of traditional embroidery. The aim of the research is to analyse the semantics of the embroidered composition of the “zar” ritual belt.

Materials and Methods. Traditional costume and its ornamentation possess a semiotic nature; consequently, this study employs a semiotic approach, which entails three analytical aspects: syntactics, pragmatics, and semantics. The historical-genetic method was utilized to examine the phenomenon within its historical development, alongside methods of aesthetic anthropology, which investigates the meaning-generating functions of art.

Results and Discussion. The tripartite composition featuring a central female figure constitutes one of the fundamental ornamental schemas in traditional applied arts. This schema is characterized by a central figure flanked on both sides by two secondary ones. To reveal the profound semantics of this composition, the author turns to the dawn of human history, a period when the archetypes that later formed the basis of universally prevalent mythological, folkloric, and ornamental narratives were first germinating and taking shape. The stages in the formation of the dual-clan organization – the first human community – are examined. It is precisely this “social substance” that is reflected in the symbolism of the tripartite composition.

Conclusion. This article examines the ornamental scheme and narrative depicted in the three-part composition traditionally embroidered on the ritual belt known as a zar. The research will prove valuable to historians, ethnographers, art historians, and those with a general interest in folk art. The findings can be utilised in the preparation of general works on the history and theory of Finno-Ugric folk art, the development of specialised courses on Udmurt ethnography and traditional art within educational institutions, the creation of museum exhibitions, and the design of contemporary apparel featuring ethnic motifs.

Keywords: ornament, tradition, deep semantics, social matter, archetype, totemism, mythology

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Molchanova L.A. The Udmurt Ritual Belt “Zar” and Its Tripartite Composition: A Semantic Inquiry. *Finno-Ugric World*. 2025;17(4):481–495. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.481-495>

Введение

Глобальные процессы, происходящие в современной цивилизации и характеризующиеся унификацией, утратой этнически специфических черт, актуализируют обращение к культурному наследию разных народов, национальным ценностям и традициям с целью рассмотрения их истоковых форм, генезиса и эволюции. В этой связи особую актуальность и научно-практическую значимость приобретает исследование народного костюма – одного из важнейших маркеров этноса, выполняющего не только утилитарную, но и этносоциальную функцию, со своим сложным знаковым миром орнаментально закодированной информации.

Несмотря на то, что на территории Прикамья собран обширный материал, выявлены и описаны уникальные образцы металлических украшений костюма предков современных удмуртов, достаточно полно изучены способы орнаментации удмуртской одежды XIX – начала XX в. (узорное тканье, вышивка, аппликация),

знаково-символическая природа орнамента традиционного костюма, а также социальная семантика костюмных узоров до сих пор оставались вне поля зрения специалистов. Для выявления глубинного смысла узора на поясе «зар» автор сопоставил этапы становления дуально-родовой организации с сюжетом универсально распространенной трехчастной композиции. Именно привлечение социальных отношений в первобытном коллективе в качестве основного источника исследования позволило определить семантику и суть композиций, выполненных ручным трудом. Большое значение имеют и сами образы, то, как их изображает художник, их композиционное расположение, их характер и эмоциональный строй. Все это помогает восстановить картину взаимоотношений в древнем человеческом сообществе и сделать вывод, что в трехчастной композиции наглядно и образно представлены социальные связи первобытного коллектива.

Целью исследования является анализ орнаментальной схемы и раскрытие семантики трехчастной композиции обрядового пояса «зар».

Обзор литературы

Изучение орнаментированной одежды удмуртов началось еще в XVIII в., однако в качестве специального объекта исследования орнамент традиционного костюма был выделен только в 1950-е гг. В. Н. Белицер¹. В своих работах она систематизировала и обобщила собранные экспедиционные материалы, поставив задачи выявить происхождение отдельных форм народной одежды, проследить их эволюцию, связь с социальной и географической средой, а также раскрыть отражение в костюме семейно-правовых отношений, общественных и возрастных различий, что в совокупности позволяет осмыслить его как целостное произведение народной культуры.

В трудах, посвященных проблеме этногенеза удмуртского народа, значительное внимание уделяется истории формирования его костюмных комплексов [1]. Исследования в данной области позволяют реконструировать процессы расселения отдельных этнических групп на основе анализа кроя и декоративного оформления традиционной одежды.

Результаты современных изысканий отражены в фундаментальных трудах. Так, в 2020 г. был издан альбом-монография, представляющий собой систематизацию искусства узорного ткачества, который содержит не только визуальную фиксацию тканых изделий, но и сведения об их создателях – мастерицах, являющихся хранительницами и продолжательницами народных традиций [2].

В ряде исследований рассматривается семантика удмуртского орнамента. Например, научный интерес представляет происхождение и значение восьмилучевой звезды – одного из наиболее распространенных узоров, известного под названием «толезё» (лунный знак). Данный мотив широко применяется в различных видах народного творчества: вышивке, ткачестве, вязании, а также в резьбе по дереву и кости, по металлу. В работах, посвященных этому символу, его значение раскрывается через анализ названия и сопоставление с символикой ночного светила в разных культурах, что позволяет рассматривать «толезё» как фундаментальный элемент декоративно-прикладного искусства удмуртов в контексте мифолого-космологических представлений [3].

В исследовании Л. Л. Лихачевой на основе полевых материалов и музейных композиций анализируются крестильные, свадебные, похоронные и календарные обрядовые полотенца удмуртов. На примере этого традиционного предмета автор раскрывает его семантику в обрядовом контексте и показывает поэтический характер мышления и важные аспекты религиозно-мифологической картины мира удмуртов [4].

¹ Белицер В.Н. Народная одежда удмуртов: материалы к этногенезу. М.: Изд-во АН СССР; 1951. 142 с.

В работах, посвященных семантике удмуртского орнамента, раскрываются различные аспекты его символической системы. Так, Н. В. Бортникова отмечает преобладание женских образов в орнаментальных композициях, интерпретируя их как воплощение идеи рождения, продолжения жизни и цикличности времени [5].

А. В. Вахрушева в своей статье рассматривает актуальные способы проектирования предметной среды, основанные на культуре наших предков. Для осуществления такой методики проектирования, которая названа «мифопоэтикой», автор предлагает взять природные образы удмуртского орнамента (растительные и зооморфные) и попытаться понять значения, которые вкладывали в них носители традиции. Однако, несмотря на использование авторитетного источника (таблицы узоров С. Н. Виноградова) и приведенный иллюстративный ряд, в статье не раскрыты конкретный механизм предложенной методики и смысловое содержание самих орнаментальных мотивов [6].

Изучением русской народной вышивки, в частности сюжетом трехчастной композиции, занимались многие исследователи: А. К. Амброз [1], И. Я. Богуславская², В. А. Городцов³, Л. А. Динцес [7], Г. П. Дурасов, Г. С. Маслова, Б. А. Рыбаков, В. А. Фалеева⁴.

В современных исследованиях анализируется центральный женский образ в трехчастных композициях. Согласно одному из подходов, этот образ рассматривается в связи с его глубокой архаичностью и органической связью с образом мифологического Древа. Анализируется причина символического тождества женского божества и Древа жизни, что рассматривается как один из источников формирования архетипа Мирового Древа. Прослеживается процесс, в ходе которого богиня-рожаница постепенно утрачивает антропоморфные черты, превращаясь в сложный древесный символ. Делается вывод о сложности и неоднозначности данного образа, требующего дальнейшего специального изучения для выявления иных возможных истоков этого отождествления [8].

А. В. Кортович, анализируя символику славянских вышивок, пытается решить вопрос происхождения трехчастной композиции. Он отмечает сакральность, широкую распространенность, устойчивость и каноничность этого сюжета, приводит примеры данной композиции в разных культурах. В славянской трехчастной композиции, по его мнению, зашифрована матрица рождения вечной жизни, упорядоченная система мироздания. Этот образ выработался самостоятельно у многих поколений славян [9].

В некоторых научных работах поднимается вопрос происхождения русских вышитых орнаментов, анализируется сюжет трехчастной композиции с акцентом на центральном женском персонаже⁵ [10].

Систематизация подходов к изучению орнамента в разных гуманитарных дисциплинах отражена в работе А. С. Нечаевой. Констатируя их разобщенность, исследователь обосновывает необходимость разработки комплексной методики [11].

При обсуждении теоретического статуса орнамента как особого вида искусства, чья сущность не сводится к декоративности, исследователи подчеркивают необходимость междисциплинарного подхода, объединяющего искусствоведение, культурную антропологию, археологию и этнографию для раскрытия его семантики [12].

² Богуславская И.Я. Русская народная вышивка. М.: Искусство; 1972. 47 с.

³ Городцов В.А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. В кн.: Труды государственного исторического музея. Вып. 1. М.; 1926. 36 с.

⁴ Дурасов Г.П. Изобразительные мотивы в русской народной вышивке. М.: Советская Россия; 1999. 316 с.; Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука; 1978. 216 с.; Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука; 1994. 608 с.; Фалеева В.А. Женский персонаж в русской народной вышивке. В кн.: Фольклор и этнография Русского Севера. Л.; 1973. С. 119–132.

⁵ Бобыкина Н.Ю. Четыре женских образа в русской народной вышивке [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2024/01/16/1100> (дата обращения: 23.01.2025).

О. Л. Аккуратова и Д. А. Роганова выделяют основные мотивы декора и классифицируют их по видам, отмечают актуальность в современной моде возрождения этнического орнамента и приводят способы адаптации традиционных костюмных форм и декора в проектировании одежды [13].

Историческую динамику орнаментальной культуры на примере русского текстиля XVIII–XIX вв. исследует Т. Л. Щербакова (2021). Автор трактует орнамент как изначально сакральную знаковую систему и прослеживает, как утрата первоначального смысла привела к трансформации сюжетов и пластики, замещению архаических образов реалистичными бытовыми мотивами под влиянием городской культуры [14].

Э. Е. Файзуллина считает, что орнаменту принадлежит главенствующая роль в выражении глубинных связей народного костюма с мировоззрением народа, с его историей и мифологией. Особенно важно изучение орнамента дизайнерами, которые стремятся к разработке вариантов современной одежды в этностиле [15].

Несмотря на многочисленные исследования орнаментального искусства удмуртов, работы в основном носят описательный характер, вопросы семантики узоров остаются вне поля зрения авторов. Что касается исследований семантики удмуртского орнамента, то в них, по нашему мнению, отсутствует последовательная методологическая база. Значительным недостатком является игнорирование семиотического подхода, который позволил бы изучать орнамент как целостную знаковую систему. В связи с этим интерпретации сводятся к догадкам и поверхностным аналогиям, не проникающим в суть внутренней логики и архаичной семантики узоров.

Народная терминология орнаментов считается ненадежным критерием для выяснения их семантики. Часто носители традиции просто не задумываются над смыслом воспроизводимых мотивов, для них важно, что знак достался от предков, а значит, он «добрый» и оберегает от зла. Так, следуя традиции, нередко исполняют и древние обряды, первоначальный смысл которых давно утрачен [16].

В 2021 г. Л. А. Молчановой опубликована работа, посвященная семантике узоров традиционного костюма – «Семиотика костюмного орнамента: от истоков к современности». В ней автор рассматривает костюмный орнамент как знаковую систему и использует семиотический подход, имеющий три аспекта исследования: синтактику, прагматику и семантику. В работе выявлены истоки орнаментального искусства, изучены и представлены универсальные символы и композиции костюмного орнамента, исследовано использование орнаментированных вещей традиционного костюма в обрядовой практике⁶.

Несмотря на большое количество научных изысканий по рассматриваемой проблематике, реального объяснения причины столь широкого распространения трехчастной композиции в разных культурах и такой устойчивости во времени в анализируемых работах нет. Повышается актуальность настоящего исследования, в котором выявляется древнейшее происхождение этой орнаментальной схемы, ее архетипичность и универсальность, социальный смысл.

Материалы и методы

В работе исследуются детали и орнаментация удмуртского костюма из музеев Удмуртской Республики, Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге, а также литературные источники по теме и их иллюстративный материал.

С учетом знаково-символической природы костюма в статье за основу взят структурно-семиотический метод, который содержит три аспекта исследования: синтактику, прагматику и семантику. Синтактика посвящена изучению синтаксиса знаковых систем, структуры сочетаний знаков. В данном случае исследуется знаковый состав

⁶ Молчанова Л.А. Семиотика костюмного орнамента: от истоков к современности: учеб. пособие. Ижевск: Издат. центр «Удмуртский государственный университет»; 2021. 76 с.

орнаментальных композиций. Прагматику интересуют отношения между знаковой системой и теми, кто ее воспринимает и использует. В нашем случае это использование орнаментированных вещей в обрядовой практике. Семантика интерпретирует знаки и знакосочетания, выявляя их содержание, смысл.

Кроме того, в работе использованы принципы эстетической антропологии. Эта область гуманитарной науки изучает произведения искусства как творение человеческих рук, как своеобразный текст, отражающий мировоззренческие установки автора. Являясь произведением традиционного искусства, рукотворная вещь отражает ментальные установки не одного автора, а целого этноса. В связи с этим интересно проследить, как универсальные идеи воплощаются в декоре народного костюма и используются в обрядовой практике.

В работе также применен историко-генетический метод, который предполагает изучение явления с самого начала в его историческом развитии. Чтобы познать суть процесса или явления, необходимо обратиться к его истокам.

Результаты исследования и их обсуждение

Социальная семантика трехчастной композиции. Так называемая трехчастная композиция, в которой главную женскую фигуру удерживают по обеим сторонам две второстепенные, имеет крайне широкое распространение в традиционном декоративно-прикладном искусстве. Многие исследователи обращались к этому орнаментальному мотиву с целью его интерпретации. Центральный женский персонаж обычно связывают с образом Великой Богини, Матери Мира, Владычицы зверей и людей. Она в разные времена и в разных культурах изображалась по-своему: крылатой, рогатой, змееногой, нередко в позе роженицы или же душащей животных и птиц, находящихся по обе ее стороны (рис. 1).

По ее бокам, в зеркальной симметрии, обычно помещались олени, кони, птицы, змеи, всадники, фантастические звери (в зависимости от разных культур). Часто женская фигура заменялась деревом, поскольку в традиционном искусстве мировое дерево является символом Богини-матери, ее семантическим заменителем.

На удмуртском обрядовом поясе «зар» изображена та же композиция, только состоит она из трех древовидных фигур, причем на многих образцах центральное дерево

Р и с. 1. Варианты трехчастной композиции в разных культурах. Рисунки автора
F i g. 1. Variants of the tripartite composition in diverse cultures. Author's illustration

напоминает очертаниями женскую фигуру с поднятыми к небу руками-крыльями. Возникают вопросы: что могло послужить основанием для представления о неразрывной связи Богини-матери и мирового дерева и даже об их взаимозаменяемости в декоративном искусстве; как формировался образ богини и почему она часто и сама изображалась птицей или звероподобной; почему этот сюжет, перешедший с металлических украшений в вышивку, так устойчив во времени и популярен у разных народов? Безусловно, он связан с глубинными пластами мифологии, с определенным основополагающим комплексом древнейших религиозных верований.

Давно замечено, что религиозно-мифологические представления и связанная с ними символика у разных народов мира имеют поразительное сходство. Существуют так называемые бродячие сюжеты и сквозные символы. Большинство российских исследователей объясняют этот феномен общими для всех людей законами психологии и единством процессов социального развития на ранних этапах истории. К. Г. Юнг, объясняя сходство ранних религий и символических систем, писал о реальности коллективного подсознания и потенциальной единородности человеческого разума. Вспомним также и наблюдения К. Леви-Стросса при изучении им символических структур. По его мнению, объяснения носителей традиции почти всегда вторичны и представляют собой подведение рациональной основы под бессознательные коллективные представления. Исследователь восстанавливает глубинную структуру, которой бессознательно владеет носитель традиции, последнему же доступна, как правило, лишь поверхностная семантика⁷. Чем же определяется глубинная семантика? Согласно марксистской идеологии, бытие определяет сознание и социально-экономические отношения (или социальная материя) первичны по отношению к сознанию. Именно социальная материя, являясь источником главных мотивов человеческой деятельности, вероятно, и формировала это «коллективное бессознательное» на самых ранних этапах антропосоциогенеза, которое, по словам К. Г. Юнга, и создавало так называемые архетипы – первообразы мифологических и символических систем: «Само собой разумеется, вся мифология и все откровения произошли из этой матрицы опыта...»⁸.

Чтобы выявить глубинную семантику трехчастной композиции пояса, необходимо обратиться к самому началу становления человечества, т. е. к тому периоду, когда появились первые проблески сознания и зарождались архетипы, которые питали мифологию и питают до сих пор любые формы художественного творчества. Этот период назывался «временем сновидений», или «мифическим временем», когда наш полуживотный предок, согласно версии Ю. М. Бородай, в невероятных муках, побеждая свои животные инстинкты, положил начало человеческой культуре⁹. По теории Ю. И. Семенова, становление человеческого общества было процессом постепенного обуздания животных инстинктов¹⁰. И К. Г. Юнг в своих исследованиях подтверждает данный подход: «Отступление от инстинкта и противопоставление ему себя образуют сознание»¹¹. Все нормы поведения в формирующемся человеческом обществе имели форму табу.

Самым первым незыблемым правилом, первой нормой человеческого поведения был запрет препятствовать доступу каждого члена коллектива, пусть самого слабого, к мясу добытого на охоте зверя – это форма обуздания пищевого инстинкта. По версии Ю. И. Семенова, животное, бывшее главной пищей формирующегося коллектива, впоследствии становится тотемом этого сообщества, зверь в буквальном смысле

⁷ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука; 1985. С. 25–28.

⁸ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс; Универс; 1996. С. 244.

⁹ Бородай Ю.М. Эротика-смерть-табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис; Русское феноменологическое общество; 1996. 416 с.

¹⁰ Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М.: ЛИБРОКОМ; 2017. С. 70.

¹¹ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. С. 185.

становился одной плоти и крови с каждым членом коллектива. Тотемизм – самая архаичная из всех известных форм осознания человеческой общности¹². Тотем объединял коллектив и одновременно отделял его от других сообществ. Превращение праобщины в крепкий, сплоченный и замкнутый коллектив привело к инбридингу (близкородственному скрещиванию) и тем самым сделало невозможным продолжение формирования истинно человеческого общества. Назрела необходимость обуздания второго основного инстинкта – полового. И тогда возникло новое табу – агамный запрет, невозможность половых связей внутри коллектива. Агамный запрет – фундаментальный принцип родового общества, именно он разделил прежде единый коллектив пополам (буквально по признаку пола). Мужчины и женщины стали жить отдельно, однако половой инстинкт требовал удовлетворения, брачные связи стали возникать вне сообщества. Когда экзогамия, т. е. брак вне рода, стала нормой и два коллектива стали жить один за счет другого в смысле воспроизводства потомства, возникла первая форма брачных отношений – групповой дуально-родовой брак.

На заре человеческого общества производственные и детопроизводственные отношения взаимоисключали друг друга¹³. Первоначально род был материнским, ибо каждый человек принадлежал сообществу, в котором родился. При групповом браке отец был неизвестен, подательницей жизни считалась единственно женщина. На начальных ступенях развития человек вообще не понимал роли мужчины при зачатии, осознание роли отцовства появляется позднее. Подобное незнание, по мнению В. Я. Проппа, является очень важным историческим фактом¹⁴. Известен тезис Ф. Энгельса о двух видах производства в доклассовом обществе: «С одной стороны, производство средств к жизни: продуктов питания, одежды, жилища, необходимых для этого орудий; с другой – производство самого человека, продолжение рода»¹⁵. Тогда, при низком уровне производства, сам человек как часть производительных сил представлял огромную ценность, второй вид производства имел равное с первым, если не большее, значение. А поскольку женщина могла «чудесным» образом воспроизводить потомство, считалось, что она могла свою детородную способность передавать животным. Размножая зверей, она спасала сородичей от голодной смерти. Так, благодаря своей «волшебной» плодовитости, женщина в глазах сородичей обрела и утвердила свою колдовскую силу.

Одной из ранних религий, тесно связанных с тотемизмом, было шаманство, существовавшее по своей социальной функции именно как родоплеменной культ. Изначально шаманство было коллективным. Все обряды совершались сообща, всем родом. Шаманским ритуалом руководила женщина, и до сегодняшнего дня шаманы во всем мире остаются женоподобными. По словам Л. Я. Штернберга, якутский шаман даже обычно, не только во время камлания, носит девичью куртку, на шаманском халате имеет два железных круга, изображающих женскую грудь, носит волосы по-женски, с пробором по середине, и заплетает их в косы, распускаемые во время камлания. У самоедов шаман надевает на голову женскую шапку, а лицо закрывает, чтобы духи не узнали в нем мужчину¹⁶. У некоторых алтае-саянских народностей шаман вообще мог не иметь специального костюма для обряда, но во время камлания он обязательно повязывал голову женским платком. Ношение женского платья шаманами-мужчинами в Средней Азии является давней традицией. Но не только шаманы уподоблялись женщине, исполняя культовые обязанности, – жрецы многих народов в ранней истории носили женскую одежду.

¹² Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. С. 123.

¹³ Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. С. 155.

¹⁴ Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука; 1976. С. 206–207.

¹⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат; 1989. С. 24.

¹⁶ Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Сидовича; 1936. С. 185.

Геродот и Гиппократ сообщали о скифских женоподобных прорицателях – энареях, травестизм которых был связан с полной переменой образа жизни, всех привычек и психики. В доарийской Индии мужчинам, занимавшимся религиозной практикой, рекомендовалось выявить, развить и реализовать в себе женское начало, поскольку именно оно и есть начало всех начал. Д. Чаттопадхья писал: «Чтобы подготовить себя для выполнения функций жреца, мужчина был вынужден отказаться от признаков собственного пола и как бы раствориться в женском начале. Жрецы Иштар, Артемиды Эфесской, жрецы хеттов, чтобы выполнять жреческие обязанности, должны были подвергаться кастрации. У древних германцев жрецы одевались как женщины». «Не представляется возможным дать этому получившему повсеместное распространение обычаю какое-либо объяснение, кроме того, что магические силы первоначально олицетворялись в женщине и рассматривались как относящиеся к сфере деятельности женщин»¹⁷.

Обрядом, стоявшим в центре ритуальной жизни архаических коллективов, является инициация – посвятельная церемония, сопровождающаяся истязаниями юношей. Он зародился в глубокой древности, в период становления рода, когда в жизнь первобытного сообщества вводился агамный запрет. Именно тогда назрела необходимость разделить ранее единый коллектив по признаку пола. Подросток, с самого рождения привыкший жить среди женщин, должен был перейти в мужское сообщество. По мнению Ю. И. Семенова, мучительные испытания первоначально могли возникнуть как наказание юношей за нарушение полового запрета¹⁸. Смысл операции обрезания, сохранившейся в некоторых религиях как отголосок древних инициаций, сводится к тому, чтобы, хотя и временно, подавить у мальчика половое влечение. Со временем истязания стали правилом, неотъемлемой частью посвящения юношей в полноправные члены племени. Учитывая важную роль женщин в первобытных магических обрядах и глубокую древность возникновения инициаций, можно согласиться с мнением В. Я. Проппа о том, что первоначально этим обрядом руководила старшая женщина рода: «Учитель-лесовик историчен, женщина, старуха, мать, хозяйка, дарительница волшебных свойств – доисторична, чрезвычайно архаична»¹⁹. Именно она наказывала подростка за нарушение табу. Впоследствии мифологическое сознание превратило ее в кровожадную ведьму, пожирательницу детей, образ которой широко распространен в мифах и сказках разных народов. Она самым жестоким образом удаляла подростков из женского общества, разделяя таким образом коллектив пополам, но она и приобщала неопита к таинству брака, поскольку только после инициации он мог принимать участие в половой жизни коллектива (т. е. старшая женщина рода при групповом, дуально-родовом браке еще и соединяла два коллектива супружескими узами). Инициация и в самом деле была предшественницей свадебного обряда. Во многих культурных традициях свадьба, как и инициация, мыслится как смерть и переход в новый статус. Чтобы добыть себе невесту, герой непременно должен пройти испытания в логове ведьмы – этот сюжет стал архетипом и имеет универсальное распространение в фольклоре самых разных народов мира.

Итак, ведьма (ведающая, знающая), находясь в центре обрядовой жизни коллектива, соединяла и делила два его противоположных начала: мужское и женское, что и демонстрирует нам трехчастная композиция: кони, птицы, хищники, люди расположены по отношению друг к другу в зеркальной симметрии, а звероподобное женское существо их одновременно соединяет и делит, порождает и губит. Два тотемных

¹⁷ Чаттопадхья Д. Локаята Даршана. История индийского материализма. М.: Изд-во иностранной литературы; 1961. С. 304–306.

¹⁸ Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. С. 148.

¹⁹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ; 1986. С. 110.

символа блокируют женскую фигуру – таким способом перед нами наглядно представлены основные социальные связи первобытного коллектива. Социальная материя тоже подчинена законам диалектики, и, формируясь в доисторические времена, общество разделилось пополам, а затем соединилось брачными узами с другим родом, т. е. два противоположных пола и два чужих рода, вечно враждующие и слитые воедино в браке, составили диалектическое единство и борьбу противоположностей. Трехчастная композиция и являет собой данный закон диалектики.

В космогонических же мифах возникли небо и земля, и это стало началом творения. Причастны к созданию мира и божественные близнецы, стоящие во главе многих древних религий. По мнению Л. Я. Штернберга, культ близнецов есть культ обоготворенных предков-родоначальников²⁰. Л. С. Грибова писала: «Можно утверждать, что богами племен и народностей становились наиболее древние из персонафицированных фратриальных тотемов, отчего почти всегда существовали два бога, отождествляемые со светлыми и темными силами»²¹. Божественные близнецы обычно ассоциируются с древнеиндийскими Ашвинами и греческими Диоскурами. Их представляли в виде двух птиц-коней. Имя Ашвины переводится как «лошадиные», «обладающие конями».

Характерным украшением племен Прикамья в средние века были коньковые подвески. Они представляют собой литую основу в виде двух разнонаправленных голов коней, между которыми иногда прочитывается женская личина (рис. 2).

Этот металлический вариант трехчастной композиции тоже символизирует объединение двух родов в свадебном ритуале, только представители двух противоположных сил, два божественных близнеца здесь представлены в своей животной ипостаси. Удмуртской мифологии известны близнецы, которым приписывается творение мира, – это Инмар (высший небесный бог) и Керемет (шайтан, творец зла, владыка подземного мира).

Третьим и, возможно, древнейшим божеством удмуртов был Кылдысин, бог земли и урожая. Изначально он имел женскую природу. Анализируя имя этого божества, В. Е. Владыкин пишет: «Слово “Кылдысин” – общепермское, возможно, еще древнее. На это указывает анализ: кылдысь – созидающий, творящий, оплодотворяющий + ин – в коми языках, языке води и саамов означает – жена, женщина, мать, самка, т. е. первоначально “Кылдысь + ин” могло означать плодоносящую творческую женскую силу. Позднее божество превратилось в “Му-Кылчина” и рассматривалось как создатель, творец земли и всего сущего, плодоносное начало»²².

Прикамские племена, предки коми и удмуртов, создали в первом тысячелетии нашей эры высокохудожественное литье, так называемый пермский звериный стиль²³. На литых пластинах, которые еще называют шаманскими бляшками, богиню окружают симметрично расположенные силуэты коней, птиц, лосей, паукообразных существ, людей, спелые колосья. На одной из таких бляшек изображено женское божество в окружении двух шаманов в шаманских головных уборах. Шаманы в архаическом обществе были главными представителями рода перед высшими силами, часто они являлись вождями. Таким образом, прикамская богиня объединяла два рода священными узами брака (рис. 2). К этим трехчастным композициям на литых пластинах вполне могут подойти те же названия, которые давались подобным изображениям в других культурных традициях: «Богиня с прибогами», «Владычица зверей в окружении животных», «Богиня и Диоскуры», «Священный брак» или «Небесная свадьба».

²⁰ Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. С. 232.

²¹ Грибова Л.С. Пермский звериный стиль (проблемы семантики). М.: Наука; 1975. С. 44.

²² Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия; 1994. С. 181.

²³ Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское кн. изд-во; 1988. 184 с.

Р и с. 2. Трехчастная композиция в декоративном оформлении костюма: коньковые подвески, прорезная бляха пермского звериного стиля и вышивка пояса «зар».

Рисунок автора

F i g. 2. The tripartite composition in the costume's decorative scheme consists of a horse-shaped pendent, a perforated plaque of the Permian Animal Style, and the belt embroidery known as a 'zar'. Author's illustration

Известно, что потомки умерших шаманов старались передавать их славу из поколения в поколение, что привело в итоге к их обожествлению. Так становились богами тотемные предки – родоначальники. Однако женские божества древнее мужских, женщины первобытного общества уже по своей природе наделены магическими способностями. Передавая свой шаманский дар из поколения в поколение, они и после смерти покровительствовали роду и впоследствии становились богинями. На трехчастных композициях богиня всегда крупнее прибогов, потому что она древнее. Она, уже вполне очеловеченная, бывает окружена представителями родов еще в животном облике.

Как уже было отмечено, центральная фигура богини часто заменялась деревом, а на удмуртском поясе «зар» композиция целиком состоит из трех древовидных фигур (рис. 2). Естественно было бы предположить, что магическая связь женщины и растения появилась в земледельческую эпоху. Возникновение земледелия связывается именно с женщиной, поначалу она им и занималась, используя самые примитивные методы возделывания почвы. Источник пищи был сосредоточен в ее руках, и древнейшее верование, что воспроизводительная деятельность природы находится в прямой связи с воспроизводительной функцией женщины, не утратило своего значения, а даже более укрепилось. Именно в земледельческих культурах неолита культ богинь-матерей достигает своего расцвета, а религиозные обряды, призванные обеспечить плодородие земли, находились в ведении женщин, обрабатывающих землю.

Мотив рождения и вскармливания (функции матери) приписывается мифическому дереву и у народов, никогда земледелием не занимавшихся. Так, в Урало-Алтайской традиции центральное место в «круговороте» жизни отводилось дереву. Из него рождаются и им вскармливаются главные мифологические персонажи, в его ветвях обитают души еще не родившихся детей и шаманов.

Изображение такого «материнского дерева» донесли до нас петроглифы, обнаруженные экспедицией Э. А. Новгородовой в Монголии. Неолитические наскальные рисунки изображают пирамиду из женских фигур. Ноги одной женщины являются как бы руками второй, а ноги второй – руками следующей и т. д. В результате образуется вертикальный ствол, похожий на древесный. Э. А. Новгородова так и назвала всю композицию – «Символическое изображение древа жизни по материнской линии». Каждая верхняя женщина как бы рождает нижнюю. Это многократно повторенная идея рождения, происхождения рода. «Кажется невозможно более лаконично передать бесконечность, единство и преемственность многих поколений», – пишет исследователь²⁴. Именно таким образом ученые объясняют архетип высшего женского существа, воплощающего психологическое ощущение смены поколений, преодоления власти времени, бессмертия. По нашему глубокому убеждению, именно так родовое дерево, состоящее из поколений родоначальниц, в первобытном сознании стало символом бессмертия рода, и именно так с течением времени из родового дерева одной родственной группы развился общечеловеческий символ мироздания – мировое дерево, а из предков по женской линии в каждом роду – Мать Мира. Важность такой модели мироздания подтверждается существованием целой эпохи мирового дерева в истории культуры²⁵.

Древовидная трехчастная композиция удмуртского пояса «зар» имеет то же происхождение, что и подобные в других культурах. Этот пояс входил в состав свадебного наряда удмуртки в XVIII–XIX вв. Вышивка пояса выполнялась на полосе белого холста крученым шелком двух цветов – темно-красного и черного (с преобладанием красного). Холст с готовой вышивкой разрезался пополам, как раз по центру крупной фигуры. Первоначальная цельность рисунка восстанавливалась только тогда, когда пояс надевали на невесту (рис. 3).

На свадебном поясе удмуртская богиня Кылдысин скрепляет священным браком два рода, представленных здесь родовыми деревьями. Стволы этих деревьев образованы М-образными фигурами, напоминающими крылья птицы. Эти знаки расположены один над другим, как фигурки рождающих женщин на неолитических петроглифах. Каждая М-образная птица в данном случае символизирует жизнь одного поколения, в целом же ствол родового дерева – это смена поколений, цепочка рождений и смертей. Удмуртская богиня попала в вышивку с древних шаманских пластин Прикамья и металлических коньковых подвесок средневекового костюма (рис. 2). На свадебном поясе она по-прежнему олицетворяет собой единство двух родов. Цельность вышитой фигуры богини восстанавливалась только тогда, когда пояс был надет на невесту, именно с этого момента два «чужих» рода скреплялись брачными узами. Невеста, как богиня, объединяла их, обещая продолжить жизнь двух родов в потомстве. В конфликтных ситуациях на меже, разделявшей родовые территории, удмурты проводили обряд, в котором разрывали пояс «зар», что означало полный разрыв всех отношений²⁶. Разрывали пояс так, что два родовых дерева навсегда отделялись один от другого. Так простые неграмотные женщины, бессознательно воспроизводя в вышивках первообразы глубокой древности, донесли до нас священную историю своих предков, они держали в своих руках нить народной традиции, как богини-покровительницы прядения – нить судьбы.

²⁴ Новгородова Э.А. Дающая жизнь. *Наука и религия*. 1984;(5):64–65.

²⁵ Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.: Рукописные памятники древней Руси; 2010. 496 с.

²⁶ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С. 219.

Р и с. 3. Пояс «зар» в costume удмуртской невесты. Рисунок автора
F i g. 3. The zar belt in Udmurt bride's attire. Author's illustration

Заклучение

В статье исследован орнамент традиционной вышивки удмуртского обрядового пояса «зар». Именно на историческом материале автору удалось определить смысл и происхождение трехчастной композиции, универсально распространенной по всему миру с древнейших времен. В работе подробно рассмотрены этапы становления дуально-родовой организации, причины возникновения табу и тотемизма как самой первой формы осознания общности членов совместно проживающей человеческой группы. Выявлена важная роль обряда инициации, предшественника традиционной свадьбы, в становлении человеческого общества. В результате сопоставления этого исторического материала с сюжетом трехчастной композиции удалось выявить ее социальную семантику. Женское божество соединяет в свадебном обряде два рода, представленных в симметричной композиции тотемными символами.

В силу междисциплинарного характера данная статья может быть полезна исследователям в области искусствоведения, художественной антропологии, культурологии, семиотики, истории костюма, эстетики в их дальнейших изысканиях. Материалы исследования могут стать основой для разработки спецкурсов по традиционному искусству и дизайну, истории костюма и орнамента в вузах, гуманитарных лицеях, колледжах, художественных и общеобразовательных школах.

Перспективы исследования видятся в изучении орнаментальных композиций головных уборов, женских вышитых нагрудников удмуртского традиционного костюма и их использования в обрядовой практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атаманов-Эграпи М.Г. Происхождение удмуртского народа: моногр. Ижевск: Удмуртия; 2017. 592 с.
2. Косарева И.А. Искусство узорного ткачества удмуртского народа: альбом-монография. Ижевск; 2020. 492 с.
3. Шутова Н.И. История происхождения и семантика лунного знака ТОЛЕЗЕ. *Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология*. 2015;25(4):87–94. <https://elibrary.ru/uhskyf>
4. Лихачева Л.Л. Удмуртское обрядовое полотенце в экспозиционно-выставочной практике краеведческого музея. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2017;11(4):115–127. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/1991> (дата обращения: 23.01.2025).
5. Бортникова Н.В. Орнаментальная культура удмуртов. Семантика женских образов. В: В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по мат-лам XXXIII междунар. науч.-практ. конф. № 2. Новосибирск; 2014. С. 86–93.
6. Вахрушева А.В. Природные образы в удмуртском орнаменте. В: Культура и экология – основы устойчивого развития России. Человеческий капитал как ключевой ресурс зеленой экономики. Ч. 1: мат-лы междунар. форума. Екатеринбург; 2018. С. 369–373.
7. Динцес Л.А. Изображение змеборца в русском народном шитье. *Этнографическое обозрение*. 1948;(4):36–53. URL: <https://eo.ica.ras.ru/issue/17795/> (дата обращения: 23.01.2025).
8. Денисова И.М. Отражение фито-антропоморфной модели мира в русском народном творчестве. *Этнографическое обозрение*. 2003;(5):68–86. URL: <https://eo.ica.ras.ru/issue/12008/> (дата обращения: 23.01.2025).
9. Кортович А.В. Трехчастная композиция архаического типа в оформлении русского народного текстиля. *Культурное наследие России*. 2016;(1):37–43. <https://www.elibrary.ru/vszfgj>
10. Бобыкина Н.Ю. Происхождение вышитых орнаментов: моногр. М.; 2014. 208 с.
11. Нечаева А.С. Методологические подходы к изучению орнамента в современном гуманитарном знании. *Костумология*. 2020;5(1):1–12. URL: <https://kostumologiya.ru/15ivkl120.html> (дата обращения: 23.01.2025).
12. Палагута И.В. Орнамент как особый вид искусства. *Художественная культура*. 2020;(1):45–59. URL: https://artculturestudies.sias.ru/upload/iblock/13e/hk_2020_1_45_64_palaguta.pdf (дата обращения: 23.01.2025).
13. Аккуратова О.Л., Роганова Д.А. Исследование русского народного орнамента и его адаптация в современном дизайне костюма. *Технология текстильной промышленности*. 2019;(3):233–237. <https://www.elibrary.ru/qtxjku>
14. Щербакова Т.Л. Новации в орнаментальной культуре как процесс утраты сакрального (на примере русского текстильного орнамента XVIII – начала XX в.). *Известия Уральского федерального университета (УрФУ). Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2021;27(4):139–148. URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia1/article/view/5516> (дата обращения: 23.01.2025).
15. Файзуллина Э.Е. Орнамент как учебный материал и источник творчества в профессиональной подготовке дизайнеров костюма. *Культура и образование: научно информационный журнал вузов культуры и искусства*. 2023;(4):134–142. URL: <https://sciup.org/ornament-kak-uchebnyj-material-i-is-tochnik-tvorchestva-v-professionalnoj-144163004> (дата обращения: 23.01.2025).
16. Молчанова Л.А. Удмуртский народный костюм (история и символика): моногр. Ижевск: Издат. центр «Удмуртский государственный университет»; 2006. 132 с.

Информация об авторе:

Молчанова Людмила Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры компьютерных технологий и художественного проектирования Удмуртского государственного университета (426034, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8379-3450>, SPIN-код: [3742-2207](https://orcid.org/0000-0002-8379-3450), lusmolchan@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 01.04.2025; одобрена после рецензирования 18.08.2025; принята к публикации 25.08.2025.

REFERENCES

1. Atamanov-Egrapi M.G. [The Origin of the Udmurt People: Monograph]. Izhevsk; 2017. (In Russ.)
2. Kosareva I.A. [The Art of Pattern Weaving of the Udmurt People: Album-Monograph]. Izhevsk; 2020. (In Russ.)

3. Shutova N.I. The Origin and Semantics of the Lunar Sign TOLEZYU. *Bulletin of the Udmurt University. Ser.: History and Philology*. 2015;25(4):87–94. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/uhskyf>
4. Likhacheva L.L. The Udmurt Ritual Towel in the Exposition and Exhibition Practice of the Museum of Local Lore. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2017;11(4):115–127. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/1991> (accessed 23.01.2025).
5. Bortnicova N.V. Udmurt Fancy Culture. Semantics of Female Image. In: [In the World of Science and Art: Issues of Philology, Art History, and Cultural Studies: Collection of Articles Based on the Materials of the XXXIII International Scientific and Practical Conference No. 2]. Novosibirsk; 2014. P. 86–93. (In Russ., abstract in Eng.)
6. Vakhrusheva A.V. [Natural Images in the Udmurt Ornament]. In: [Culture and Ecology – the Foundations of Russia's Sustainable Development. Human Capital as a Key Resource of the Green Economy. Part 1: Proceedings of the International Forum]. Yekaterinburg; 2018. P. 369–373. (In Russ.)
7. Dinces L.A. [The Image of the Serpent Fighter in Russian Folk Embroidery]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1948;(4):36–53. (In Russ.) Available at: <https://eo.ica.ras.ru/issue/17795/> (accessed 23.01.2025).
8. Denisova I.M. Phyto-Anthropomorphous World Model in Russian Folk Crafts. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2003;(5):68–86. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://eo.ica.ras.ru/issue/12008/> (accessed 23.01.2025).
9. Kortovich A.V. Ternary Composition of Archaic Type in Decoration of Russian Folk Textiles. *Cultural Heritage of Russia*. 2016;(1):37–43. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/vszfgj>
10. Bobykina N.Yu. [The Origin of Embroidered Ornaments: Monograph]. Moscow; 2014. 208 p. (In Russ.)
11. Nechaeva A.S. Methodological Approaches to the Study of Ornament in the Modern Humanitarian Knowledge. *Journal of Clothing Science*. 2020;5(1):1–12. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://kostumologiya.ru/15ivkl120.html> (accessed 23.01.2025).
12. Palaguta I.V. Ornament as a Special Kind of Art. *Art & Culture Studies*. 2020;(1):45–59. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://artculturestudies.sias.ru/upload/iblock/13e/hk_2020_1_45_64_palaguta.pdf (accessed 23.01.2025).
13. Akkuratova O.L., Roganova D.A. The Research of the Russian Folk Ornament and Its Adaptation in the Modern Design. *Textile Industry Technology*. 2019;(3):233–237. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/qtxjku>
14. Shcherbakova T.L. Innovations in Ornamental Culture as a Process of Loss of the Sacred (on the Example of Russian Textile Ornament of the XVIII – Early XX Centuries). *Izvestia Ural Federal University Journal. Ser. 1: Issues in Education, Science and Culture*. 2021;27(4):139–148. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia1/article/view/5516> (accessed 23.01.2025).
15. Fayzullina E.Ye. Ornament as an Educational Material and a Source of Creativity in the Professional Training of Costume Designers. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2023;(4):134–142. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://sciup.org/ornament-kak-uchebnyj-material-i-istochnik-tvorchestva-v-professionalnoj-144163004> (accessed 23.01.2025).
16. Molchanova L.A. [Udmurt Folk Costume (History and Symbolism): Monograph]. Izhevsk; 2006. (In Russ.)

Information about the author:

Lyudmila A. Molchanova, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor of the Department of Computer Technologies and Art Design, Udmurt State University (1 Universitetskaya St., Izhevsk 426034, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8379-3450>, SPIN-code: 3742-2207, lusmolchan@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 01.04.2025; revised 18.08.2025; accepted 25.08.2025.

ЭТНОДЕМОГРАФИЯ ETHNODEMOGRAPHY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.496-512><https://elibrary.ru/lkyfvu>

УДК / UDC 314.8(470.4+470.5)

Оригинальная статья / Original article

Тенденции урбанизационных процессов в национальных республиках Урало-Поволжья во второй половине XX – начале XXI в.

Г. Ф. Ахметова*Уфимский университет науки и технологий,**г. Уфа, Российская Федерация**Институт стратегических исследований Академии наук**Республики Башкортостан, г. Уфа, Российская Федерация**aguldar@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Урбанизация выступает важным фактором, определяющим современное состояние и перспективы демографического и социального развития страны. Проявлением и следствием урбанизационных процессов является рост городов, усиление агломерационных тенденций, а также изменение численности, размещения и структуры населения. Последнее обстоятельство особенно актуально для коренных народов национальных республик Урало-Поволжья, относительно поздно включившихся в городскую среду, – финно-угорских и тюркских. Цель исследования – выявление ключевых закономерностей размещения, динамики численности и удельного веса городского населения в национальных республиках Урало-Поволжья во второй половине XX – начале XXI в. В статье впервые проводится сравнительный анализ урбанизационных процессов в отношении как всего населения, так и коренных народов республик Урало-Поволжья в этническом разрезе за рассматриваемый период.

Материалы и методы. Автором на основе методов описательной статистики анализируются результаты Всесоюзной и Всероссийских переписей населения 1989, 2002, 2010, 2020 гг., данные текущей статистики, а также региональные документы стратегического планирования, в которых отражены основные тенденции агломерационных процессов. Анализ проводится по шести национальным республикам Урало-Поволжья – с коренным финно-угорским (Марий Эл, Мордовия, Удмуртия) и тюркским населением (Башкортостан, Татарстан, Чувашия).

Результаты исследования и их обсуждение. В рассматриваемых республиках наблюдается центро-периферийный характер развития сети городских населенных пунктов. Выделяются города, играющие роль центров, расположенные в наиболее развитых в социально-экономическом отношении территориях республик, в которых протекают агломерационные процессы. Характер размещения горожан демонстрирует общероссийскую тенденцию концентрации населения в крупных городах, региональных столицах, агломерациях. Национальные республики отличаются характером динамики масштабов и уровня урбанизированности как всего населения, так и коренных этносов. Республика Татарстан и Удмуртская Республика показывают две противоположные тенденции: в первой происходит стабильный рост численности и доли городского населения, во второй – их снижение. В остальных республиках динамика абсолютных и относительных показателей урбанизированности населения не так устойчива (периоды роста могут сменяться снижением и наоборот); изменения показателей могут иметь разный характер.

© Ахметова Г. Ф., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Сравнительный анализ рассматриваемых вопросов в региональном аспекте помогает исследовать особенности вовлечения населения отдельных регионов и этносов в городскую среду, выявить перспективы их социального и демографического развития, сформировать действенные механизмы национальной, социальной, демографической политики с целью сохранения демографического потенциала регионов и этносов в процессе урбанизации.

Ключевые слова: Урало-Поволжье, национальная республика, городское население, урбанизация, башкиры, татары, чуваша, марийцы, мордва, удмурты

Финансирование: статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель – академик Российской академии наук В. А. Тишков).

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ахметова Г.Ф. Тенденции урбанизационных процессов в национальных республиках Урало-Поволжья во второй половине XX – начале XXI в. *Финно-угорский мир*. 2025;17(4):496–512. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.496-512>

Trends in Urbanization Processes in the National Republics of the Ural-Volga Region During the Late 20th and Early 21st Centuries

G. F. Akhmetova

*Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation
Institute of Strategic Researches of the Academy of Sciences
of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russian Federation
aguldar@yandex.ru*

Abstract

Introduction. Urbanization constitutes a significant factor shaping the contemporary state and future trajectories of a nation's demographic and social development. The consequences of urbanization processes include the expansion of cities, the intensification of agglomeration trends, and alterations in the size, distribution, and composition of the population. The latter is of particular relevance for the Indigenous peoples of the national republics of the Ural-Volga region – specifically the Finno-Ugric and Turkic groups – who experienced a relatively late integration into the urban milieu. The objective of this research is to identify the key patterns in the distribution, dynamics, and proportion of the urban population within the national republics of the Ural-Volga region from the second half of the 20th century to the early 21st century. This article provides a novel comparative analysis of urbanization processes, examining both the general population and the Indigenous peoples of these republics through an ethnic lens for the period under review.

Materials and Methods. Using descriptive statistics, the author analyzes data from the 1989, 2002, 2010, and 2020 Soviet and Russian national censuses, current demographic records, and regional strategic planning documents to identify key trends in agglomeration processes. The analysis focuses on six national republics of the Ural-Volga region: those with indigenous Finno-Ugric (Mari El, Mordovia, Udmurtia) and Turkic populations (Bashkortostan, Tatarstan, Chuvashia).

Results and Discussion. The republics under examination exhibit a center-periphery pattern in the development of their urban settlement networks. A distinct group of core cities has emerged, situated within the most socio-economically advanced territories of these republics, where agglomeration processes are underway. The distribution of the urban population reflects a pan-Russian trend of population concentration in major cities, regional capitals, and agglomerations. The national republics are distinguished by the specific dynamics in the scale and level of urbanization, observable for both the total population and the titular ethnic groups. The Republic of Tatarstan and the Udmurt Republic exemplify two contrasting trends: the former demonstrates a consistent increase in both the size and proportion of the urban population, whereas the latter experiences a decline. In the remaining republics, the dynamics of absolute and relative urbanization metrics are less stable, with periods of growth periodically alternating with decline, and vice versa; the nature of these changes can vary significantly.

Conclusion. A comparative regional analysis of these issues allows for an examination of how specific regional and ethnic populations are integrated into the urban milieu. This approach is instrumental in identifying

prospects for socio-demographic development and in devising effective policy mechanisms for national, social, and demographic governance, aimed at safeguarding demographic potential during urbanization.

Keywords: Ural-Volga region, national Republic, urban population, urbanization, Bashkirs, Tatars, Chuvash, Mari, Mordvins, Udmurts

Funding: The article was carried out as part of a research program related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity in 2023–2025 (headed by Academician of the Russian Academy of Sciences V.A. Tishkov).

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Akhmetova G.F. Trends in Urbanization Processes in the National Republics of the Ural-Volga Region During the Late 20th and Early 21st Centuries. *Finno-Ugric World*. 2025;17(4):496–512. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.496-512>

Введение

В современных условиях роста городов, интенсивных агломерационных процессов, с одной стороны, и глубоких изменений в демографическом развитии российских регионов – с другой, особую актуальность приобретает исследование изменения численности, удельного веса и размещения населения в городской местности, поскольку данные аспекты урбанизации во многом определяют перспективы демографического и социального развития страны.

В России население большинства регионов было вовлечено в урбанизацию в начале и середине XX столетия, в период, когда в стране шли процессы интенсивной индустриализации и промышленного строительства¹. Большой интерес в контексте изучаемой проблемы представляют регионы, коренное население которых относительно поздно включилось в городскую среду. Урбанизация в таком случае сопровождалась трансформацией традиционного образа жизни, а также изменениями в системе расселения и социально-территориальной структуре населения. Это относится к коренным этносам национальных республик Урало-Поволжья – финно-угорским (мордва, марийцы, удмурты) и тюркским (башкиры, татары, чуваш)².

Цель статьи – выявление основных тенденций в размещении и изменении удельного веса городского населения в национальных республиках Урало-Поволжья во второй половине XX – начале XXI в. В задачи исследования входят: общая характеристика сложившейся сети городских населенных пунктов и агломераций в национальных республиках, размещения городского населения в разных типах городов; анализ динамики удельного веса городских жителей в составе как всего населения республик, так и коренных этносов. В статье впервые проводится сравнительный анализ данных вопросов по республикам Урало-Поволжья в этническом разрезе за рассматриваемый период.

Обзор литературы

Процессы урбанизации и развития городов в зарубежных исследованиях рассматривались в контексте разных подходов, в том числе социальных и этнокультурных последствий урбанизации³; роста и развития городов, агломераций и наагломерационных образований [1; 2]; сокращения численности населения, так называемого «упадка» или «сжатия» городов [3; 4].

¹ Козлов В.И. Национальности СССР: Этнодемографический обзор. М.: Финансы и статистика; 1982. С. 79–104.

² Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука; 1992. С. 88, 89.

³ Парк Р.Э. Избранные очерки: сб. переводов. М.; 2011. 320 с. URL: <https://klex.ru/1dri> (дата обращения: 10.07.2025).; Вирт Л. Избранные работы по социологии: сб. переводов. М.: ИНИОН; 2005. 244 с. URL: <https://inion.ru/ru/publishing/publications/izbrannye-raboty-po-sotsiologii/> (дата обращения: 10.07.2025)..

В России исследования по проблемам урбанизации, в том числе ее этнических аспектов, развивались на стыке разных научных дисциплин. Ряд отечественных ученых в области географии и демографии отмечали следующие основные тенденции урбанизации. В досоветской России урбанизация носила «запаздывающий» характер, в советский – стремительный, который можно обозначить как «городской взрыв» [6]. С конца XIX до конца XX в. в стране произошла «урбанистическая революция», которая, несмотря на свой прогрессивный характер, привела к определенным противоречиям в развитии городов. С 1980–1990-х гг. темпы урбанизации в стране начинают снижаться [6]. Урбанизация приводит к неравномерному размещению населения, культурной и экономической концентрации жизнедеятельности, росту значимости крупнейших городов, развитию новых форм городского расселения – агломераций, сокращению сельского населения в результате миграционного оттока в города⁴. Формы расселения и урбанизация оказывают значительное влияние на этнические процессы⁵.

В исследованиях В. И. Козлова, А. А. Черкасова освещались этнические особенности урбанизационных процессов в стране. В. И. Козлов на основе переписей населения рассматривал изменения в размещении, численности сельского и городского населения в союзных и автономных республиках СССР за большой исторический отрезок времени – с начала XX в. до 1979 г. Одним из главных показателей урбанизации он считал рост абсолютной и относительной численности городского населения; подчеркивал этнически избирательный характер урбанизационных процессов, обусловленный историческими, политическими, социальными факторами. В. И. Козлов отмечал также, что различия в динамике городского населения разных национальностей объясняются и характером их естественного и миграционного движения⁶. В работе А. А. Черкасова раскрываются особенности урбанизационных процессов более позднего периода – с 1959 по 2010 г. По мнению исследователя, современная урбанизация характеризуется, с одной стороны, замедлением темпов роста городов, в том числе крупнейших, с другой – усилением концентрации городского населения в них. Ученый рассматривает динамику доли городского населения в составе отдельных этносов, отмечает стабилизацию показателей урбанизированности этносов в начале XXI в. и их более низкие значения по сравнению с 1960–1980 гг. [7].

В рассматриваемых национальных республиках проводились исследования по урбанизации этносов Урало-Поволжья: башкир⁷, удмуртов [8], чувашей [9] и др. [10; 12]. Определенные аспекты урбанизации коренных этносов Урало-Поволжья нашли отражение в коллективных монографиях Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН [13–14]. В частности, в указанных работах значительное внимание уделялось проблеме трансформации этнического самосознания, ценностных установок, языкового поведения титульных этносов в городах; поднимался вопрос снижения роли и функций родного языка в условиях урбанизации, что ведет к ассимиляционным процессам в их среде, и, как следствие, – сокращению численности этноса [15].

При анализе динамики численности и размещения тюркского и финно-угорского населения внимание ученых привлекали результаты переписей населения [16–19]. В то же время итоги последней переписи (2020 г.) вызвали у научного сообщества большие вопросы на предмет их полноты и достоверности: ее результаты показали значительное сокращение многих народов России, что, по мнению ученых, было вызвано масштабным недоучетом населения в ходе проведения переписи, а также высокой долей лиц, не указавших основные социально-демографические характеристики, в том числе национальную принадлежность [20–22].

⁴ Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука; 1991. 132 с.

⁵ Покшишевский В.В. Население и география: Теоретические очерки. М.: Мысль; 1978. 315 с.

⁶ Козлов В.И. Национальности СССР. С. 67–142.

⁷ Киякбаев М. Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность (опыт историко-этнографического и этносоциологического исследования). Уфа: НУР-Полиграфиздат; 1998. 212 с.

На наш взгляд, несмотря на имеющиеся недостатки результатов Всероссийской переписи населения 2020 г., это единственный источник информации по многим показателям развития населения, этнических групп, и они могут быть использованы в научном анализе, поскольку дают возможность увидеть общие тенденции их развития.

Материалы и методы

В статье представлен анализ динамики урбанизационных процессов в национальных республиках Урало-Поволжья, выполненный с применением методов описательной статистики. Проведен сравнительный анализ двух ключевых показателей: абсолютной численности городского населения и удельного веса горожан в общей структуре населения.

Исследование опирается на данные Всесоюзной переписи населения 1989 г., Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг.

Анализ проводится на двух взаимосвязанных уровнях:

1) уровне национальных республик Урало-Поволжья. Исследуются субъекты РФ, традиционно включаемые в данный макрорегион: республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, а также оцениваются общерегиональные тенденции: динамика численности и доли городского населения, темпы урбанизации, дифференциация между субъектами по данным показателям;

2) уровне этнических групп. Рассматриваются коренные этносы перечисленных республик: тюркские – башкиры, татары, чуваш; финно-угорские – марийцы, мордва, удмурты; анализируется процесс изменения численности городского населения и доли горожан в структуре населения для каждой группы.

В рамках анализа отдельно рассматривается эволюция сети городов – появление новых городских поселений, изменение статуса населенных пунктов, развитие агломераций. С этой целью используются данные текущей статистики за 2024 г., а также региональные документы стратегического планирования, в которых обозначены основные тенденции агломерационных процессов в национальных республиках.

Результаты исследования и их обсуждение

Формирование сети городских населенных пунктов и агломераций. Возникновение и развитие сети городских населенных пунктов определяется особенностями исторического развития территорий, природно-географическими условиями, социально-экономическими процессами и другими факторами⁸.

Среди рассматриваемых республик выделяются Башкортостан и Татарстан как наиболее крупные по численности населения и занимаемой площади, а также как регионы с относительно высокими значениями социально-экономического развития⁹. В каждом из них на начало 2024 г. проживало более 4 млн чел. Самыми малочисленными республиками являются Мордовия и Марий Эл: в первой насчитывалось около 766 тыс. чел., во второй – 670. В Удмуртской и Чувашской республиках численность населения была почти вдвое больше и составляла более 1,4 млн и 1,1 млн чел. соответственно (табл. 1).

Указанные выше факторы способствовали тому, что в каждой республике сложившаяся сеть городских населенных пунктов имеет свои особенности. Наибольшим числом городов отличаются Башкортостан и Татарстан – 21 и 24 соответственно.

⁸ Лаппо Г.М. География городов. М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС; 1997. 480 с.

⁹ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2024: Стат. сб.: Росстат. М.; 2024. URL: <https://clck.ru/3P5W2A> (дата обращения: 10.07.2025).

Таблица 1. Площадь территории и численность населения в национальных республиках Урало-Поволжья, на 1 января 2024 г.

Table 1. Territorial area and population size in the National Republics of the Ural-Volga region, 1 January 2024

Национальные республики / National republics	Площадь, тыс. км ² / Area, thousand square kilometers	Население, тыс. чел. / Population, thousand people		
		Всего / Total	Городское / Urban	В столицах / In the capitals
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	142,9	4 064,3	2 544,4	1 163,3
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	67,8	4 003,0	3 069,2	1 318,6
Чувашская Республика / Chuvash Republic	18,3	1 167,1	753,2	496,4
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	23,4	669,8	463,1	285,0
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	26,1	765,9	488,0	310,9
Удмуртская республика / Udmurt Republic	42,1	1 434,6	943,5	618,8

Источник: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2024: Стат. сб.: Росстат. М.; 2024. URL: <https://clck.ru/3P5W2A> (дата обращения: 10.07.2025).

Source: [Regions of Russia. The Main Characteristics of the Subjects of the Russian Federation. 2024: Statistical Collection]: Rosstat. Moscow; 2024. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3P5W2A> (accessed 10.07.2025).

В других республиках городов значительно меньше: в Чувашии – 9, Мордовии – 7, Удмуртии – 6, Марий Эл – 4 (табл. 2).

Башкортостан и Татарстан характеризуются еще и тем, что здесь образовались города-миллионники, которые имеют статус региональных центров. В других республиках столичные города относятся к категории крупных городов с гораздо меньшим числом жителей. В столицах Удмуртии и Чувашии численность населения около 600 и 500 тыс. чел.; в Марий Эл и Мордовии – 285 и 311 тыс. чел. соответственно (табл. 1, 2).

Общим для всех республик является численное доминирование малых городов. В Мордовии малыми являются 6 из 7 городов, в Чувашии – 7 из 9, в Татарстане – 15 из 24, в Башкортостане – 9 из 21. Такое положение соответствует общероссийской ситуации: в стране преобладают города с численностью населения до 50 тыс. чел. и составляют около 70 % [23]. Гораздо меньше в республиках средних и больших городов. Последних нет в республиках Марий Эл, Мордовия, Удмуртия (табл. 2).

К формам городского расселения относятся поселки городского типа (пгт). В начале 2000-х гг. в результате административно-территориальных реформ многие из них были преобразованы в сельские населенные пункты. В Татарстане ряд пгт получил статус городов. В настоящее время пгт полностью упразднены в Чувашии и Удмуртии, а в Башкортостане из 40 пгт осталось лишь 2. В Татарстане, Мордовии и Марий Эл сокращение числа пгт не было столь кардинальным, что позволило сдерживать уменьшение численности и удельного веса городского населения.

Характерной чертой России является неравномерность сети городов; сочетание высокоурбанизированных территорий, возглавляемых многофункциональными центрами, и обширных сельских территорий, на которых находятся малые города, в большинстве выросшие из сельских поселений и являющиеся скорее закономерными элементами сельской местности¹⁰.

Другими закономерными направлениями урбанизационных процессов, которые проявляются как на страновом, так и региональном уровне, являются территориальная концентрация городского и сельского населения, рост крупных городов, образование агломераций¹¹.

¹⁰ Лаппо Г.М. География городов. С. 331.

¹¹ Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. С. 3.

Т а б л и ц а 2. Группировка городских населенных пунктов по численности населения в национальных республиках Урало-Поволжья, на 1 января 2024 г.
T a b l e 2. Classification of urban settlements by population size in the National Republics of the Ural-Volga region, 1 January 2024

Национальные республики / National republics	Всего городов / Total cities	Типы городов по численности населения, тыс. чел. / Types of cities by population, thousand people						Пгт / Urban-type settlements
		Малые / Small	Средние / Medium-sized	Большие / Big	Крупные / Major		Крупнейшие / The largest	
					до 50	51–100		
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	21	9	7	3	1	1	1	2
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	24	15	5	2	–	1	1	17
Чувашская Республика / Chuvash Republic	9	7	–	1	1	–	–	–
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	4	2	1	–	1	–	–	15
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	7	6	–	–	1	–	–	13
Удмуртская Республика / Udmurt Republic	6	2	3	–	–	1	–	–

Примечание: ячейки, обозначающие столицы республик, выделены цветом.

Note: The cells designating the capitals of the republics are highlighted in color.

Источник: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2024: Стат. сб.: Росстат. М.: 2024. URL: <https://clck.ru/3P5X8t> (дата обращения: 15.07.2025).

Source: [Regions of Russia. The Main Characteristics of the Subjects of the Russian Federation. 2024: Statistical Collection]: Rosstat. Moscow; 2024. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3P5X8t> (accessed 15.07.2025).

Общероссийские тенденции урбанизации, в том числе агломерационные процессы, проявляются и в национальных республиках Урало-Поволжья. В Татарстане во всех трех экономических зонах (Казанской, Камской и Альметьевской) сформировались агломерации с одноименными названиями. Крупнейшей агломерацией является Казанская, в которую наряду с близлежащими сельскими территориями входят, помимо городского округа г. Казань, 5 городских поселений: города Иннополис, Зеленодольск, Лаишево и 2 пгт. Татарстан – единственная республика Урало-Поволжья, в документе стратегического планирования которой указано, что в ней создано агломерационное образование более высокого порядка, чем «традиционная» агломерация, – трехъядерный Волго-Камский метрополис сетевого типа, объединяющий три указанные выше агломерации¹².

В Башкортостане, в регионе с выраженной социально-экономической дифференциацией территорий, большинство городов находится в более развитых Центральном, Южном, Западном субрегионах. В каждом из них образовались агломерации: в Центральном – крупнейшая Уфимская; Южном – Южно-Башкортостанская (Стерлитамакская); Западном – Октябрьско-Туймазинская. Возникла агломерация и на северо-западе республики – Нефтекамская¹³. Слабоурбанизирован Юго-Восточный субрегион республики, где расположены 3 средних и 1 малый город. На севере и северо-востоке региона совсем нет городских населенных пунктов.

В других республиках Урало-Поволжья также выделяются более урбанизированные и развитые в социально-экономическом отношении территории, где протекают агломерационные процессы. В Чувашии это северная часть республики, в которой находится крупный столичный город Чебоксары – «ядро» одноименной агломерации, включающей в себя второй по численности большой город Новочебоксарск и 2 малых города¹⁴.

В Марий Эл, характеризующейся как республика с существенными различиями в социально-экономическом развитии муниципальных образований¹⁵, наиболее урбанизированной является центральная часть. Здесь находится столица Йошкар-Ола с образованной вокруг нее агломерацией, в которую входят 3 пгт¹⁶.

В Мордовии рассматриваются как наиболее развитые в социально-экономическом отношении восточные районы, где сконцентрирован основной промышленный, трудовой, образовательный потенциал республики. Столица расположена в географическом центре, восточнее которой находится большинство городов субъекта. Столица Мордовии – г. Саранск – и второй по численности населения город Рузаевка с возглавляемым им муниципальным районом образуют агломерацию¹⁷.

¹² Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ. URL: <https://clck.ru/3P4eFm> (дата обращения: 10.07.2025).

¹³ О Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года: Постановление Правительства Республики Башкортостан от 20.12.2018 № 624. URL: <https://clck.ru/3P4eKC> (дата обращения: 10.07.2025); Об утверждении Схемы территориального планирования Республики Башкортостан до 2020 года: Постановление Правительства Республики Башкортостан от 05.08.2015 № 289. URL: <https://clck.ru/3P4eBp> (дата обращения: 10.07.2025).

¹⁴ О Стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2035 года: Закон Чувашской Республики от 26.11.2020 № 102. URL: <https://clck.ru/3P4ePP> (дата обращения: 10.07.2025).

¹⁵ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Марий Эл на период до 2030 года: Постановление Правительства Республики Марий Эл от 17.01.2018 № 12. URL: <https://clck.ru/3P4ej4> (дата обращения: 11.07.2025).

¹⁶ О формировании состава Йошкар-Олинской городской агломерации в Республике Марий Эл: Постановление Правительства Республики Марий Эл от 04.12.2020 № 455. URL: <https://clck.ru/3P4egW> (дата обращения: 11.07.2025).

¹⁷ О Стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года: Закон Республики Мордовия от 01.10.2008 № 94-З. URL: <https://clck.ru/3P4ee7> (дата обращения: 11.07.2025); Проект Стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия на период до 2035 г.: Министерство экономического развития Российской Федерации. Саранск; 2024. URL: <https://clck.ru/3P4ebE> (дата обращения: 11.07.2025).

В Удмуртии города в основном находятся в южной части республики. Столица выступает «ядром» Ижевской агломерации, куда входят 2 средних города – наиболее многочисленные после столицы республики, а также 1 малый город¹⁸.

Таким образом, в национальных республиках Урало-Поволжья достаточно отчетливо проявляется центр-периферийный характер развития сети городских населенных пунктов. Выделяются города, играющие роль центров (центральных мест), расположенные в наиболее развитых в социально-экономическом плане территориях республик. В республиках активно протекают агломерационные процессы; более масштабный характер они приобретают в Татарстане и Башкортостане.

Размещение городского населения. Особенностью размещения городского населения в России является его большая представленность в крупных городах¹⁹. Указанная тенденция имеет место и в национальных республиках Урало-Поволжья, что подтверждают данные текущей статистики (табл. 3).

Как видно из таблицы 3, в 2024 г. в Башкортостане и Татарстане удельный вес горожан, проживавших в крупнейших городах, составлял 43 и 45,7 %. В других республиках в крупных городах было сконцентрировано более 60 % городского населения, в малых городах, несмотря на их численное доминирование, проживала меньшая доля городского населения. В Марий Эл и Мордовии значительная доля городского населения была сконцентрирована в пгт – 20,9 и 17,3 % соответственно.

Размещение населения во многом определяется агломерационными процессами: происходит стягивание населения не только в крупные города, но и в их пригороды. Так, в национальных республиках Урало-Поволжья значительная доля населения проживает в агломерациях. По нашим расчетам, удельный вес жителей агломераций в Татарстане составляет 77 %, в Удмуртии – около 68–69 %, Чувашии – 66 %, Башкортостане – 64 %, Мордовии – 52 % и Марий Эл – 50 %. На крупнейшие Уфимскую и Казанскую агломерации приходится около 38 и 43 % жителей республик²⁰.

В первой половине XX в., несмотря на рост доли коренных жителей в составе городов, их удельный вес в населении столиц оставался незначительным, что во многом было связано с отличием национального состава крупных городов от окружающего сельского населения²¹. Сегодня, когда население республик, в том числе и представители коренных этносов, стягиваются к крупным городам своих регионов, к пригородам столиц, в агломерации, разница в этническом составе городов и близлежащих территорий не так выражена. Например, по данным последней переписи, удельный вес башкир в составе жителей Уфы не уступает их представленности в муниципальных районах Уфимской агломерации²². Чувашское городское население Башкортостана проживает вблизи своего сельского расселения, откуда идет «подпитка» городов новыми жителями²³. Такие особенности в этническом составе городов на разных территориях, безусловно, существуют и в других республиках Урало-Поволжья.

Характер размещения городского населения в разных типах городских населенных пунктов показывает, что урбанизационные процессы в национальных республиках имеют центростремительный характер и протекают в общероссийском тренде концентрации населения в крупных городах.

¹⁸ О Стратегии социально-экономического развития Удмуртской Республики на период до 2025 года: Закон Удмуртской Республики от 09.10.2009 № 40-ПЗ. URL: <https://clck.ru/3P4eXL> (дата обращения: 11.07.2025).

¹⁹ Лаппо Г.М. География городов. С. 331.

²⁰ Рассчитано по: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2024 г. В: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. Стат. бюлл.: Росстат. URL: <https://clck.ru/3P4f8T> (дата обращения: 20.07.2025).

²¹ Козлов В.И. Национальности СССР. С. 85.

²² Краткие итоги ВПН-2020 муниципальных районов и городских округов. Ч. 1.: Башкортостанстат. URL: <https://clck.ru/3P4fJ5> (дата обращения: 12.07.2025).

²³ Петров И.Г. Особенности формирования чувашского городского населения в Республике Башкортостан. В: Антропология города: социокультурные стратегии в полиэтническом обществе: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Магнитогорск; 2016. С. 102.

Т а б л и ц а 3. Размещение населения в разных типах городских населенных пунктов в национальных республиках Урало-Поволжья, на 1 января 2024 г., %
T a b l e 3. Population distribution in different types of urban settlements in the National Republics 1 Ural-Volga region, as of January 1, 2024 %

Национальные республики / National republics	Типы городов по численности населения, тыс. чел. / Types of cities by population, thousand people						Пгт / Urban-type settlements	Всего / Total
	Малые / Small	Средние / Medium-sized	Большие / Big	Крупные / Major		Крупнейшие / The largest		
	до 50	51–100	101–250	251–500	501–1000	свыше 1000		
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	9,5	16,6	15,6	11,0	–	45,7	1,6	100,0
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	9,4	12,1	13,2	–	17,7	43,0	4,6	100,0
Чувашская Республика / Chuvash Republic	18,1	–	16,0	65,9	–	–	–	100,0
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	6,4	11,2	–	61,6	–	–	20,9	100,0
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	19,0	–	–	63,7	–	–	17,3	100,0
Удмуртская Республика / Udmurt Republic	5,7	28,8	–	–	65,6	–	–	100,0

Источник: рассчитано по: Численность населения городов и поселков городского типа по федеральным округам и субъектам Российской Федерации на 1 января 2024 г.
В: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям: Стат. бюлл.: Росстат. URL: <https://clck.ru/3P4fLQ> (дата обращения: 11.07.2025).
Source: Calculated from: [Population of cities and urban-type settlements by federal districts and constituent entities of the Russian Federation as of January 1, 2024]. In: [Population of the Russian Federation by municipalities: Statistical bulletin]: Rosstat. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3P4fLQ> (accessed 11.07.2025).

Динамика численности и удельного веса городского населения. Удельный вес горожан в составе населения многие исследователи рассматривают как один из важных показателей уровня урбанизированности населения. Существует подход, согласно которому считается: если более половины населения региона проживает в городах (50 % и выше), то оно преодолело так называемый урбанизационный переход [6; 7]. Исходя из времени, когда он состоялся, национальные республики Урало-Поволжья характеризуются как регионы со средним и поздним урбанизационным переходом. К первым относятся Удмуртия и Татарстан, где доля горожан достигла отметки в 50 % в 1964 и 1969 гг. соответственно; ко вторым – Башкортостан (1972 г.), Марий Эл (1976 г.), Мордовия и Чувашия (1983 г.) [6].

Рассмотрим, как менялись численность и удельный вес городского населения в течение последних 30 лет (между переписями 1989 и 2020 гг.) в составе как всего населения регионов, так и отдельных (титульных) этносов. Следует отметить, что значительное влияние на динамику городского населения в республиках оказали административно-территориальные преобразования начала 2000-х гг. по переводу пгт в сельские поселения, о чем было сказано выше. В результате этого во всех республиках (кроме Татарстана) между переписями 2002 и 2010 гг. численность горожан сократилась. В следующий межпереписной период, к 2021 г., она выросла в Башкортостане, Чувашии и Марий Эл и продолжила сокращаться в Мордовии и Удмуртии. Татарстан сохранял позитивную динамику роста числа горожан во многом благодаря тому, что ряд пгт в республике был преобразован не в сельские поселения, а в города (табл. 4).

Согласно данным таблицы 3, изменения численности городского населения не всегда совпадали с динамикой его удельного веса. Только в Республике Татарстан от переписи к переписи возрастали и абсолютные, и относительные показатели. На фоне постоянного сокращения численности горожан в Мордовии происходил устойчивый рост их удельного веса, в Удмуртии – сохранение значений и их снижение лишь по итогам последней переписи. Во многом это было связано с тем, что сокращение абсолютных значений городского населения происходило одновременно с падением численности населения регионов в целом.

Так, между переписями 1989 и 2020 гг. динамика численности населения в национальных республиках носила преимущественно нисходящий характер, за исключением Татарстана и Башкортостана (табл. 5). Наиболее интенсивно численность населения за указанный период сократилась в Мордовии – на 18,7 %; в Чувашской Республике – на 11,3 %; в Марий Эл и Удмуртии – более чем на 9 % в каждой республике.

Такая же ситуация, но более интенсивная, сложилась и в отношении титульных этносов (за исключением башкир и татар). Особенно сильным сокращение было в Удмуртии. Между 1989 и 2021 гг. удмуртов стало меньше на 39,6 %. В Марий Эл и Мордовии число представителей титульного этноса сократилось на 24 %, в Чувашии – на 19,5 %. Такое падение численности этносов, безусловно, сказалось и на показателях удельного веса горожан в их составе.

У башкир наблюдалось значительное снижение численности и доли горожан между переписями 2002 и 2010 гг. и рост к 2021 г., у татар – устойчивый рост абсолютных и относительных показателей. У других титульных этносов значительное сокращение численности горожан произошло в последний межпереписной период, при этом удельный вес городского населения вырос, за исключением удмуртов (табл. 6).

Если следовать отмеченному выше подходу об урбанизационном переходе, то, по итогам последней переписи, этносами, преодолевшими его к настоящему времени, можно считать татар (71,2 %) и отчасти мордву (51,5 %); приблизились к данному

Т а б л и ц а 4. Динамика абсолютной численности и удельного городского населения в национальных республиках Урало-Поволжья по итогам переписей населения, 1989–2021 гг.

Table 4. Dynamics of the absolute number and specific urban population in the National Republics of the Ural-Volga region according to the results of population censuses, 1989–2021

Национальные республики / National republics	Показатели / Indicators	Годы / Years			
		1989	2002	2010	2021
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	Чел. / people	2 516,6	2 626,6	2 461,7	2 530,2
	%	63,8	64	60,4	61,8
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	Чел. / people	2 654,8	2 790,7	2 853,7	3 074
	%	72,9	73,8	75,4	76,8
Чувашская республика / Chuvash Republic	Чел. / people	771,1	796,2	735,9	758
	%	57,6	60,6	58,8	63,9
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	Чел. / people	457,2	459,7	439,6	462,9
	%	61	63,1	63,1	68,4
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	Чел. / people	541,1	531,5	504,3	496,1
	%	56,2	59,8	60,4	63,3
Удмуртская республика / Udmurt Republic	Чел. / people	1 119,8	1 094,3	1 052,2	954,2
	%	69,7	69,7	69,2	65,7

Примечание: в итогах Всероссийской переписи населения 2020 г. зафиксированы данные на 1 октября 2021 г.

Note: The results of the 2020 All-Russian Population Census include data as of October 1, 2021.

Источник: составлено, рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1989 г.: онлайн-база данных Института демографии им. А. Г. Вишневского НИУ ВШЭ. Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3P4fVJ> (дата обращения: 12.07.2025); Всероссийские переписи населения 2002, 2010, 2020 гг.: Росстат. URL: <https://clck.ru/3P4faH> (дата обращения: 12.07.2025).

Source: Compiled and calculated from: [All-Union Population Census of 1989: online database of the A. G. Vishnevsky Institute of Demography of the National Research University of Higher School of Economics]; Demoscope Weekly [Electronic resource]. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3P4fVJ> (accessed 12.07.2025); [All-Russian population censuses of 2002; 2010; 2020]: Rosstat. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3P4faH> (accessed 12.07.2025).

показателю чуваш (49,6 %). В отношении других титульных этносов говорить о преодолении урбанизационного перехода не приходится: в составе башкир доля горожан равна 45,6; марийцев – 43,7; удмуртов – 30,7 %.

По нашему мнению, удельный вес городского населения является достаточно ограниченным показателем уровня урбанизированности населения, так как его повышение не всегда совпадает с ростом масштабов урбанизации, увеличением численности горожан, а может быть связано с процессами сокращения численности населения региона, этнических групп.

Факторы, оказывающие влияние на динамику численности населения регионов, в том числе городского населения и отдельных этносов, различны. Во-первых, в условиях урбанизации усиливаются ассимиляционные процессы в составе этносов. Они могут быть обусловлены изменением этноязыкового поведения, и, как

Т а б л и ц а 5. Динамика абсолютной численности всего населения и титульного этноса в национальных республиках Урало-Поволжья по итогам переписей населения 1989–2021 гг., тыс. чел.

Table 5. Dynamics of the absolute number of the total population and the titular ethnic group in the National Republics of the Ural-Volga region according to the results of population censuses 1989-2021, thousand people

Национальные республики / National republics	Этносы / Ethnic groups	Годы / Years			
		1989	2002	2010	2021
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	Все население / All the people	3 943,1	4 104,3	4 072,3	4 091,4
	Башкиры / Bashkirs	863,8	1 221,3	1 172,3	1 268,8
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	Все население / All the people	3 641,7	3 779,3	3 786,5	4 004,8
	Татары / Tatars	1 765,4	2 000,1	2 012,6	2 091,2
Чувашская Республика / Chuvash Republic	Все население / All the people	1 338,0	1 313,8	1 251,6	1 186,9
	Чуваши / Chuvash	906,9	889,3	814,8	684,9
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	Все население / All the people	749,3	728,0	696,5	677,1
	Марицы / Mari	324,3	312,2	290,9	246,6
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	Все население / All the people	963,5	888,8	834,8	783,6
	Мордва / Mordvins	324,3	312,2	290,9	246,6
Удмуртская республика / Udmurt Republic	Все население / All the people	1 605,7	1 570,3	1 521,4	1 452,9
	Удмурты / Udmurts	496,5	460,6	410,6	299,9

Источник: составлено по: Всесоюзная перепись населения 1989 г.: онлайн-база данных Института демографии им. А. Г. Вишневого НИУ ВШЭ Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3P4fVJ> (дата обращения: 12.07.2025); Всероссийские переписи населения 2002, 2010, 2020 гг.: Росстат. URL: <https://clck.ru/3P4faH> (дата обращения: 12.07.2025).

Source: [All-Union Population Census of 1989: online database of the A. G. Vishnevsky Institute of Demography of the National Research University of Higher School of Economics]; Demoscope Weekly [Electronic resource]. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3P4fVJ> (accessed 12.07.2025); [All-Russian population censuses of 2002; 2010; 2020]: Rosstat. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3P4faH> (accessed 12.07.2025).

Т а б л и ц а 6. Динамика абсолютной численности и удельного веса горожан в составе титульных этносов в национальных республиках Урало-Поволжья, 1989–2021 гг.

Table 6. Dynamics of the absolute number and specific urban population in the titular ethnic groups in the National Republics Ural-Volga region, 1989–2021

Этносы / Ethnic groups	Показатели / Indicators	Годы / Years			
		1989	2002	2010	2020
Башкиры / Bashkirs	Чел. / people	365,5	517,6	476,8	578,7
	%	42,3	42,4	40,7	45,6
Татары / Tatars	Чел. / people	1 118,8	1 330,3	1 384,5	1 488,7
	%	63,4	66,5	68,8	71,2
Чуваши / Chuvashs	Чел. / people	422	446,6	384,3	339,7
	%	46,5	50,2	47,2	49,6
Марийцы / Mari	Чел. / people	119,5	124,6	116,7	107,7
	%	36,8	39,9	40,1	43,7
Мордва / Mordvins	Чел. / people	119,7	124,7	152,2	149,7
	%	38,2	43,9	45,7	51,5
Удмурты / Udmurts	Чел. / people	221,9	204,3	173,5	92,1
	%	44,7	44,3	42,3	30,7

Источник: составлено, рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1989 г.: онлайн-база данных Института демографии им. А. Г. Вишневого НИУ ВШЭ Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3P4fVJ> (дата обращения: 12.07.2025); Всероссийские переписи населения 2002, 2010, 2020 гг.: Росстат. URL: <https://clck.ru/3P4faH> (дата обращения: 12.07.2025).

Source: Compiled and calculated from: [All-Union Population Census of 1989: online database of the A. G. Vishnevsky Institute of Demography of the National Research University of Higher School of Economics]; Demoscope Weekly [Electronic resource]. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3P4fVJ> (accessed 12.07.2025); [All-Russian population censuses of 2002; 2010; 2020]: Rosstat. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3P4faH> (accessed 12.07.2025).

следствие, этнического самосознания представителей этнических групп. Об этом говорят многочисленные исследования, проведенные в регионах Урало-Поволжья во второй половине XX – начале XXI в., которые показывают, что для коренных этносов в городах доминирующим языком общения постепенно становится русский, вытесняя родной; роль и функции последнего становятся менее значимыми [10; 17]. Говоря о сокращении численности финно-угорских народов, исследователи выделяют и такую причину – выбор «чужой» национальности из политических или экономических соображений. Фактором ассимиляции могут выступать и межнациональные браки [18; 19].

Во-вторых, на численность этносов, в том числе в городах, оказывают влияние процессы естественного и миграционного движения [11; 18; 19]. Последнее, на наш взгляд, имеет немаловажное значение, так как рассматриваемые республики, за исключением Татарстана, характеризуются негативными тенденциями в сфере демографического развития [24].

В-третьих, к факторам, оказавшим влияние на численность и удельный вес горожан, относятся и административно-территориальные преобразования, в результате которых пгт были преобразованы в сельские поселения.

Отметим, что данные переписи 2020 г. не показывают целостную картину численности населения республик, в том числе городского населения, титульных этносов, в связи с определенными погрешностями учета населения. В то же время результаты последней переписи в целом отражают общие тенденции урбанизации в национальных республиках. Так, поступательный рост горожан в Татарстане, который демонстрировали данные предыдущих переписей, нашел отражение и в итогах последней. Снижение численности удмуртов в городах, имевшее место в 2002 и 2010 гг., наблюдалось и в 2021 г.

Заключение

Национальные республики Урало-Поволжья имеют особенности в сложившейся сети городских населенных пунктов. Среди республик выделяются Башкортостан и Татарстан как регионы, в которых расположено большее число городов и имеются города-миллионники, а также масштабнее протекают агломерационные процессы.

Во всех республиках Урало-Поволжья выделяются относительно развитые в социально-экономическом отношении территории, где расположены наиболее крупные города, столицы республик, которые выступают «ядрами» агломераций. Общим для всех республик является численное преобладание малых городов в сложившейся сети городских населенных пунктов.

Структура размещения городского населения в разных типах городов демонстрирует процесс его концентрации в крупных городах, стягивания горожан в города более высокого ранга – от малых к более крупным.

Неодинаков в национальных республиках характер динамики городского населения. В течение последних трех десятилетий поступательным ростом численности и доли горожан как в составе всего населения региона, так и коренного этноса отличается Татарстан. Противоположную тенденцию демонстрирует Удмуртия, где наблюдается нисходящая динамика городского населения, которое сокращается и в абсолютных, и в относительных значениях. В остальных республиках изменение численности и доли горожан имело разный характер, рост удельного веса мог происходить на фоне сокращения численности горожан. Это говорит о том, что увеличение удельного веса городского населения не всегда является показателем роста масштабов урбанизации, а может быть связано со снижением численности населения.

Факторами, оказавшими влияние на динамику населения в республиках Урало-Поволжья, выступают процессы ассимиляции в городской среде, обусловленные

изменением этноязыкового поведения, вступлением в межнациональные браки; демографические причины, связанные с естественной и миграционной убылью населения; административно-территориальные преобразования, которые привели к изменению статуса пгт в республиках. Следует учитывать и ограниченность данных последней переписи населения.

Проведенный анализ показал, что в национальных республиках Урало-Поволжья урбанизационные процессы, с одной стороны, характеризуются общероссийскими тенденциями, с другой – отличаются по своему характеру и интенсивности, по-разному отражаясь в сложившейся сети городских населенных пунктов, на представленности в городах населения, отдельных этносов.

Сравнительный анализ изучаемых вопросов в региональном разрезе дает возможность рассмотреть особенности вовлечения населения отдельных регионов и этносов в городскую среду; определить перспективы их социального и демографического развития; сформировать наиболее эффективные инструменты национальной, социальной, демографической политики, нацеленной на сохранение демографического потенциала регионов и этносов в условиях урбанизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press; 2001. 480 p. URL: <https://clck.ru/3P4ccR> (дата обращения: 10.07.2025).
2. Robinson J. Global and World Cities: A View from off the Map. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2002;26(3):531–554. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.00397>
3. Haase A., Rink D., Grossmann K., Bernt M., Mykhnenko V. Conceptualizing Urban Shrinkage. *Environment and Planning A*. 2014;46:1519–1534. <https://doi.org/10.1068/a46269>
4. Fol S., Cunningham Sabot E. Urban Decline and Shrinking Cities: A Critical Assessment of Approaches to Urban Shrinkage. *Annales de Geographie*. 2010;4(674):359–383. <https://doi.org/10.3917/ag.674.0359>
5. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ; 2010. С. 78–111.
6. Нефедова Т.Г., Полян П.П., Трейвиш А.И. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: моногр. сб. М.: ОГИ; 2001. 560 с.
7. Черкасов А.А. Этнические аспекты урбанизации в России. Ставрополь: ФОК-Юг; 2016. 240 с.
8. Уваров С.Н. Этнический фактор урбанизации в Удмуртии во второй половине XX века. В: Демографический потенциал стран ЕАЭС: сб. статей VIII Уральского демографического форума. Т. 1. Екатеринбург; 2017. С. 161–166.
9. Иванов В.П. Динамика расселения и численности чувашей в регионах России в XX веке. *Регионоведение*. 2005;(3):191–197. <https://elibrary.ru/mbbvld>
10. Соловьев Е.В., Шабыков В.И. Влияние урбанизации на динамику языкового поведения нерусских этносов республики Марий Эл. *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*. 2019;(75):42–51. <https://elibrary.ru/lfnarc>
11. Беляева Н.Ф. Современные этнодемографические процессы мордовского сельского населения. *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2017;(3):33–43. <https://elibrary.ru/zigbbx>
12. Башкиры. Отв. ред. Р. Г. Кузеев, Е. С. Данилко. М.: Наука; 2015. 662 с.
13. Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. Отв. ред. Н. Ф. Мокшин, Т. П. Федянович, Л. С. Христоробова. М.: Наука; 2000. 579 с.
14. Татары. Ред. Р. К. Уразманова, С. В. Чешко. М.: Наука; 2001. 583 с.
15. Чуваш. Отв. ред. В. П. Иванов, А. Д. Коростелев, Е. А. Ягафова. М.: Наука; 2017. 654 с.
16. Бушуев А.С., Габдрахманова Г.Ф., Загидуллин И.К., Измайлов Б.И. Татары в переписях населения. Казань; 2021. 75 с.
17. Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиулина А.И. Этнодемографическое и этноязыковое развитие финно-угорских народов в Урало-Поволжье. *Финно-угорский мир*. 2019;11(2):152–167. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.02.152-167>
18. Фаузер В.В. Финно-угорские народы в современном мире. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2011;(3):111–125. <https://elibrary.ru/oqrhlt>

19. Уваров С.Н. Удмурты: ассимиляция или депопуляция? (к итогам Всероссийской переписи населения 2021 г.). *Финно-угорский мир*. 2023;15(4):461–471. <https://elibrary.ru/toonsd>
20. Габдрахманова Г.Ф., Алос-и-Фонт Э. К вопросу о фиксации национальной принадлежности и владения языками во Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. *Социологические исследования*. 2024;(1):28–39. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010032>
21. Тишков В.А. О переписывании народов, или деконструкция переписей населения. *Этнографическое обозрение*. 2023;(4):183–211. <https://doi.org/10.31857/S0869541523040085>
22. Чудиновских О.С. К вопросу о возможности изучения миграции по материалам Всероссийской переписи населения 2020 г. *Демографическое обозрение*. 2025;12(2):4–34. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27489>
23. Черныш М.Ф., Маркин В.В., Баймурзина Г.Р. Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы: моногр. М.; 2021. 598 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-378-2.2021>
24. Рыбаковский О.Л. Воспроизводство населения регионов России в 1992–2024 гг.: итоги, компоненты, факторы. *Народонаселение*. 2024;27(4):4–17. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-4-4-17>

Информация об авторе:

Ахметова Гульдар Фаритовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Уфимского университета науки и технологий (450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32), ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан (450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. 50 лет Октября, д. 20/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9367-0246>, SPIN-код: 8427-0965, aguldar@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 07.04.2025; одобрена после рецензирования 25.08.2025; принята к публикации 08.09.2025.

REFERENCES

1. Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton: Princeton University Press; 2001. 480 p. Available at: <https://clck.ru/3P4ccR> (accessed 10.07.2025).
2. Robinson J. Global and World Cities: A View from off the Map. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2002;26(3):531–554. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.00397>
3. Haase A., Rink D., Grossmann K., Bernt M., Mykhnenko V. Conceptualizing Urban Shrinkage. *Environment and Planning A*. 2014;46:1519–1534. <https://doi.org/10.1068/a46269>
4. Fol S., Cunningham Sabot E. Urban Decline and Shrinking Cities: A Critical Assessment of Approaches to Urban Shrinkage. *Annales de Géographie*. 2010;4(674):359–383. <https://doi.org/10.3917/ag.674.0359>
5. Vishnevsky A.G. [Sickle and Ruble: Conservative Modernization in the USSR]. Moscow; 2010. P. 78–111. (In Russ.)
6. Nefedova T.G., Polyani P.P., Treivish A.I. [City and Village in European Russia: One Hundred Years of Change: Monograph]. Moscow; 2001. 560 p. (In Russ.)
7. Cherkasov A.A. [Ethnic Aspects of Urbanization in Russia]. Stavropol; 2016. 240 p. (In Russ.)
8. Uvarov S.N. The Ethnic Factor of Urbanization in Udmurtia in the Second Half of the XX Century. In: [Demographic Potential of the EAEU Countries: Collection of Articles from the VIII Ural Demographic Forum]. Vol. 1. Yekaterinburg; 2017. P. 161–166. (In Russ., abstract in Eng.)
9. Ivanov V.P. [Dynamics of the Distribution and Population of the Chuvash in the Regions of Russia in the 20th Century]. *Regionology*. 2005;(3):191–197. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mbbvld>
10. Soloviev E.V., Shabykov V.I. The Influence of Urbanization on the Dynamics of Linguistic Behavior of Non-Russian Ethnic Groups of the Republic of Mari El. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskustvo. Sociologiya. Kul'tura*. 2019;(75):42–51. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/lfnarc>
11. Belyaeva N.F. Modern Ethnic-Demographic Processes of Mordovian Rural Population. *Humanitarian: Actual Problems of the Humanities and Education*. 2017;(3):33–43. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/zigbbx>
12. Kuseev R.G., Danilko E.S. (eds) [Bashkirs]. Moscow; 2015. 662 p. (In Russ.)
13. Mokshin N.F., Fedyanovich T.P., Khristolyubova L.S. (eds) [Peoples of the Volga and Ural Regions: Komi-Zyryans. Komi-Permians. Mari. Mordvins. Udmurts]. Moscow; 2000. 579 p. (In Russ.)
14. Urazmanova R.K., Cheshko S.V. (eds) [Tatars]. Moscow; 2001. 583 p. (In Russ.)
15. Ivanov V.P., Korostelev A.D., Yagafova E.A. (eds) [Chuvash]. Moscow; 2017. 654 p. (In Russ.)
16. Bushuev A.S., Gабдрахманова G.F., Zagidullin I.K., Izmailov B.I. [Tatars in Population Censuses]. Kazan; 2021. 75 p. (In Russ.)

17. Safin F.G., Mukhtasarova E.A., Khaliullina A.I. Ethno-Linguistic and Ethno-Demographic Development of Finno-Ugric Nations in the Ural-Volga Region. *Finno-Ugric World*. 2019;11(2):152–167. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.02.152-167>
18. Fauzer V.V. The Finno-Ugric People in the Modern World. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2011;(3):111–125. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/oqrhlt>
19. Uvarov S.N. Udmurts: Assimilation or Depopulation? (To the Results of the All-Russian Population Census of 2021). *Finno-Ugric World*. 2023;15(4):461–471. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/toonsd>
20. Gabdrakhmanova G.F., Alos I Font E. On the Question of Fixing the National-Language Composition of the Population in the All-Russian Population Census 2020–2021. *Sociological Studies*. 2024;(1):28–39. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S0132162524010032>
21. Tishkov V.A. Counting the Peoples or Deconstructing Population Censuses. *Ethno Review*. 2023;(4):183–211. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S0869541523040085>
22. Chudinovskikh O.S. On the Issue of the Possibility of Studying Migration Based on the Materials of the 2020 All-Russia Population Census. *Demographic Review*. 2025;12(2):4–34. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27489>
23. Chernysh M.F., Markin V.V., Baymurzina G.R. Small Towns of Russia: New Challenges, Social Problems and Prospects: Monograph. Moscow; 2021. 598 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-378-2.2021>
24. Rybakovsky O.L. Reproduction of the Population of the Regions of Russia in 1992–2024: Results, Components, Factors. *Population*. 2024;27(4):4–17. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-4-4-17>

Information about the author:

Guldar F. Akhmetova, Cand.Sci. (Hist.), Senior Researcher, Ufa University of Science and Technology (32 Zaki Validi St., Ufa 450076, Russian Federation), Leading Researcher, Institute of Strategic Researches of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (20/1 50 let Oktyabrya St., Ufa 450005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9367-0246>, SPIN-code: 8427-0965, aguldar@yandex.ru

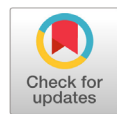
The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 07.04.2025; revised 25.08.2025; accepted 08.09.2025.

РЕЦЕНЗИЯ REVIEW

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.513-515><https://elibrary.ru/bsqrey>

УДК / UDC 930.253

Историческое наследие на страницах переписных книг

Рецензия: «Переписные книги Алатырского уезда 1688, 1696 и 1710 годов. Сост.: В. Д. Кочетков, С. В. Видяйкин, О. И. Марискин. Саранск: НИИГН; 2024. 654 с.

Л. Г. Скворцова

*МГУ им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация
skvorcova@isi.mrsu.ru*

Аннотация

Рецензия посвящена значимому событию в историографии Мордовского края – публикации в 2024 г. комплекса переписных книг Алатырского уезда конца XVII – начала XVIII в., подготовленных историками В. Д. Кочетковым, С. В. Видяйкиным и О. И. Марискиным. В издание вошли «Перепись князя Василия Путятина 196-го году (1688)», «Переписная книга 7204 (1696 г.) стольника и воеводы Семена Федоровича Грибоедова, мордовских деревень Алатырского уезда» и «Переписные окладные книги стольника князя А. А. Болховского русских крестьян в селах и деревнях Алатырского уезда, поселившихся на покинутых мордовских землях» (1710 г.). Публикация источников открывает новые возможности для глубокого изучения социально-экономических процессов региона в контексте петровских преобразований. Издание осуществлено благодаря финансированию Фонда поддержки социальных проектов «Талина» (учредитель – В. С. Бирюков) в рамках патриотического социокультурного проекта «Во имя будущего!».

The Historical Legacy on the Pages of Census Books

Review: [Alatyr District Census Books of 1688, 1696, and 1710]. Compilers: V. D. Kochetkov, S. V. Vidiaykin, O. I. Mariskin. Saransk: Research Institute for Humanities; 2024. 654 p.

L. G. Skvortsova

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation
skvorcova@isi.mrsu.ru*

Abstract

This review is devoted to a significant event in the historiography of the Mordovian region: the 2024 publication of the set of census books from the Alatyr district, dating from the late 17th to the early 18th century, prepared by historians V. D. Kochetkov, S. V. Vidiaykin and O. I. Mariskin. The volume comprises the “Census of Prince Vasily Putyatin of the Year 196 (1688)”, the “Census Book of the Year 7204 (1696) by Stolonik and Voyevoda Semyon Fyodorovich Griboyedov, of Mordovian Villages in Alatyr District”, and the “Census and Tax

© Скворцова Л. Г., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Assessment Books by Stoloni Prince A. A. Bolkhovskiy of Russian Peasants in Villages and Hamlets of Alatyrs District, Settled on Abandoned Mordovian Lands” (1710). The publication of these primary sources opens new avenues for an in-depth examination of the region’s socio-economic processes within the context of Petrine reforms. This edition has been made possible through funding from the Talina Social Projects Support Foundation (founded by V. S. Biryukov) as part of the patriotic socio-cultural project “In the Name of the Future!”.

В 2024 г. Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия в серии «Свод документов и материалов по истории и культуре мордовского края» опубликовал переписные книги конца XVII – начала XVIII в. по мордовским и русским селениям Алатырского уезда. В издание вошли три переписные книги Алатырского уезда времен правления Петра I – «Перепись князя Василия Путятина 196-го году (1688)», «Переписная книга 7204 (1696 г.) стольника и воеводы Семена Федоровича Грибоедова, мордовских деревень Алатырского уезда» и «Переписные окладные книги стольника кн. А. А. Болховского русских крестьян в селах и деревнях Алатырского уезда, поселившихся на покинутых мордовских землях» (1710 г.).

Данное издание, подготовленное историками В. Д. Кочетковым, С. В. Видяйкиным и О. И. Марискиным, продолжает начатую ранее серию публикаций писцовых и переписных книг Алатырского уезда XVII в.¹

Алатырский уезд был одним из крупнейших в мордовском крае и Присурском регионе и в XVIII в. превосходил по численности населения большинство соседних уездов. К началу XVIII столетия этнический состав Алатырского уезда претерпел значительные изменения. Мордва-эрзя, ранее доминировавшая в регионе, к этому времени была представлена лишь в 85 деревнях, что составляло 80,95 % от численности 1671 г. Русское население, напротив, стало преобладающим, заняв 311 селений. Согласно расчетам Н. В. Заварюхина, сельское население уезда в указанный период превышало 77 тыс. чел. Русские составляли абсолютное большинство – около 50 тыс. чел. (64,94 %)².

«Перепись князя Василия Путятина 196-го году» и «Переписные окладные книги стольника кн. А. А. Болховского...» воспроизводятся составителями в издании по рукописной копии, входящей в состав «Переписной книги переписанных деревень по станам Алатырского уезда с описанием их местоположения и населения». Эта рукопись, хранящаяся в Государственном архиве Ульяновской области (фонд Симбирской губернской ученой архивной комиссии), представляет собой сборник из шести переписных и писцовых книг, охватывающих дворцовые земли Алатырского уезда с XVII по начало XVIII в.

«Переписная книга 7204 (1696 г.) стольника и воеводы Семена Федоровича Грибоедова...» также входит в «Переписную книгу...», хранящуюся в Ульяновске. Предполагается, что более ранняя версия данного произведения, являющаяся, вероятно, оригиналом, хранится в Научном архиве Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия в Саранске. Именно этот экземпляр послужил основой для воспроизведения текста в рецензируемом издании.

Все три переписные книги обладают схожей структурой, которая заключается в систематизации данных о поселениях дворцовых крестьян Алатырского уезда. Информация в каждой книге организована по следующим категориям: название населенного пункта с детализацией по жилым и пустым дворам (включая сведения о времени и причинах их запустения), общее число дворов и численность проживающих в них

¹ Мордовский фронт в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII века). Сост.: В. Д. Кочетков, С. В. Видяйкин, О. И. Марискин, В. А. Нестеров. Саранск: НИИ ГН; 2017. 398 с.; «Книга переписная князя Ивана Путятина 179 году». Сост.: В. Д. Кочетков, С. В. Видяйкин, О. И. Марискин, В. А. Нестеров. Чебоксары; 2021. 240 с.

² Заварюхин Н. В. Очерки по истории мордовского края периода феодализма. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та; 2009. С. 37.

людей. В то же время переписная книга, составленная А. А. Болховским, не содержит информации о пустующих дворах, но включает данные о сборе ясака с пришлого русского населения.

Переписные книги представляют собой ценнейший источник для историков, демографов и краеведов, поскольку они детально отражают изменения в численности дворцового крестьянского населения Алатырского уезда в период правления Петра I и предшествуют введению ландратских переписей. Эти документы имеют огромное значение для изучения миграционных и демографических тенденций региона в последней четверти XVII – начале XVIII в. Переписи содержат важный материал, позволяющий точно определить местоположение дворцовых поселений в рамках уезда и его административных границ. Кроме того, они предоставляют подробные сведения о размерах, структуре и этническом составе данных поселений.

Издание предоставляет ценную информацию относительно христианизации мордвы. Особое внимание переписчиков к новокрещеным позволяет установить их численность в сравнении с общим мордовским населением и определить их географическое распределение по территории уезда.

В приложения издания включены малоизвестные документы Алатырской дворцовой приказной избы, извлеченные из фондов ГАУО. Представленные документы проливают свет на оживленную социально-экономическую деятельность жителей Алатырского уезда в последние десятилетия XVII в., расширяя информацию, содержащуюся в переписных книгах. В качестве дополнения к ним приводятся биографические данные переписчиков.

Книга дополнена комплексом научно-справочных материалов, включающим: подстрочные комментарии, именной и географический указатели для каждой переписной книги, а также терминологический словарь.

Издание переписных книг по мордовским и русским селениям Алатырского уезда, безусловно, будет способствовать более полному и глубокому пониманию социально-экономических процессов в мордовском крае в эпоху петровских преобразований.

Информация об авторе:

Скворцова Лариса Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории и информационных технологий МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7372-5331>, SPIN-код: 8313-2914, skvorcova@isi.mrsu.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 10.11.2025; принята к публикации 17.11.2025.

Information about the author:

Larisa G. Skvortsova, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor of the Department of Economic History and Information Technology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7372-5331>, SPIN-code: 8313-2914, skvorcova@isi.mrsu.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 10.11.2025; accepted 17.11.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Научный журнал «Финно-угорский мир» публикует оригинальные научные статьи на русском и английском языках, ранее не публиковавшиеся в других изданиях. Цель издания – пропаганда фундаментальных и прикладных достижений в области гуманитарных наук и финно-угроведения на территории Российской Федерации и за рубежом. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати). Журнал приветствует статьи, содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Финно-угорский мир» необходимо учесть следующие пункты:

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (250–300 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

- 1) Введение;
- 2) Материалы и методы;
- 3) Результаты исследования и их обсуждение;
- 4) Заключение.

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья. Важно провести сравнительный анализ с зарубежными исследованиями по заявленной проблематике.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках. Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать редактирование текста и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов. Разнохарактерные иллюстрации необходимо приводить к единому стилю графического исполнения, соблюдая единообразие их оформления. Графики, схемы и диаграммы необходимо оформлять в Microsoft Excel.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список литературы** оформляется в формате Vancouver в версии AMA. В него включаются только рецензируемые источники (статьи из научных журналов), включенные в глобальные индексы цитирования. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., ученое звание и должность, организация(и), адрес организации(й) (желательно указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, SPIN-код, электронная

почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. Вклад авторов. Для формулировки фактического вклада каждого соавтора в выполненную работу необходимо использовать таксономию CRediT (Contributor Roles Taxonomy) – стандарт, разработанный Национальной организацией по информационным стандартам (National Information Standards Organization, NISO) (<https://credit.niso.org/>). Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно. *Приводится на русском и английском языках.*

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Финно-угорский мир» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей (срок действия рецензии – 1 год).

Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации (без доработки или с доработкой) или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц.

Макаркин Николай Петрович – главный редактор.

Мосина Наталья Михайловна – заместитель главного редактора, научный редактор.

Никонова Юлия Николаевна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS

The Finno-Ugric World journal publishes original scientific articles (Full Articles) in Russian and English, previously not published in other editions. The purpose of the publication is to promote fundamental and applied achievements in the field of humanities and Finno-Ugric studies in the Russian Federation and abroad. Duplicate publications are subject to retraction (withdrawal from press) in case of detection. Submission to the editorial office of previously published articles or articles sent for publication to other journals is not allowed. In the event of simultaneous submission of a manuscript to different journals, the published article will be retracted (withdrawn from print).

The journal gives preference to the articles with potentially high impact factor or containing significant advances in considered areas of science. Particular attention should be paid to the quality of translation.

It is desirable that this be performed by a native speaker of English.

To submit an article in the journal Finno-Ugric World you should know:

1. It is necessary to indicate the **UDC code**.

2. **The title of the article** should briefly (no more than 10 words) and accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the conducted research. *The title is to be provided in Russian and English.*

3. **The abstract** performs the function of an expanded title and informs readers about the article's content. It should comprise the following sections:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results and Discussion;
- 4) Conclusion.

The recommended abstract volume is 250–300 words. **The abstract is to be provided in Russian and English.**

4. **Keywords** consist of the search terms used by all bibliographic databases to search for scientific articles by keyword. For this reason, the keywords should reflect the main statements, achievements, results and terminology of scientific research. The recommended number of keywords is 5–10. *The keywords are to be provided in Russian and English.*

5. **Acknowledgements.** In this section, mention should be made of people who helped the author to prepare the article and any organisations that provided financial support. Expressing gratitude to anonymous reviewers is considered good form. *The acknowledgements are to be provided in Russian and English.*

6. **The main** text of the article is to be presented in Russian or English according to a specific sequence:

1) The Introduction must contain the formulation of a scientific problem, stating its relevance, connection with the most important tasks that need to be solved and its importance for the development of a particular branch of science or practice.

2) Literature Review. Here it is necessary to outline the principal contemporary studies and publications on which the argument relies, state current views on the problem, underline difficulties in developing the topic and highlight unresolved issues within the main problem to which the article is devoted. It is important to carry out a comparative analysis that cites existing publications on the stated issues.

3) Materials and Methods. This section describes the process of organising the experiment, the methods applied and any equipment used (including software). It should provide detailed information about the object of study, indicate the sequence of research and justify the choice of methods used (observation, survey, testing, experiment, laboratory experience, analysis, modelling, etc.).

4) Results. In this part of the article, analytical and statistical materials should be systematised. The results of the study should be described with sufficient degree of completeness so that the reader can trace its stages and assess the validity of the conclusions made by the author. This is the main section, the purpose of which is to confirm or repudiate the working hypothesis (hypotheses).

If necessary, the results should be confirmed by illustrations (tables, graphs, drawings) that represent the source material or evidence in a compact form. It is important that the visual information does not duplicate information already given in the text. The results presented in the article should be compared with previous works in this area both by the author and other researchers. Such a comparison will additionally reveal the novelty of the work carried out and give it objectivity. The results of the study should be summarised, but at the same time contain enough information to assess the findings. The decision to select the particular data for analysis must also be justified. All titles, captions and structural elements of graphs, tables, charts, etc., are to be provided in Russian and English. Figures, which can either be presented in vector or raster format (at least 300 dpi resolution), should permit editing of text elements and resizability. All graphic data placed in the text of the article should additionally be sent as separate files. Diverse illustrations should conform to a single style of graphic presentation ensuring the uniformity of their design. Graphs, charts and diagrams should be drawn up in Microsoft Excel.

5) Discussion and Conclusion. In the conclusion, the results of the understanding of the topic should be summarised along with conclusions, generalisations and recommendations arising from the work. In addition, the practical significance of the results should be emphasised along with a discussion of the main directions for further research. It is desirable to include in the final part of the article attempts to forecast the development of the issues considered.

7. **List of references.** The bibliographic description of the documents should conform to the requirements of the Vancouver Citation Style. It is necessary to refer first of all to original sources from scientific journals included in the major global citation indices. It is essential that the link to the source be correctly formatted. The authors' names, journal (e-mail), year of publication, volume (issue), number, pages where the cited information may be found, as well as DOI or URL should be indicated. *The list of references is to be provided in Russian and English.*

8. **Information about authors.** Full surname, first name and any second names or patronymics of the authors; detailed information about the authors: scientific degree, title, position, official name of institution without abbreviations, address of institution (it is necessary to indicate all author workplaces where the research was carried out (permanent address, place of project implementation, etc.)); ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, Author ID in the Russian Science Citation Index; e-mail, phone, postal address for the author's copy. *Information about authors is to be provided in Russian and English.*

9. **Authors' contribution.** To formulate the actual contribution of each co-author to the completed work, it is necessary to use CRediT (Contributor Roles Taxonomy) – a standard developed by the National Information Standards Organization (NISO) (<https://credit.niso.org/>). The order of citation of authors and co-authors of the article is agreed by them independently. *Information is provided in Russian and English.*

The author agrees to the terms of the enclosed license agreement by submission of the article.

As part of the submission, the journal will peer review your article before deciding whether to publish it.

The journal Finno-Ugric World uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa, throughout the review process. Validity of reviews is one year. A reviewer analyses an article and decides recommending it for publication (after revision of without it), additional reviewing or refusing of it. In case of noncompliance of an author with the comment of a reviewer, they can address a motivated statement to Editorial Board.

The editorial policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legitimacy, plagiarism, ethical principles, kept in community of leading scientific issues publishers. The editorial policy is based upon traditional ethical principles of Russian academic periodicals; it supports Academic Periodicals Ethical Codex, stated by Committee on Publication Ethics (Russia, Moscow) and it is formed in account of standards of ethics of editors' and publishers' work confirmed by Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors and Code of Conduct for Journal Publishers, developed by Committee on Publication Ethics (COPE).

Free reproduction of the Journal's materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with Articles 1273 and 1274, Chapter 70, Part IV of the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.

The journal is distributed by subscription, requests of universities, educational institutions and individuals.

Nikolay P. Makarkin – Editor-in-Chief.

Natalya M. Mosina – Deputy Editor-in-Chief, Scientific Editor.

Yuliya N. Nikonova – Executive Editor. Tel.: +7 8342 481424.

Главный редактор Н. П. Макаркин

Редактор Е. Н. Ширшикова

Верстка и дизайн А. А. Куркина

Перевод О. С. Сафонкина

Информационная поддержка сайта журнала А. А. Парамонова

Дизайн обложки Е. А. Климкина

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия,

г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68.

Тел./факс: (8342) 48-14-24.

E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Электронная редакция:

<https://journals.rcsi.science/2076-2577>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия,

г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24
(Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»)

Editor-in-Chief N. P. Makarkin

Editor E. N. Shirshikova

Layout design A. A. Kurkina

Translation by O. S. Safonkina

Informational support of the Journal's website by A. A. Paramonov

Cover design E. A. Klimkina

Editorial office: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005,

Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424

E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Electronic edition:

<https://journals.rcsi.science/2076-2577>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005,

Republic of Mordovia, Russian Federation

Address of the Printing Office: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005,

Republic of Mordovia, Russian Federation

(Publishing House of National Research Mordovia State University)